

ЗАГАДКА

ГОДА

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

ЗАВЕЩАНИЕ СТАЛИНА

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

ЗАВЕЩАНИЕ СТАЛИНА

ЭКСМО
МОСКВА
2009

«АЛГОРИТМ»

УДК 323
ББК 63.3
Б 20

Баландин Р. К.
Б 20   Завещание Сталина / Р. К. Баландин. — М. : Алгоритм :
Эксмо, 2009. — 304 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-699-34079-8

Существует анекдот. Незадолго до смерти Сталин оставил два запечатанных конверта. На одном надпись: «Вскрыть в трудное время». На втором: «Вскрыть в критическое время».

Когда наступило трудное время, вскрыли первый конверт. Записка: «Сваливайте все на меня». Когда наступило критическое время, вскрыли второй конверт. Записка: «Делайте, как я».

А действительно, что завещал нам И. В. Сталин? Не пора ли нам уже «вскрыть второй конверт»?

УДК 323
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-34079-8

© Баландин Р. К., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ВВЕДЕНИЕ

В 1917 году в России пала монархия, существовавшая более тысячи лет. Мне уже приходилось подробно писать о том, что ни Ленин, ни, тем более, Сталин и другие большевики не принимали активного участия в свержении самодержавия («Мифы революции 1917 года», М., 2007). В действующей армии, в столице и отчасти в стране воцарилась анархия. Николай II под давлением представителей буржуазных партий и военного руководства добровольно-принудительно отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Но и тот, не получив гарантии своей безопасности, тоже отказался от власти, которую подхватило Временное правительство.

Но удивительная легкость свержения буржуазного правительства в октябре семнадцатого доказывает его полную несостоятельность. Генерал А. И. Деникин писал: «Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения».

Во время Октябрьского восстания противник был подавлен морально. 26 октября в разговоре с генерал-квартирмейстером Северного флота Барановским свидетель событий поручик Данилевич сказал: «Все это вышло просто до изумительного». Миф о штурме Зимнего под залпы крейсера «Аврора» призван был показать героический

энтузиазм красногвардейцев, славный апогей Октября. В этом была своя правда — такая же, как в мифах, воспевающих героическую эпоху и ее героев. Никто не сомневается, что Троянская война отличалась от ее изображения в «Илиаде». Но это не мешает вновь и вновь возвращаться к бессмертным образам Гомера.

...Существует мнение: когда толпы народа вершат свою волю, начинается вакханалия беззакония. Но значительные жертвы и разрушения происходят при противоборстве государственных систем, классовых или партийных интересов. А когда народные массы сохраняют единство, они не встречают серьезного сопротивления. Кто может им противостоять?

Анархия — это свобода. Вопрос лишь в том, какая свобода, для кого и ради каких целей.

Деструктивная анархия, захлестнувшая страну в 1917 году, могла завершиться развалом России, отчленением окраин, а затем и Центрального района, Сибири. Даже казаки требовали автономии. Такова была суровая реальность. Остановить развал, укрепить государственные устои, сохранить целостность державы могла только жесткая диктатура.

Для народа было губительно состояние взаимной ненависти, развала государства. Это состояние преодолели, установив «диктатуру пролетариата», точнее — партии большевиков.

Адмирал великий князь Александр Михайлович, почти все близкие родственники которого были убиты большевиками, писал незадолго до своей смерти: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Владимир Ильич не позволил расчленить страну. Он оставил после себя государство, которое было немногим меньше Российской империи. Однако пребывало оно

в плачевном состоянии разрухи, разброда и морального упадка населения. Сказывалось трагическое наследие мировой и Гражданской войн.

Требовались титанические усилия новой власти, чтобы мобилизовать народ и поднять народное хозяйство, повысить культурный уровень населения. Справился ли Сталин с непомерными трудностями восстановления страны? Да, справился. Потому что его поддержал советский народ.

Без единства, без доверия к вождю такие подвиги в труде и сражениях невозможны. Этого не желают, не могут понять те, кто привык пресмыкаться и служить хозяевам, а уж тем более — кто ненавидит Россию-СССР.

О том, как Сталин выполнил заветы Ленина (и что из них и почему не исполнил в полной мере) я написал в книге «Тайны завещания Ленина». Нам нет необходимости затрагивать эту тему. Главное: СССР стал сверхдержавой и приобрел колоссальный авторитет во всем мире. Этим определялся и столь же необычайный культ личности Сталина не только у нас, но практически у народов всех стран.

Вряд ли можно оспорить то, что Ленин и Сталин были поистине сильными мира сего. Дело не в том, что они поднялись на верхнюю ступень власти в России. И даже не в том, что им удалось укрепить власть коммунистов. Их достижения несравненно весомей.

Об этом не отличающиеся умом и честностью историки стараются не упоминать. Возможно, они, не имея опыта практической работы, не в силах понять, как трудно справиться с теми задачами, которые сумеет решить Ленин и Сталин. Для этого требовался не только здравый ум и крепкая память, но и обширные знания, чудовищная работоспособность, умение учиться на своих ошибках, негибкая воля, мужество принимать смелые решения в сложнейших ситуациях, вера в свое правое дело...

Можно ненавидеть по каким-то причинам Ленина и Сталина, но надо быть честным хотя бы перед самим собой: эти люди были из когорты героев, в один ряд с которыми можно поставить очень немногих государственных деятелей мировой истории.

* * *

Существует анекдот. Незадолго до смерти Сталин оставил два запечатанных конверта. На одном надпись: «Вскрыть в трудное время». На втором: «Вскрыть в критическое время».

Когда наступило трудное время, вскрыли первый конверт. Записка: «Сваливайте все на меня». Когда наступило критическое время, вскрыли второй конверт. Записка: «Делайте, как я»...

Основным пунктом негласного завещания Ленина было: укрепить Советский Союз. И его преемнику это удалось в полной мере. Таким же был и главный завет Сталина. Ну а что еще? Оставил ли он более конкретные указания тем, кто станет после него во главе державы?

Эти и многие другие вопросы, включая причины развала СССР, современного состояния России и вариантов ее возможного будущего, нам и предстоит обдумать.

Глава 1

СТРАННОЕ СОЧИНЕНИЕ ВОЖДЯ

Вопросы языкознания

20 июня 1950 года в газете «Правда» появилась статья И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Она была воспринята читателями, мягко говоря, неоднозначно. До этого вождь редко выступал на страницах центрального органа партии, имевшего гигантский тираж. Тем более что в данном случае речь шла вроде бы о каких-то теоретических проблемах одной из гуманитарных наук.

Я тогда закончил девятый класс и был сильно удивлен. Престарелый руководитель страны, вождь народов, крупнейший государственный деятель эпохи вдруг на какое-то время оставил свои важнейшие дела (страна еще только восстанавливалась после войны) и озаботился темой, которую он не мог знать профессионально. Разве все остальные вопросы у нас решены?

Признаться, у меня мелькнула мысль: странно поступил товарищ Сталин на старости лет. Или он собирается уходить на пенсию? Когда через два с половиной года Сталин умер, я укрепился в своем мнении, что его данная работа была несвоевременной, необязательной, а постоянные восхваления сталинского гения чрезмерно преувеличены.

Начиналась статья: «Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением — высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в

части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение».

В те времена вряд ли у кого-то возникла мысль о том, что Сталин мог позволить кому-то написать текст за себя. Тем более было непонятно его желание продемонстрировать свои знания в непростой области языкознания. Неужели вождь настолько уверен в себе, что не опасается попасть впросак?

Впрочем, политизированный писатель Э. Радзинский утверждал, будто «он разрешил своим академикам поработать на него. Правда, и сам хорошо потрудился — не только переписал заново все от начала до конца, но и добавил туда свои новые, потаенные мысли».

Идейный соратник этого писателя политисторик Б. С. Илизаров добавил свою дополнительную струю, утверждая, что Сталин «обладал способностью точно оценить чужую мысль. Но творческой потенции в нем не было. Даже его известные "научные" работы по национальному вопросу, по политэкономии и языкознанию ничтожны по своей базе и выводам. Достаточно сказать, что в основе его изысканий по языкознанию лежат несколько статей из одного тома БЭС, посвященных яфетической концепции Н. Марра, двух небольших отдельных работ академика и нескольких цитат из классиков марксизма».

(Приведенные суждения, как мне представляется, свидетельствуют прежде всего о творческой немочи или нечестности авторов, не сумевших или не пожелавших вдуматься в смысл сталинских сочинений, не способных оценить уровень его знаний. Например, В. И. Ленин писал, что для решения национальных вопросов, «которые сотни лет занимали европейские государства», нельзя «назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина». Впрочем,

два упомянутых выше автора, по-видимому, считают себя умней и Сталина, и Ленина, и вообще всех тех, кого они понять не в состоянии.)

* * *

Итак, сталинская статья по вопросам языкознания вызывала тогда недоумение, и, полагаю, не у меня одного. Ссылаюсь на себя, потому что только четыре десятилетия спустя стал понимать значение этой работы как одного из важных пунктов завещания Сталина.

Поводом для этой работы Сталина стала статья академика И. И. Мещанинова и профессора Г. П. Сердюченко «Языкознание в сталинскую эпоху», опубликованная в приуроченной к 70-летию юбилею вождя книге «Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР». В этой статье (сошлюсь на материалы из книги Юрия Емельянова «Сталин. На вершине власти») восхвалялась «перестройка теории языкознания, произведенная в послеоктябрьский период крупнейшим советским языковедом и новатором в науке, академиком Николаем Яковлевичем Марром». По словам авторов, она была осуществлена «под непосредственным и сильнейшим воздействием... ленинско-сталинской национальной политики и гениальных трудов товарища Сталина». Утверждалось, что язык — «сложнейшая и содержательнейшая категория надстройки», «незаменимое орудие классовой борьбы».

Казалось бы, если придерживаться взглядов хулителей Сталина, вождь должен был после таких славословий в свой адрес преисполниться самодовольством и поддерживать раздувателей его культа. А вышло как раз наоборот. Он опроверг все их утверждения. Не потому, что возмутился претензиями Марра стать основоположником марксизма в языкознании. А потому, что выступил во имя правды.

В вышедшем через год после смерти Сталина томе Большой Советской Энциклопедии «Марксизм и вопросы языкознания» было представлено как «выдающееся произведение И. В. Сталина, в котором нашли дальнейшее развитие марксистское учение о языке и коренные положения диалектического и исторического материализма, в особенности положения о закономерном характере общественного развития, об экономическом базисе и надстройке общества».

Статью эту написал известный языковед и литературовед академик В. В. Виноградов. Нет оснований подозревать его в стремлении раздувать культ Сталина. Зачем? Не было уже вождя в живых. Том энциклопедии подписали к печати в середине апреля 1954 года. При желании Виноградов мог бы исправить свой текст. Если он этого не сделал, значит, был убежден в справедливости своих суждений.

Первый вопрос, на который пожелал ответить Сталин: «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?»

Ответ был отрицательным. Если не вдаваться в детали, получалось несоответствие с учением Карла Маркса и основным утверждением материализма. Если существует единственный фундамент общества — экономический базис, то все прочее следует относить к надстройке. Это вполне соответствует постулату о том, что материя первична, а сознание вторично. Одно из проявлений сознания — язык. Значит, он определяется материальным бытием и должен считаться надстройкой. Неужели Сталин с этим не согласен? Он что же — идеалист?

Второй вопрос: «Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?»

Вновь ответ Сталина отрицательный. Хотя ставший академиком еще в царское время Н. Я. Марр — профессиональный языковед, археолог, востоковед — пришел к прямо противоположному выводу. Он доказывал, что

язык — надстройка над экономическим базисом и явление классовое, а не общенациональное. Нередко правящий класс говорит не на языке простого народа или, по крайней мере, вырабатывает свой язык, отражающий определенное мировоззрение. Разве деление на классы — не коренная особенность человеческого общества? И если существует борьба классов, основанная на экономическом базисе, то разве это не должно выражаться и в языке? Или Сталин полагает, что есть общенациональные интересы, которые важнее, первичнее, чем классовые?

Третий вопрос: «Каковы характерные признаки языка?»

Казалось бы, политическому деятелю не следовало бы забираться в такие теоретические дебри, где и профессионалу легко заблудиться. Или вождь настолько уверовал в свою гениальность, что решил дать свои руководящие указания даже в таких сложнейших проблемах на стыке языкознания, философии, психологии, обществоведения?

Заключительный вопрос: «Правильно ли поступила «Правда», открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?»

Пожалуй, с этого можно было начать. Хотелось бы выяснить, насколько допустимо вести научную дискуссию на страницах главного партийного органа страны? И как ее вести, когда на главные вопросы уже дал свой ответ тот, кого считают выдающимся марксистом-ленинцем, гениальным мыслителем — вождь народов СССР, глава государства, а стало быть, высший авторитет. Кто посмеет оппортировать его мнение? Не звучит ли издевкой упоминание о «свободной дискуссии»?

Впрочем, не следует торопиться с выводами. У статьи Сталина было продолжение. На страницах «Правды» он вскоре ответил на письма читателей, высказавших неодобрение по поводу некоторых положений его работы или даже возражавших ему.

И все-таки вождь оставался вождем. Он не задавал вопросы, а отвечал на них; не размышлял, предлагая разные варианты объяснений, а высказывал свою точку зре-

ния. Создавалось впечатление, что он давал указания, вещал истины, а вовсе не спорил. Но зачем он это делал? Или ему, как думают некоторые его нынешние хулители, захотелось выставить себя великим мыслителем, «большим ученым»? Мол, мало ему было почестей как главе государства. Легко ему было участвовать в «свободной дискуссии», не имея серьезных оппонентов. Ведь главный из них — академик Марр — давно уже умер.

Вот на какие мысли наводит беглое знакомство с трудом Сталина по языкознанию. Но, как нередко бывает, первое впечатление оказывается обманчивым. При внимательном чтении открывается нечто такое, о чем поначалу и не догадываешься. Оказывается, Иосиф Виссарионович обозначил в этих своих ответах те принципы, которые можно считать его идейным завещанием.

...Небольшое отступление. В своем интересе к языкознанию Иосиф Сталин был не одинок среди великих правителей. Императрица Екатерина II в 1784 году увлеклась чтением солидного труда французского филолога и антрополога Кур де Жебелена. Ее увлекла идея единого праязыка (как много позже и Н. Я. Марра). Она даже принялась составлять сравнительный словарь всех языков. Собранные материалы она передала академику Палласу, который подготовил первый том под заглавием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы».

Правда, императрица никого не критиковала, философией марксизма не владела за неимением таковой, а потому о ее изысканиях в языкознании мало кому известно, да и не представляют они какого-то значительного интереса.

Ни надстройка, ни базис

Выхолощенный до примитивных схем марксизм — на радость лекторам-попугаям и пропагандистам — материальную и духовную структуру общества представлял

в виде двух основных категорий. В основании, как положено, покоится экономический базис, а над ним — разнообразные надстройки.

Сталин пояснял: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения». Где же в такой стройной системе место языка? Стараясь перейти на позиции марксизма, Н. Я. Марр нашел единственный, как ему показалось, верный ответ: язык следует отнести к категории надстройки.

Сталин возразил, сославшись на то, что в России был ликвидирован старый капиталистический базис и построен социалистический с его специфическими надстройками, а русский язык и все прочие не претерпели коренных изменений.

В этой связи — небольшое отступление. Революционные бури, сотрясавшие социальную структуру российского общества, сказывались и на духовной культуре. Были даже попытки создать новый язык. Например, в книге «Апокалипсис в русской литературе» Алексей Крученых утверждал, что «в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина»:

Дыр бул щыл
убещур
скуп
вы со бу
р л э з.

Возможно, подобные революционные «сдвиги» в словотворчестве (у Крученых была работа «Сдвигология русского стиха») побудили академика Марра выдвинуть столь же решительные идеи в языкознании. Но революционный пыл его учеников был угашен консервативными сужде-

ниями Сталина, который категорически отказался считать язык надстройкой. Он утверждал:

«Язык... коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, усилиями сотен поколений...

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

Тут, как говорится, не поспоришь. Происходят революционные перевороты, надстройки меняются, экономический базис тоже, а язык сохраняется.

«Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична». Так писал Сталин.

Какой же напрашивается вывод? Е. Крашенинникова попросила вождя пояснить. Что же такое язык и куда его отнести, если он не базис и не надстройка? Или он — нечто промежуточное? Или это «есть явление, свойственное и базису и надстройке»?

Сталин, отвечая, припомнил, что Н. Я. Марр причислял язык не только к надстройке над базисом, но и к орудиям производства. Но орудия производства производят материальные блага, тогда как язык «ничего не производит или "производит" только слова». И отделался шуткой: мол, «если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире».

Больше ничего пояснять и уточнять он не стал. Можно предположить методом исключения, что, по его мнению, есть нечто более фундаментальное и менее изменчи-

вое в своей сути, чем базис и надстройки. С другой стороны, разве язык как средство общения и развития людей не производит блага? Косвенно — материальные, непосредственно — духовные.

Если развить эту мысль, то получится, что на равных правах с материальным базисом общества существует и духовный, воплощенный, в частности, в языке. Но в таком случае рушится примитивная «марксистская» схема (конечно — не Марксово учение). Возникают новые вопросы. Можно ли вообще проявления духовной культуры причислять к «надстройке»? Разве религиозные верования меняются с изменением экономического базиса? Или меняются философские учения, научные теории, формы искусства?

Нет, конечно. Меняются государственное устройство, социальная структура общества, политика, господствующая идеология. Изменчива и материальная база, техника. Но есть язык, духовная культура, живущие по своим законам. А еще есть изменчивая природа — еще одна важнейшая категория, оставшаяся вне схемы...

* * *

Уклончивый ответ Сталина порождает массу вопросов. И это, конечно же, прекрасно. Самое безнадежное, когда вынесены решения окончательные, не предполагающие дальнейших исследований, не имеющие развития.

Сталину в его практической деятельности, в усилиях по созданию и укреплению нового, невиданного ранее государственного и общественного устройства приходилось не раз пренебрегать догмами марксизма-ленинизма. Жизнь невозможно уложить в прокрустово ложе любой теоретической конструкции.

Но все-таки научный метод предполагает создание гипотез, теорий и — более широко — учений, эмпирических обобщений. Тут без упрощения не обойтись. Не ме-

нее важно выработать определенное мировоззрение, чтобы иметь какие-то ориентиры в дебрях идей и фактов.

Может показаться странным, что идеи почтенного академика, избравшего марксизм как основу мировоззрения и попытавшегося с этих позиций осмыслить языкознание (как профессионал!), были решительно отвергнуты именно тем, кого принято было считать четвертым из когорты основоположников этого учения. Не проявилась ли ревность «матерого марксиста» к тому, кто посмел вторгнуться на его идейный плацдарм?

Нет, конечно. Сталин выступил, как бы это ни показалось странным, в защиту профессиональных научных теорий от влияния политики, господствующей идеологии. В то время иные ученые под впечатлением социального переворота были готовы, говоря словами С. Есенина, «задрав штаны, бежать за комсомолом», вносить революционные вихри в науку. Однако бывший пламенный революционер, а ныне государственный деятель, ставший по этой причине консерватором, предложил каждому специалисту заниматься своим делом без оглядки на политическую конъюнктуру.

Вряд ли Марр желал приобрести какие-то выгоды из своего стремления осмыслить языкознание с позиций марксизма. Судя по всему, он искренно поверил в то, что такое победоносное учение, логически выстроенное и подтверждаемое победой социализма, открывает новые перспективы и в науке.

Вообще-то, Марр шел, можно сказать, по следам классиков языкознания. Например, Вильгельм фон Гумбольдт в мае 1802 года писал Фридриху Шиллеру, что для него «общая энциклопедия языкознания» связана с «философией и народоведением». Но одно дело — связывать с философскими учениями (это происходит вольно или невольно во всех науках при переходе от частных проблем к обобщениям), а совсем другое — подчинять им научную мысль.

О классах и единстве общества

В своей работе Сталин вовсе не делал каких-то научных открытий и вряд ли на них претендовал. С позиции здравого смысла он высказывал достаточно тривиальные мысли, критикуя воззрения Н. Я. Марра. Иногда кажется, что академик и его сподвижники в своем стремлении укоренить марксизм в языкознании просто утратили ощущение реальности.

Они воспользовались религиозным методом: основывались на цитатах из сочинений, которые считали авторитетными. А подбирали их так, чтобы доказать полюбившуюся идею. Марксисты-ленинцы (отчасти и сам Сталин) сплошь и рядом поступали так же. Но это относилось главным образом к проблемам политики, идеологии. Для создания научной теории такой метод противопоказан.

Правда, в статье Сталина об этом нет речи. Он старался, прежде всего, доказать, что Марр и его сторонники неправильно поняли высказывания классиков марксизма. Например, у Маркса в статье «Святой Макс» сказано, что у буржуа есть «свой язык», который «есть продукт буржуазии». Казалось бы, явное свидетельство в пользу классового характера языка.

Словно обучая ученых корректности в цитировании, Сталин привел им в назидание другую выдержку из той же статьи, где говорится о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией». И пояснил: «Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон».

Другой пример. Ф. Энгельс написал: «Английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия», а «рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления,

другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия».

В данном конкретном случае Иосиф Виссарионович поддержал авторитет классика марксизма, полностью согласившись с ним: «Совершенно правильно, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны». И тут же добавил: «Но при чем здесь национальный язык, или «классовость» языка? Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу «классовости» языка или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия».

* * *

Критикуя своих оппонентов, Сталин, тем не менее, избегал грубого нажима и запелляционных утверждений. Он старался убедительно доказать свое мнение. Вот характерный пример его рассуждений.

«Ссылаются на то, что одно время в Англии английские феодалы "в течение столетий" говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу "классовости" языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то. Во-первых, на французском языке говорили тогда не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах. Во-вторых, они говорили не на каком-то "классовом" языке, а на обыкновенном общенародном французском языке. В-третьих, как известно, это баловство французским языком исчезло потом бесследно, уступив место общенародному английскому языку. Думают ли эти товарищи, что

английские феодалы и английский народ “в течение столетий” объяснялись друг с другом через переводчиков, что английские феодалы не пользовались английским языком, что общенародного английского языка не существовало тогда, что французский язык представлял тогда в Англии что-то большее, чем салонный язык, имеющий хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии?»

Читая Сталина, невольно подумаешь: да как же все просто? Он же высказывает очевидные, тривиальные истины. Как же некоторые профессиональные языковеды не додумались до них? Выходит, учение марксизма-ленинизма о классовой борьбе и непримиримых противоречиях в буржуазном обществе пробудило ультрареволюционные порывы у некоторых большевиков.

«У нас были одно время “марксисты”, — писал Сталин, — которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их скрыть и построить новые, “пролетарские” дороги. Они получили за это прозвище “троглодитов”...

Понятно, что такой примитивно-анархический взгляд на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он, безусловно, существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей».

* * *

Далее Сталин объясняет положение Ленина о существовании двух культур при капитализме: буржуазной и пролетарской: «Ленин здесь абсолютно прав... Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру».

Как государственный деятель Сталин считал своей первой обязанностью укреплять не только экономические, но также идейные устои Советского Союза, системы социализма. Этого же он требовал от мастеров (а более того — от подмастерьев) культуры. Могло ли быть иначе? Допустимо ли ставить интересы отдельных «творческих работников» выше национальных интересов?

На такой вопрос кто-то ответит утвердительно. Мол, свобода личности, его вдохновенных порывов важнее служения государственной машине. Но в данном случае следует иметь в виду общество и народ, именно национальные интересы, не противопоставляя им достаточно жалкие притязания личности (чаще всего — бездарной) на свободу творчества. Эту свободу можно использовать во вред Родине и на пользу ее врагов.

Кстати, пролетарский писатель-гуманист Максим Горький в статье «С кем вы, "мастера культуры"?» (1932 год) писал: «Буржуазия враждебна культуре... — вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств».

«Язык и революция»

Так называлась брошюра пламенного марксиста Поля Лафарга. Он утверждал, что во время Великой французской революции «произошла внезапная языковая революция».

Эту мысль подхватил Н. Я. Марр. Он, в частности, писал: «Есть система культур, как есть различные системы языков, сменявшие друг друга со сменой хозяйственных форм и общественности с таким разрывом со старыми формами, что новые типы не похожи на старые так же, как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась».

Сталин, не вдаваясь в полемику о соотношении курицы и яйца, возразил по существу, опровергая Марра:

«Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов, — и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка... продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка... нужны столетия».

Эти его соображения не следовало бы вспоминать, если бы не одно обстоятельство. От частного вопроса, относящегося к языкознанию, он перешел к более общему и актуальному:

«Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка». И привел пример: в СССР 8—10 лет осуществлялся переход к социалистическому, колхозному строю. Этот переворот совершался не путем свержения существующей власти, а постепенно. «Это была революция сверху... по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства».

Так-то оно так, да не совсем. О постепенности такого перехода от индивидуального к коллективному сельскому хозяйству можно говорить с большой натяжкой, так же как о поддержке основных крестьянских масс. Сначала была попытка осуществить переход самым настоящим взрывным революционным путем в 2—3 года. Она провалилась из-за противодействия со стороны большинства крестьян. Приходилось применять силу. Вывод: если ука-

зы и постановления можно огласить быстро, психологию крестьянина по приказу враз не изменишь.

С тех пор Сталин постоянно охлаждал революционный пыл большевиков, слишком многие из которых не могли перейти к мирному строительству социализма, действуя по-прежнему больше приказами и запугиванием, чем уговорами и разъяснениями.

А может быть, подобных ультрареволюционеров троцкистского толка (Троцкий предлагал превратить Россию в трудовой лагерь с военной дисциплиной) не было среди высокопоставленных коммунистов? Как показали последующие события, они были. Наиболее явно проявил себя в этом качестве Хрущев. Позже новые революции сверху, покончившие с социализмом в нашей стране и расчленившие Советский Союз, учинили Горбачев и Ельцин со своими сообщниками и сторонниками.

Не прошло и двух десятилетий со времени буржуазной революции в нашей стране и установления капиталистических отношений, как явно проявился процесс деградации русского языка. Он не обогатился, а замусорился иностранными словечками и выражениями, разговорная речь стала не только выхоленной, предельно упрощенной, что можно объяснить ослаблением интеллекта, но и нередко непристойной, изгаженной матерщиной. Это относится и к обыденным разговорам (в частности, среди женщин и при них), и к печатным изданиям, и к театральным подмосткам.

Но все-таки русский язык не отмирает и не перерождается. Он остается в потенции все тем же. У части русских он совсем не изменился. Вопрос лишь в том, как им пользуются большинство русских, а также нацмены и какое к нему отношение в мире. Естественно, с развалом социалистического содружества государств и расчленением СССР престиж русского языка значительно упал. Однако сам он сохраняется и будет жить, пока останутся люди, для которых русская культура родная.

Вот и Сталин, на вопрос, каковы характерные признаки языка, ответил: «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Вне общества нет языка...

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе».

Зачем понадобилась дискуссия?

Отвечая на этот вопрос, Сталин прояснил и то, по какой причине он принял в ней активное участие. Точнее сказать, выступил со своими, как тогда говорили, основополагающими высказываниями. По его словам: «Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого "нового учения" в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорирова-

лось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать».

Переход от частной науки к обобщению вполне понятен, если вспомнить, что Сталин в течение всей своей деятельности на посту главы советского правительства неустанно и беспощадно боролся с подобными «замкнутыми группами непогрешимых руководителей», которые начинали «самовольничать и бесчинствовать», обезопасив себя «от всякой возможной критики».

* * *

Завершает работу И.В. Сталина ответ «товарищу А. Холопову». Начинается уважительно: «Ваше письмо получил. Опоздал немного с ответом ввиду перегруженности работой». Но далее называет два его предположения глубоко ошибочными. В их суть он не стал вдаваться, предпочитая, как поучал Козьма Прутков, смотреть в корень. Ибо, по словам Сталина, эти предположения основаны на догматическом подходе к теории марксизма и цитировании классиков вне исторического контекста.

Как известно, Маркс и Энгельс пришли к мысли о невозможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране. Однако создание Советского Союза доказало обратное. Значит, основоположники марксизма ошибались?

Нет, отвечает Сталин. Они были правы, но с позиций своего времени. Изменилась ситуация в мире, преобразился капитализм, а потому потребовалось пересмотреть их выводы с учетом новых реалий. Тех, кто этого не понимает, вождь заклеил как начетчиков и талмудистов.

По той же схеме он комментировал и положение Энгельса об отмирании государства после победы социалистической революции. Это нельзя воспринимать как абсо-

лютную истину. Она верна для своего времени и требует корректировки для конкретной обстановки XX века.

Надо отдать должное А. Холопову. Он «поддел» вождя, сопоставив два его высказывания. В одном случае, в докладе на XVI съезде партии в 1930 году, Сталин говорил, что после победы социализма в мировом масштабе национальные языки сольются в один какой-то новый язык. А в статье «Относительно марксизма в языкознании» утверждал, что в результате скрещивания двух языков один выходит победителем, а другой отмирает, без появления нового языка.

Сталин с издевкой пишет, что, обнаружив такое вопиющее противоречие «т. Холопов приходит в отчаяние». Намекнув на его принадлежность к числу начетчиков и талмудистов, вождь пояснил, что в одном случае речь идет об эпохе до окончательной победы социализма, а в другом — после оной. Обе формулы справедливы — каждая для своего времени.

Расправившись с оппонентом, Сталин завершает:

«Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые "никогда" не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решить любые вопросы в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни». Что тут возразишь?

Обратим внимание на завершение сталинской работы:

«Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма.

28 июля 1950 г.».

Складывается впечатление, что вся дискуссия по вопросам языкознания при целом ряде затронутых более

или менее конкретных тем имела некоторую сверхзадачу, которую можно было бы расценивать как одно из завещаний вождя.

О свободе мысли

Появление работы «Марксизм и вопросы языкознания» большинство советских ученых, в первую очередь гуманитариев, восприняло со вздохом облегчения. Высказанные в ней суждения Сталина избавляли ученых от постоянной оглядки на догмы господствующей идеологии, приспособления к ним в любых случаях.

Ученики и последователи Н. Я. Марра захватили господствующее положение в советском языкознании, представив себя глашатаями единственно верного революционного учения марксизма-ленинизма. Они побивали противников не логикой и фактами, а «твердокаменными» цитатами, выдернутыми из сочинений классиков марксизма.

Например, в 1932 году в «Известиях Академии наук СССР» была напечатана статья В. И. Вернадского «Проблема времени в современной науке». Тотчас, в том же номере журнала, последовало резкое опровержение ее основных положений с позиций марксизма А. М. Деборин. Он обвинил Вернадского в «ползучем эмпиризме», открывающем «двери мистицизму». И сделал вывод, что «оздоровление научной атмосферы, невиданный настоящий подъем научной мысли возможны лишь сознательным поворотом к **философии диалектического материализма**».

В ответ Вернадский не стал оправдываться и, тем более, раскаиваться в своих идеологических «грехах». Откровенно заявил: «Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система... не может достигнуть той всеобщности, которую достигает (только в некоторых определенных частях) наука».

«Я как философский скептик могу спокойно отбросить без вреда и с пользой для дела в ходе моей научной работы все философские системы, которые сейчас живы».

Последовали какие-нибудь «организационные выводы» в отношении Вернадского? Нет.

Недруги Советского Союза утверждают, будто Сталин допускал свободу мысли, суждений только для себя и не терпел возражений. Это неправда. По свидетельству многих, кто с ним общался в разные годы и подчас в экстремальных ситуациях (во время Отечественной войны или, как в его дискуссии с Михаилом Шолоховым, в период коллективизации), со Сталиным можно было спорить, и он умел учитывать мнения, расходящиеся с его собственным.

* * *

На мой взгляд, работа «Марксизм и вопросы языкознания» показала, что Сталина совершенно не удовлетворяла идеологическая работа, которую проводили партийные органы и многочисленные «начетчики и талмудисты» марксистского учения. Сталин попытался оживить его, вывести из состояния застоя. Опоздал!

Он покусился на обширные угодья, где имели возможность безбедно существовать, пережевывая идеологическую жвачку, не утруждая себя излишними заботами, сотни тысяч преподавателей марксизма, партийных деятелей и пропагандистов. Он потребовал творческого подхода к марксизму у тех, кто давно уже утратил творческие способности в философии, приспособились к «основополагающему учению», став интеллектуальными импотентами. (Были, безусловно, и талантливые марксисты, но в данном случае имеются в виду «массы идеологических работников», из которых выделились в виде мутного и дурно пахнущего осадка «прорабы перестройки» и «реформаторы».)

В советской философии, а также социологии, общественедении воцарилась тоталитарная идеологическая система. Приняв как незыблемые догмы положения марксизма, упрощенные до примитивных схем, ученые вольно или невольно заходили в теоретические тупики. Они не стремились преодолевать и развивать идеи прошлого с учетом изменений, происходящих в природе, науке, технике, на производстве. Напротив — упорно, а порой злобно защищали догмы, не отвечавшие реальности.

Если бы еще эти проповедники от идеологии верили в то, что они навязывали и защищали от обновления! Многие из этих деятелей, как потом выяснилось, гнали ради карьеры и привилегий. Например — Д. Волкогонов, А. Яковлев, А. Гайдар... Всех и не перечесть. М. Горбачев даже признался, что всегда был антисоветчиком. Как-то в США, получая очередную премию за предательство, он поплакался хозяевам с трибуны: а меня, мол, на родине многие называют Иудой. Возможно, намекал, что за это достоин более высоких гонораров.

Предвидел ли Сталин подобное перерождение и вырождение мнимых коммунистов, представителей партийной элиты? Возможно, предвидел. Хотя кто бы мог ожидать такого маразма, такой степени нравственного вырождения, который продемонстрировали «прорабы перестройки» и «реформаторы»!

Ленин в свое время вполне определенно называл «опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе». По его мнению, «самый опасный враг пролетарской диктатуры» — мелкобуржуазная анархическая стихия. И если ее удалось тогда отчасти обуздать под лозунгом «Земля — крестьянам», то позже, в период коллективизации, она проявила себя с огромной силой, едва не ввергнув общество в новую гражданскую войну.

А затем по мере увеличения благосостояния советских людей, стал возрождаться «буржуазный дух», причем по-

началу не столько в среде трудящихся, сколько среди служащих и, в частности, партийных функционеров.

Сталин повидал на своем веку немало предателей и перерожденцев. Он боролся с ними порой жесточайшими методами. Но искоренить их было невозможно. Сорняки, как известно, значительно более живучи и легче приспособляются к изменчивым условиям, чем культурные растения. Нечто подобное наблюдается и в общественной жизни, среди людей.

О свободе научных исканий

В СССР официальные идеологи «работали» на государство. То же попытался сделать Н. Я. Марр — по-видимому, искренне и бескорыстно. При этом оказалось, однако, что он удалился и от логики, и от фактов, и от гуманизма в угоду вульгарно понятой официальной идеологии.

Завет Сталина в его «Вопросах языкознания» — преодолеть это заблуждение во имя истины (не абсолютной, конечно) и, что для вождя было наиболее важно, — ради сохранения социалистического пути развития общества. Этот его завет не был исполнен. Даже при жизни Иосифа Виссарионовича, несмотря на его колоссальный авторитет, партийные идеологи — огромная армия, руководимая многими членами ЦК КПСС, — действовала так, как было ей привычно и выгодно.

Академик П. А. Капица, будущий лауреат Нобелевской премии по физике, летом 1952 года писал Сталину, в частности, следующее:

«Вы исключительно верно указали на два основных все растущих недостатка нашей организации научной работы — это отсутствие научной дискуссии и аракчеевщина... После вашей статьи о языкознании, аракчеевщина у нас не прекращается, но продолжает проявляться в самых различных формах; я лично самую вредную форму аракчеевщины нахожу тогда, когда, чтобы исключить

возможность неудач в творческой научной работе, ее пытаются взять под фельдфебельский контроль... Аракчевская система организации науки начинает применяться там, где большая научная жизнь уже заглохла, а такая система окончательно губит ее остатки».

Надо лишь отметить, что в то время, если я не ошибаюсь, у Петра Капицы продолжался конфликт с Лаврентием Берией, который не утвердил его руководителем атомного проекта. Отсюда, пожалуй, и слово «фельдфебельский». Как известно, проект был блестяще осуществлен под руководством Игоря Курчатова. Берия как куратор проекта и поставщик американских секретов, добытых нашими разведчиками, был в данном случае чрезвычайно важной и полезной фигурой.

* * *

Кстати, в отличие от П. А. Капицы, соображения которого Сталин принимал к сведению заочно, И. В. Курчатов вечером 25 января 1946 года встречался с вождем и тогда же занес в записную книжку свои впечатления. Беседа продолжалась примерно час. «Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране», — записал Курчатов. Надо сказать, что благодаря Сталину эти надежды полностью оправдались. У нас за кратчайшие сроки были созданы тысячи научно-исследовательских институтов, лабораторий, КБ. (Одним из крупнейших организаторов советской науки был В. И. Вернадский.)

Еще одна запись: «Т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом» В данном случае имелись в виду проекты АЭС и атомной бомбы.

Не обошел вождь и проблемы быта: «По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И

в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жило на славу, имели свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина».

Как видим, Сталин вовсе не предлагал все богатства страны разделить поровну. Напротив, старался материально поощрять наиболее квалифицированных специалистов.

Но вот ведь парадокс: именно из среды наиболее обеспеченных материально деятелей науки, литературы, искусств вышли те, кто активнейшим образом сознательно или невольно содействовали буржуазной революции в СССР, свержению советского социалистического строя. Казалось бы, им не было оснований жаловаться на плохое материальное положение. Значит, у них были сугубо идейные соображения? Значит, они радели не за свои личные или групповые, а за общественные интересы?

С таким мнением трудно согласиться. Конечно, у академика А. Д. Сахарова действительно были идейные соображения. Они были то ли наивны, то ли нелепы по той причине, что он плохо знал реальную жизнь общества вообще и советского в частности, не имел опыта практической работы и товарищеского общения с «простыми людьми», был весьма узким специалистом и находился под чрезмерным влиянием своей второй жены, агрессивной антисоветчицы Е. Г. Боннэр. Он даже отказался от собственных детей; в США неплохо пристроились дети Боннэр в качестве его наследников.

Конечно, печально, когда человек с апломбом пишет о том, в чем слабо разбирается, о чем наслышан со стороны и что, проще говоря, не соответствует ни его уму, ни образованию. Ведь ум человека наиболее определенно проявляется в способности осознавать собственное незнание

и проявлять максимальную осторожность в суждениях на темы, с которыми он не знаком профессионально. Но в любом случае, А. Д. Сахаров — трижды Герой Социалистического (!) Труда, лауреат разных премий — не правило, а исключение. Его цели, как бы к ним ни относиться, были бескорыстными. Но почти все другие антисоветчики были и остаются людьми корыстными, жаждущими славы и власти — прежде всего, над умами сограждан.

Ученые, которые ратовали за свержение социалистической системы, ссылаясь на подавление научной мысли в СССР, должны были бы уже со времен «перестройки» выдавать замечательные по качеству научные труды, совершать выдающиеся открытия в своих областях, а литераторы — создавать шедевры в стихах и прозе. Вот вам, добились наконец-то свободы творчества!

Увы, ничего подобного не произошло. Вышло все даже совсем наоборот. И если получали за это время кто-то «из наших» Нобелевские премии, то лишь за то, что им удалось сделать в СССР.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ С ЭКОНОМИКОЙ

40 лет спустя

В 1992 году была опубликована брошюра под заглавием «И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР». Эта небольшая книга интересна не только как запоздалое воспоминание о сталинской работе, но и своими дополнительными материалами: «Несколько слов вместо предисловия» академика Станислава Шаталина (слов набралось на две страницы), статьями партийного деятеля Д. Шепилова и экономиста Л. Д. Ярошенко, а также заключением «От редактора» бывшего крупного работника МИД И. Трояновского.

Надо отдать долг составителю (он же и редактор?) данного сборника, в котором представлены разные мнения очень разных людей, что придает ему особый интерес. В наше время на основе полувекового исторического опыта полезно сопоставить высказанные идеи.

«И. В. Сталина у нас не издавали с 1953 года. По вполне понятным причинам. Но сегодня мы вполне созрели для того, — писал Трояновский, — чтобы читать и изучать документы прошлых лет без лишних эмоций и делать правильные выводы. Конечно, это издание осуществлено отнюдь не для того, чтобы пропагандировать сталинизм, а дабы показать широкой общественности квинтэссенцию тех взглядов и подходов, которые довели нашу экономику до катастрофы».

Удивительное признание! Окончательно «прозрев» ко времени переиздания этой работы Сталина, И. Трояновский вроде бы не заметил, в каком решительном контрасте находятся первая и завершающая фразы этого абзаца. Или такова была хитроумная уловка? Ведь отметил же он: «Писал И. В. Сталин ярко и хлестко. Ума и таланта ему не занимать. И писал все сам, собственной рукой».

Как же получается? Сталина не переиздавали именно потому, что Хрущев, захватив власть, постарался «пойти своим путем». Следовательно, если действительно экономика СССР пришла к этапу горбачевской «перестройки», к кризису, то обвинять за это бывшего вождя, давным-давно усопшего, по меньшей мере, странно. Напрашивается противоположный вывод: катастрофа наступила, когда руководство страны отступило от его заветов (а уж Горбачев-то это сделал явно и намеренно, хотя многое уже осуществилось и до него).

Еще более странно (если не нелепо) выглядит упрек С. Шаталина: «В большую "заслугу" Сталину нужно поставить тот факт, что за сорок лет, прошедших после этой дискуссии (об экономических проблемах социализма в СССР. — Р. Б.), наша "марксистская" политическая экономика не продвинулась вперед и на сантиметр».

Вот уж поистине в угаре «перестройки» и «реформ» этот покровитель и учитель Е. Гайдара совсем зарাপортовался. О чем он написал? После Сталина, освободившись от его «диктата», после Хрущева, а затем и прочих правителей, включая Горбачева, обретя при последнем «гласность» и «свободу творчества», наша политэкономия оказалась в глубочайшей «черной дыре». Ведь если не продвигаться 40 лет вперед в теоретических разработках, тогда как мир вокруг меняется, это означает полный провал.

Но при чем же тут Сталин? В его время, выходит, худо-бедно наша политэкономия развивалась. А почему же потом движение прекратилось?

Напрашивается ответ: потому что в этой области знаний работали... нет, при ней пребывали в полном благополучии, одобряя любые действия правителей и не собираясь проводить какие-либо честные исследования те, кто четыре десятилетия считался специалистом в политической экономии, выдавая себя за марксистов (недаром же С. Шаталин поставил это слово в кавычки). Кто же эти люди? Разве не они «теоретически» обслуживали хрущевские, горбачевские и ельцинские «реформы»?

Все так. И в немалом числе этих «деятелей» одним из наиболее благополучных и влиятельных был... Станислав Шаталин. Его послужной список за этот срок впечатляет. Сын секретаря обкома и племянник зав. отделом ЦК КПСС по кадрам (направлявшего работу МГБ в последние годы жизни Сталина), родившийся в 1934 году, в 28 лет стал заведующим сектором НИИ при Госплане СССР, в 31 год — зам. директора института, в 34 — лауреат Государственной премии, в 40 лет — член-корреспондент АН СССР, с 1987 года — академик. Потрясающая карьера политэкономиста!

А другой «прораб перестройки» и «реформатор» — Е. Гайдар? Родившись в 1956 году и закончив экономический факультет (декан — Г. Попов), он вскоре, с 1983 года, вошел в комиссию при Политбюро, а в 36 лет стал директором Института экономической политики Академии народного хозяйства и АН СССР.

Перечисление можно продолжить, но и этого достаточно. Выходит, С. Шаталин высек самого себя и своих соратников! Ведь каждый из них делал свою карьеру как истовые, а то и неистовые «марксисты» и крупнейшие специалисты по политэкономии, так и не продвинув ее ни на сантиметр после кончины Сталина. Какими же надо быть бездарными, бессовестными, интеллектуально немощными и духовно убогими!

Впрочем, быстро развалив экономику страны, эти «специалисты» лично ничуть не прогадали. Кстати, когда

те же шаталины и гайдары утверждали, будто перед расчленением СССР находился в состоянии кризиса, то им бы следовало сразу покаяться за то, что активно участвовали в развале экономики нашей страны и довели ее до такого состояния, и отказаться от всех своих научных званий и постов...

Остается только изумляться признаниям С. Шаталина. Хотя можно было бы ему и возразить. Ведь писали же отечественные политэкономы свои сочинения (скажем, небезызвестный А. Чубайс — о пользе социалистического соревнования), обосновывали теоретически те или иные правительственные начинания. Не могли же они вовсе не учитывать огромные изменения, прошедшие в мире и в нашей стране за 40 лет после смерти Сталина.

Нет, напрасно так уж категорично отозвался С. Шаталин в 1992 году о себе и своих коллегах. Конечно же, они в меру своих силенок и малых способностей все-таки продвигали советскую политическую экономику. Но только не в том направлении, которое указывал Сталин.

* * *

Многие «умники» называют сочинения Сталина примитивными, вульгарными. В этом можно усмотреть или стремление оклеветать ненавистного им человека, или неспособность понять его суждения.

Он обладал редким умением просто рассказать о сложных проблемах, вскрыть их суть. Таково одно из непременных качеств мудрого человека и отличного специалиста. Глупец, обремененный высшим образованием и учеными званиями, умеет путано рассуждать о простых предметах. Ему неведома истина, высказанная писателем Амброзом Бирсом: образование умному открывает, а от глупого скрывает бездну его незнания.

Приведу свидетельство человека умного, образованного, знающего толк в литературном стиле — немецко-

го писателя Лиона Фейхтвангера. В книге «Москва 1937» (изданной сначала в Амстердаме) он писал: «Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. Порой он говорит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они были понятны от Москвы до Владивостока. Возможно, он не обладает остроумием, но ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным... Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты всегда точно.

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и... об обожествлении его личности... Не всегда соглашаясь со мной, он все время оставался глубоким, умным, вдумчивым».

Экономика без политики

Обратимся непосредственно к работе И. В. Сталина. Его «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года» имеют 10 главных пунктов. Вот они:

1. О характере экономических законов при социализме.
2. О товарном производстве при социализме.
3. О законе стоимости при социализме.
4. Об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, а также вопрос о ликвидации различий между ними.
5. О распаде единого мирового рынка и углублении кризиса мировой капиталистической системы.
6. О неизбежности войн между капиталистическими странами.
7. Об основных экономических законах современного капитализма и социализма.
8. Другие вопросы.

9. Международное значение марксистского учебника политической экономии.

10. Пути улучшения проекта учебника политической экономии.

* * *

Предыстория этой работы такова. Вскоре после войны по указанию Сталина группе отечественных экономистов во главе с членом-корреспондентом АН СССР К. В. Островитяновым было поручено подготовить проект учебника по политической экономии социализма. Обсуждали этот труд в 1951 году на Всесоюзном совещании экономистов при участии М. А. Суслова.

Сталин получил материалы дискуссии и предложения по улучшению проекта учебника. Свои замечания он адресовал участникам дискуссии.

Прежде всего, Сталин подчеркнул объективный характер законов политической экономии. Тем, кто это не признает, посоветовал уяснить разницу между общеобязательными, не подлежащими отмене законами природы и законами правительства, имеющими лишь юридическую силу.

Может показаться, что объективные законы природы и общества непреодолимы. Но, как поясняет Сталин, можно использовать другие законы для того, чтобы добиться своих целей вопреки объективным ограничениям. Он привел пример «обуздания» разрушительной мощи рек. Добавим от себя: мы знаем, что человеку удалось преодолеть силу земного притяжения, выйти в космическое пространство, ступить на другое небесное тело. Закон всемирного тяготения этим не отменили. Просто люди открыли много других законов природы, использовали их, создали космические ракеты...

То же относится, по мнению Сталина, и к теории политической экономии: «Здесь так же, как и в естествознании, законы экономического развития являются объектив-

ными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы».

Вот, к примеру, закон планомерного развития народного хозяйства. Он, подчеркнул Сталин, «возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме... на базе обобществления средств производства». Но и тут сыграла свою роль относительность закона при определенном влиянии субъективных факторов. «Закон планомерного развития народного хозяйства дает возможность нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но возможность нельзя смешивать с действительностью. Это — две разные вещи».

Вождь, завершая эти рассуждения, признал, что в них нет ничего нового. По его словам, они предназначены молодым руководящим кадрам, которым «кружат голову необычайные успехи советского строя», и они воображают, что Советская власть все может, не считаясь ни с какими экономическими законами.

Да, как будто прозрел будущее товарищ Сталин. После его смерти к власти пришел именно такой бойкий и самодовольный волюнтарист, пренебрегавший изучением законов природы и общества, действовавший по своему усмотрению и с подсказки советников...

* * *

Много лет спустя бывший оппонент вождя Л. Д. Ярошенко писал: «Политэкономия была оторвана от жизни, отличалась схоластикой и апологетикой, в ней доминиро-

вали субъективистские трактовки, она открывала возможности безудержного волюнтаризма. Наша хозяйственная практика была по существу лишена научных основ. Мое внимание привлек тот факт, что в учебнике не рассматривались вопросы рациональной организации функционирования социалистической экономики, а, на мой взгляд, это должно было бы быть главной задачей политэкономии социализма».

Как видим, Сталин действительно не выставил на первый план, казалось бы, безусловно объективный фактор: рациональную организацию народного хозяйства. Иначе говоря, политэкономия должна быть, прежде всего, экономикой.

Сталинские рассуждения с этим не согласуются. Да и нам придется признать, что рациональная организация производства — стремление, далеко не всегда осознанное, свойственно любым экономическим формациям, а вовсе не только социалистической. Более того, первыми в этом деле были именно капиталисты. Важно иметь в виду, ради чего, для каких целей идет рационализация. Ее может использовать для личного обогащения капиталист, так же как для пользы общества — социалистическая система.

Воспеватели частной собственности и конкуренции утверждают, будто именно на таких опорах покоится благосостояние богатейших стран капитализма. Для тех, кому не пошел впрок урок отказа нашей страны от социализма, приведу высказывание американского известного ученого (и по совместительству миллионера) Артура М. Шлезингера из его обстоятельной работы «Циклы американской истории»:

«Миф о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства, оказался на редкость живучим. Этот миф одновременно льстил самолюбию бизнесменов и служил их интересам. Он оставался главным символом делового мира, лейтмотивом пропаганды монополий». И еще: «Механизм само-

регулирования рыночного хозяйства, если он и существует, обходится слишком дорого и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане».

Против хрущевизма

Когда так называемые «шестидесятники» пустили в обиход понятие «хрущевская оттепель», вряд ли кто-то подозревал, что оно будет подхвачено «перестройщиками» и «реформаторами». Как и многое, если не все, в словах этих деятелей, этот штамп оказался фальшивым.

Между тем, в сфере идеологии правление Хрущева вернее назвать «хрущевской слякотью». И это связано, между прочим, с проблемой, на которую обратил особое внимание Сталин в своей последней работе.

Он рассмотрел вопрос о товарном производстве при социализме и привел мнение, как он выразился «горемарксистов, которые думают, что следовало бы, пожалуй, взять власть и пойти на экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобществить их средства производства». А дело вот в чем.

В июле 1948 года Н. С. Хрущев написал Сталину о необходимости окончательной коллективизации: «Наиболее радикальным путем, на мой взгляд, является проведение полного и единовременного обобществления крупного рогатого скота с компенсацией колхозникам за проданный на фермы скот. При этом надо отказаться от помощи колхозникам в ликвидации бескоровности и принимать меры к удовлетворению их потребности в продуктах животноводства через колхозные фермы». Вдобавок: «сократить размеры приусадебных участков колхозников» и «повысить установленный уровень трудодней».

Как видим, «наш дорогой Никита Сергеевич» (так назывался фильм периода культа его невзрачной личности) оставался на позициях троцкизма и архиреволюционности. Правда, Сталин счел эти бредовые предложения из-

лишком усердия при недостатке ума (позже, придя к власти, Хрущев постарался отчасти реализовать свои планы, чем заслужил ненависть крестьян).

Говорят, после такой инициативы Хрущева Сталин на одном из заседаний подошел к нему, погладил по плечевой голове и пошутил: «Наш маленький Карл Маркс». Можно предположить, что Никита Сергеевич при этом стыдливо улыбался, поклявшись в душе отомстить вождем, хотя бы после его смерти.

В своей работе Сталин высказался о таком предложении резко: «на этот бессмысленный и преступный путь... не могут пойти марксисты, ибо такой путь подрывал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата».

Как видим, Иосиф Виссарионович оставался реалистом и сознавал, в каких тяжелых условиях вынуждены трудиться сельские жители, и не желал усугублять их трудности для наибольшего удовлетворения потребностей горожан и во имя скорейшего торжества коммунизма, что провозгласил демагог Хрущев, придя к власти. В отличие от него и его преемников, Сталин не давал лживых обещаний, не подлаживался к «народным массам», а на деле старался облегчить жизнь советским людям.

* * *

Итак, Сталин не предполагал бороться с сельскохозяйственной артелью, а в сущности, с искони русской общиной. В отличие от Столыпина, желавшего ориентировать сельское хозяйство на западный фермерский лад (его реформа провалилась, объективно содействуя революции в России), и Хрущева, желавшего изъять колхозную собственность и урезать личные угодья колхозников, Сталин не оглядывался на Запад и на дух не выносил троцкизма. Сталин исходил из российских реалий — в част-

ности, учитывал худшие условия для сельского хозяйства в России, чем в Западной Европе. И признавал целесообразным, чтобы колхозной продукцией как своей собственностью распоряжались сами колхозники. Земля передана им в вечное пользование, но без права ее продать, купить, сдать в аренду, заложить.

При социализме, по его словам, сохраняется товарное производство (но без капиталистов и купли-продажи рабочей силы), а также действует закон стоимости. «В связи с этим, — писал он, — на наших предприятиях имеют актуальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т. п. Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости». Это, как он пояснил, содействует лучшей организации народного хозяйства, дисциплинирует хозяйственников и т. д.

Рентабельность бывает разной

Вновь приходится говорить о предметах, казалось бы, совершенно ясных и понятных. Какие еще могут быть разные рентабельности? Она одна и выражается обычно более или менее четко в денежной или какой-то иной форме. В капиталистическом производстве этот показатель является одним из главнейших в экономике. Поэтому он изучен основательно.

В Советском Союзе, как отметил Сталин, из-за отсутствия частной собственности на средства производства сфера действия закона стоимости ограничена, так же как его влияние на производство. Ибо вместо конкуренции осуществляется планомерное, пропорциональное развитие народного хозяйства. Именно поэтому, несмотря на его бурное развитие при социализме, удается избежать кризисов перепроизводства...

Таким образом, Сталин предполагал создать общественную систему — и в значительной мере преуспел в этом, — в которой вместо стихийного рынка и конкуренции существует плановое народное хозяйство, развивающееся гармонично благодаря своевременному учету потребностей общества. Как он писал, «учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов» (стало быть, на то время это еще не осуществилось в полной мере).

Он выступил против использования, казалось бы, бесспорного закона стоимости, определяющего экономическую рентабельность предприятий, отраслей производства. Признал, что у нас планово идет опережающий рост тяжелой промышленности, часто менее рентабельной, чем легкая, а иногда и вовсе нерентабельной. Продолжают работать пока еще экономически нерентабельные предприятия и не открываются новые, которые были бы заведомо более рентабельными.

И тут Иосиф Виссарионович высказывает мысль чрезвычайно важную, показывающую его как мудрого государственного деятеля, а не как временщика. Вот его высказывание:

«Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем 10—15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный ущерб, и обеспечи-

вая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами».

Смысл ясен. Есть два вида рентабельности. Одна предполагает скорую выгоду для отдельных предприятий или отраслей производства. Другая ориентирована на перспективу и пользу для всего народного хозяйства. Первая приносит доход отдельным группам, вторая исходит из общественных интересов. Что предпочесть?

При капитализме, конкуренции, стихийном рынке преобладает, естественно, первый вид рентабельности. При социализме — второй.

Таким образом, проблемы экономической рентабельности, которые вроде бы вскользь упомянул И. В. Сталин, необычайно актуальны не только для нашего времени и нашей страны, но для существования глобальной технической цивилизации — для кого она и в чьих интересах развивается?

Сталин, в зените своей мировой славы, на склоне лет, незадолго до смерти, думал о будущих поколениях, заглядывая на многие десятилетия вперед. Нынешние правители, «глобальные владыки» (ГВ), ряженные в демократов и либералов, озабочены текущей суетой, личными и клановыми интересами. Они, как было сказано в Евангелии, слепые поводыри слепых. Неудивительно, что тянут они мир в пропасть.

Материальные и духовные потребности

В чем же коренное отличие социалистической экономики? Разве она не должна ориентироваться на максимальную прибыль, для того чтобы обеспечить материальное благосостояние народа? Быть может, различия относятся только к принципам распределения доходов? При капитализме обогащаются наиболее ловкие, предприимчивые владельцы крупного капитала, а при социализме бла-

га распределяются более или менее равномерно. Разве не так?

Не совсем так, полагал Сталин. Он писал:

«Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».

В чем же различие? Он не поленился повторить и подчеркнуть:

«Вместо обеспечения максимальных прибылей — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от подъема к кризису и от кризиса к подъему — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники».

Последний тезис следует пояснить: Сталин имел в виду, что капиталист подчас не заинтересован тратить средства на создание и внедрение новой техники, если она не принесет ему в ближайшие годы максимальных прибылей.

Социализм сталинского образца приближался к этому идеалу. Хотя вожь отдавал себе отчет в том, что на практике далеко не всегда получается так, как в теории. Он писал: «Что касается планирования народного хозяйства, то оно может добиться положительных результатов лишь при соблюдении двух условий: а) если оно правильно отражает требования закона планомерного развития народного хозяйства, б) если оно соотносится во всем с требованиями основного экономического закона социализма».

На вопрос, какие потребности важней — материальные или духовные, обычно отвечают: безусловно, первые. Действительно, без пищи, одежды, жилища человек не проживет. Казалось бы, именно такие потребности необходимо удовлетворять в первую очередь.

Примерно по такому же принципу порой стараются определить, что для человека всего важней: воздух, вода или еда. Не дыша, протянешь две-три минуты, без воды — два-три дня, без еды — две-три недели. Но это арифметика не жизни, а смерти. Для нормального существования одинаково важны вода, воздух и еда.

Материальные потребности необходимы для того, чтобы жить, духовные — чтобы жить по-человечески. Надо еще учитывать масштабы и характер потребностей. Стремление к обогащению и приобретению самых разных материальных ценностей практически не имеет предела. И если удовлетворять его в первую очередь, то ни на что другое не хватит ни времени, ни средств, ни сил. Вот почему при социализме возникает проблема ограничения материальных потребностей тех, кого они чрезмерно привлекают. Иначе экономика страны будет ориентирована в этом направлении. А так как материальные потребности постоянно растут, то духовные, поставленные на второй план, будут сокращаться.

Так создаются благоприятные условия для укоренения в обществе буржуазных ценностей и соответствующего мировоззрения при любом государственном устройстве. Социализм будет постепенно вырождаться в капитализм с его культом богатства, выгоды, максимальной прибыли.

Не случайно Сталин писал об удовлетворении растущих и материальных, и культурных потребностей. Он не

отдавал преимущество ни тем, ни другим. Хотя, безусловно, многое зависит от конкретных условий.

После Великой Отечественной войны многие советские люди жили впроголодь, в ужасных жилищных условиях. У нас было разрушено 1710 городов; 25 миллионов человек осталось без крова. Вдумайтесь в эти цифры! А мы еще помогали восстанавливать Польшу и Восточную Германию, тоже пострадавшие больше других стран (об этом успели забыть слишком многие поляки и немцы, а наши антисоветчики сознательно замалчивают огромные трудности, которые за несколько лет смог преодолеть советский народ).

Итак, в экстремальных условиях, когда речь идет о спасении людей от голода и холода, требуется сначала обеспечить им хотя бы самые необходимые жизненные блага. Но по мере их удовлетворения на первый план должны выходить духовные потребности. Из них образование, например, предполагает и общественную пользу, повышение квалификации работников.

Но за первичными, обязательными материальными потребностями у людей следуют вторичные, без которых в принципе можно обойтись, а за ними — третичные, уже избыточные, излишние, типа роскошных личных яхт, самолетов, наиболее дорогих автомобилей, драгоценностей... Какой-нибудь мелкий жалкий человечек обрассает этими предметами, становится их рабом и вызывает зависть и желание ему (ей) подражать у многих тысяч таких же мелких душонок.

Вот против чего категорически выступал Сталин. И был безусловно прав. К сожалению, из-за дефицита времени он ограничился только самыми общими формулировками. (Эту работу он написал за год до своей смерти.) Предполагал, что его мысли раскроют, растолкуют, продолжат преемники. Увы, достойных преемников у него не было. Не потому, что он, будто бы, не терпел возле себя

умных людей. Очень даже их уважал. Вот только государственного деятеля его масштаба не было даже тогда не только в нашей стране, но и во всем мире.

Учитель и уточнитель

Проект учебника политэкономии Сталин прочел внимательно. Об этом свидетельствуют некоторые его замечания по мелким, казалось бы, вопросам. В проекте учебника было сказано, что «каждый колхозный двор имеет в личном пользовании корову, мелкий скот и птицу». Сталин предложил сделать существенное уточнение. Он предположил, что такая формулировка была взята из Примерного устава сельскохозяйственной артели. Но там, по его словам, была допущена ошибка. А надо ориентироваться на Конституцию СССР, где сказано:

«Каждый колхозный двор... имеет в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь».

Выходит, следует писать не о личном пользовании, а о личной собственности. Замена одного слова имеет принципиальное значение. Кстати сказать, когда враги СССР утверждают, будто колхозники находились на положении рабов, которых сажали за один колосок, взятый на колхозном поле, а оплачивался их труд скудно, они забывают о личном подсобном хозяйстве колхозников, которое служило им серьезным подспорьем. (Да и за колосок никого никогда не сажали, даже не корили.)

Впрочем, у антисоветчиков есть еще один довод в пользу «закрепощения» колхозников: их удерживали от переселения в город именно внеэкономическими методами, лишая городской прописки. На мой взгляд, такие методы были оправданы.

Во-первых, немалое число молодых людей не желало заниматься нелегким крестьянским трудом, а гналось за

«длинным рублем» и, как им казалось, веселой и легкой городской жизнью. В-вторых, русский народ издавна рос и обретал силу именно на родной почве, и следовало эту традицию продолжать даже в эпоху торжества техники. В-третьих, было невозможно в полной мере использовать материальную заинтересованность для поощрения колхозников из-за экономических трудностей, сопряженных с восстановлением народного хозяйства и созданием «ядерного щита» для защиты от атомного нападения США (оно, как выяснилось, разрабатывалось Пентагоном).

Оставалось только «привязать» колхозников к родной земле как собственника, имеющего личное подсобное хозяйство. У тех, кто возводит злостную хулу на советский строй, советских людей и сталинскую эпоху, по-видимому, отсутствует желание или склонность души для понимания, какое тогда было время и какие жестокие испытания выдержал советский народ, спасая свою Родину от закабаления внешними интервентами или внутренними эмигрантами-олигархами.

Еще одно слово предложил заменить Сталин, и его уточнение тоже оказалось принципиально важным. В проекте учебника политэкономии говорилось о сращивании при капитализме монополий с государственным аппаратом. Иосиф Виссарионович возразил:

«Выражение “сращивание” не подходит. Это выражение поверхностно и описательно отмечает сближение монополий и государства, но не раскрывает экономического смысла этого сближения. Дело в том, что в процессе этого сближения происходит не просто сращивание, а подчинение государственного аппарата монополиям».

И на этот раз он угодил, что называется, не в бровь, а в глаз. И не только в то время попал «проклятым империалистам» в бесстыжие очи, а в нынешнее — отечественным «перестройщикам» и «реформаторам». Разве у нас государственный аппарат не подчинен интересам олигархических кругов? Подчинен. Чтобы это понять, достаточно посмот-

реть, «кому в РФ жить хорошо», кто постоянно богатеет. Они находятся под опекой государства не потому, что с ним просто «срослись», соединились в экстазе. Нет, они, захватив власть в свои руки, используют ее в своих целях. И это вполне логично и естественно, хотя и гнусно.

* * *

Не останавливаясь на других вопросах, обратим внимание на пункт 8 предложений Сталина:

«Я думаю, что главу "Марксистское учение о социализме. Создание В. И. Лениным и И. В. Сталиным политической экономии социализма" следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника».

Нужны ли тут комментарии? Можно лишь удивиться той подлости, с которой вскоре после смерти Сталина ряд высокопоставленных деятелей КПСС, его непомерно превозносивших до этого, стали утверждать, будто он создал свой культ. Ложь, конечно. Но ее не устают повторять на Западе и их подголоски в РФ.

Правда, для людей, привыкших юлить и лицемерить, имеется лазейка. В подобных случаях они ссылаются на хитрость или коварство вождя. Мол, он хотел показать свою скромность. Но зачем бы это делать параноику, обуреваемому манией величия? (Таким они выставляют Сталина.) Ведь учебник политической экономии, как он сам подчеркнул, был адресован не только молодежи, но и более зрелым читателям, а также зарубежной аудитории. Вот где представляется прекрасная возможность раздувать культ своей личности. Любой честолюбец постарался бы ею воспользоваться.

В данном случае, как и во всех прочих, Сталин предпочел выступить не вещателем истин, не как пророк (у нас теперь лжепророков предостаточно!), не как демагог,

упоенный собственными речами. Он весьма тактично и убедительно высказал свои замечания, уточнения и предложения в связи с обсуждением проекта учебника политической экономии.

Еще раз подчеркнем: в своих замечаниях он старался показать, что необходимо заботиться не только о росте благосостояния граждан и максимальном удовлетворении их постоянно растущих материальных потребностей. Столь же важно расширять пределы культурных запросов, приобщать людей к духовным ценностям.

Почему его так волновала эта проблема? Разве не следует относить духовные потребности в разряд необязательных, вторичных? Ведь и В. И. Ленин, помнится, писал о первостепенном значении удовлетворения необходимых для нормальной жизни материальных потребностей. Разве не для выполнения этой задачи предназначен экономический базис?

Впрочем, ссылка на Ленина тут не вполне уместна. Он имел в виду конкретные условия в конкретной стране, а не формулировал какой-то всеобщий экономический закон. Бряд ли надо доказывать, что важнейшая задача государства — ликвидация нищеты, уменьшение смертности населения и увеличение продолжительности жизни (она в современной России, в отличие от сталинской, так и не решена).

Но вместе с тем не следует даже в этом случае забывать о духовной культуре и повышении интеллектуального уровня народных масс. Иначе рост материальных потребностей будет подстегивать экономику, а она, в свою очередь, попадет в зависимость от этого фактора. Возникнет система с обратной связью, которая будет ускоренно развиваться в данном направлении.

Казалось бы, что тут плохого? Люди будут жить все лучше и лучше, богатых станет все больше, и, в конце концов, осуществится принцип коммунистического общества: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Нет, не так все хрестоматийно просто. Во-первых, неудержимый ускоренный рост производства продукции промышленности и сельского хозяйства сопряжен с увеличением нагрузки на природу, биосферу, вызывая оскудение природных ресурсов, загрязнение и деградацию окружающей среды. Для этого необходимо учитывать отдаленные последствия глобальной технической деятельности (техногенеза) и учитывать рентабельность производства не только на ближайшие, но и на дальние сроки. А еще, добавлю от себя, требуется приоритет **экологической** рентабельности. Только тогда можно избежать глобального экологического кризиса.

Однако для этого надо, чтобы в общественном сознании произошел существенный переворот: люди должны разумно ограничивать свою жажду максимального комфорта, изобилия материальных благ, отдавая первенство духовным ценностям.

Как осуществить такую культурную революцию? Воспитанием и образованием, повышением культурного уровня не только трудящихся, народных масс, но и служащих, интеллектуалов. Последние, в отличие от интеллигентов, озабочены прежде всего личным преуспеванием, карьерой, меркантильными соображениями. Они стремятся угодить своим покровителям, финансистам, хозяевам, имущим власть и капиталы. Именно эти социальные группы в наибольшей степени заражены буржуазным мировоззрением, которое, к сожалению, как духовная зараза, со временем распространяется с неудержимым напором.

Глава 3

НАСЛЕДСТВО

Сталин — символ народной власти

Какой характер носила власть Сталина, кем он был для народа? Антисоветчики постарались очернить порядок правления в сталинском СССР. Они уверяют, будто тогда вождь обладал поистине демонической властью, держал в своих руках все рычаги управления страной, а потому отвечает за все ошибки и преступления, которые тогда совершались. А успехи СССР, по их словам, были не благодаря, а вопреки руководству Сталина. Да и его ближайшее окружение изображают самым нелестным образом как людей бездарных, малообразованных.

Возникает недоумение. Как может руководить, да еще чрезвычайно успешно, огромной державой группа граждан, похожих на шайку уголовников, сплотившихся вокруг своего атамана, к тому же психически больного?

Как же тогда удалось возродить страну после страшной разрухи, создать вторую в мире по мощи сверхдержаву, победить в самой жестокой и разрушительной войне в истории человечества, а затем в считанные годы восстановить разрушенные войной города и села, фабрики и заводы?! Ничего подобного никогда не удавалось сделать ни одному государству в мире, ни одному народу.

Плохо осведомленные аналитики ссылаются на успехи США. Мол, они тоже развивались, и по многим показателям (но только не по темпам роста) превосходили СССР.

Средний уровень жизни населения там был существенно выше, чем в Советском Союзе (если не учитывать большое число деклассированных элементов).

Так-то оно так, да ведь Соединенные Штаты в XX веке разбогатели и окрепли за счет экономической эксплуатации других стран, а главное — благодаря двум мировым войнам.

Вдумайтесь: благодаря мировым войнам!

Больше всех пострадала от них наша держава Россия-СССР. Даже Германия понесла значительно меньший ущерб, потому что фашисты увозили в рабство мирное население, грабили, разрушали города и села на оккупированной территории...

Нет, не по темноте и невежеству советский народ воздавал должное Сталину, славил его (порой чрезмерно, но тут могли усердствовать и его скрытые враги, как он признавался немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру). Для народа Сталин давно уже превратился в символ своей — народной! — власти. Считалось, и справедливо, что он не только руководит страной, но и опекает свой народ, оберегая, избавляя от внешних и внутренних врагов.

Было у советских людей Отечество, был и Отец. Ничего дурного или постыдного в этом нет. Таков извечный принцип народного единства, патриархальности, патриотизма.

* * *

Позже, когда власть в стране безраздельно перешла к номенклатуре, было распространено мнение, будто при сталинизме все только и делали, что строчили доносы друг на друга, была создана обстановка политического террора и необоснованных репрессий. Однако опубликованы достоверные сведения, показывающие, что число репрессированных граждан по политическим мотивам было сравнительно невелико, не более трети всех осужденных

(в 1937 г. — 12,8%, а в 1938 — 18,6%). То есть речь идет о 100—150 тыс. человек. Массовым политическим террором для страны с населением в 150 млн. человек это считать никак нельзя.

Коррупция как духовная коррозия способна в считанные десятилетия разрушить общественные устои. Но такое возможно лишь в том случае, если для нее существуют благоприятные условия. При сталинизме их не было: слишком суровая грозила кара. В особой опасности находились работники высших этажей власти. За ними был постоянный контроль. Провинившихся не всегда карали. Однако на них заводили дело, и при повторном нарушении они рисковали головой.

Сейчас мы имеем возможность сопоставить опыт социалистического строительства и капиталистической деградации в России. Любой, кто не утерял ум, честь и совесть, мог убедиться, насколько опасной была коррупционная зараза в нашем государстве. Как только с ней перестали активно бороться, участь СССР была решена.

Сталинский СССР

Главнейшее наследство, которое оставил после себя Сталин, — это страна, которая была создана под его руководством. После великой Победы коренным образом изменилась политическая ситуация в мире. Авторитет Советского Союза вырос необычайно. Появление КНР и стран народной демократии (а она там была именно такова) полностью подтвердило вроде бы предположение о неизбежной полной и окончательной победе социализма как наиболее прогрессивного общественного устройства.

У Сталина могло возникнуть «головокружение от успехов» (так называлась одна из его статей). Однако некоторые замечания в его работах, о которых у нас шла речь, а также в его последнем выступлении (о нем еще будет

сказано) совершенно определенно свидетельствуют о том, что он опасался за дальнейшую судьбу Отечества.

Но что он мог предпринять, чтобы обеспечить усиление могущества социалистического лагеря и воспрепятствовать его деградации и распаду? Он же не был, как невольно предполагают его хулители, всемогущим и способным на многие десятилетия вперед прозревать будущее.

Во втором томе книги «Россия. Век XX» В. В. Кожинов писал: «Едва ли будет преувеличением сказать, что один из самых загадочных периодов (или, пожалуй, самый загадочный) — послевоенный (1946—1953). Казалось бы, явления и события этого сравнительно недавнего времени не должны быть столь мало известными и понятными. Ведь согласно переписи населения 1989 года, — когда началась «гласность», — в стране имелось около 25 млн. людей, которые к концу войны были уже взрослыми и могли свидетельствовать о том, что происходило в послевоенные годы. Однако сколько-нибудь определенные представления о том, что совершалось тогда в стране, начинают понемногу складываться лишь в самое последнее время — с середины 1990-х, то есть через полвека после Победы...»

Да и вся история России прошлого века ныне представляется как сплошной клубок тайн и загадок. Происходит это по нескольким причинам. Одни — субъективные — связаны с разнообразием высказываемых нередко противоположных мнений почти по всем проблемам данного периода. Многие историки вольно или невольно, по заказу «свыше» или по своей инициативе подбирают факты выборочно и выстраивают свои концепции, подчас нелепые, пошлые, фальшивые, но на поверхностный взгляд обоснованные.

К сожалению, именно такие «исторические поделки» получают массовое распространение, звучат по радио и ТВ. Для серьезных, честных и умных исследователей типа В. В. Кожинова в этой системе места нет. Тем более когда речь заходит о Советском Союзе времен Сталина. Ложь

и подтасовки, подчас фальсификация документов, на которую решился, в частности, Хрущев, а также до сих пор засекреченные данные не позволяют с полной уверенностью судить о том периоде.

Таковы объективные трудности познания новейшей истории. Например, В. Е. Семичастный, назначенный в 1961 году председателем КГБ, позже свидетельствовал, что к его приходу «многие документы уже были уничтожены или подчищены, вытравлен текст. Это мне сказали и показали архивисты».

Из этих признаний следует сделать вывод: все сведения, которые могли опорочить Сталина, были рассекречены (не говоря уже о прямых подделках), в чем был заинтересован в первую очередь Хрущев, а также все те, кто принимал активное участие в репрессиях и оставался в его правление на высших постах.

* * *

Не менее существенно и то, что слишком часто свидетельства очевидцев и собственные впечатления искажаются в ущерб правде. Ведь переход от частных, даже весьма важных событий к обобщениям не так прост, как нам кажется. Трудно отрешиться от своих эмоций, переживаний, личного опыта. Осмыслить исторические события сравнительно недавнего прошлого нелегко. Тут основной упор приходится делать на статистические материалы, а не исходить из общих соображений, касающихся развития технической цивилизации в ее глобальных и локальных проявлениях.

Одно из наиболее широко распространенных мнений высказал французский советолог (антисоветских убеждений) Н. Верт. По его словам: «Политическая жизнь СССР в послевоенные годы была отмечена не только идеологическим ужесточением контроля над обществом, но также...»

Прервем цитату. Автор вводит читателя в заблуждение. Не поясняет, в чем суть такого контроля, почему и с какими целями он осуществлен. Любое государство как система, стремящаяся к самосохранению, осуществляет достаточно жесткий идеологический контроль над обществом. В условиях спокойствия и благоденствия он может быть ослаблен. Однако в крупной державе он при малейшей угрозе усиливается. Достаточно вспомнить поведение правителей США после крупного теракта в сентябре 2001 года. Это не была угроза уничтожения страны, тем не менее, полицейский режим в стране сразу усилился до небывалых для мирного времени размеров.

Вопрос не в том, что идеологический контроль существует, а в том, ради чего он осуществляется и в чем выражается.

В прерванной цитате Верт связывает его с «политическим принуждением (прежде всего в отношении... обновления и ротации партийных кадров) 30-х гг.». О каком политическом принуждении идет речь? Если заставляли партийные кадры поддерживать государственную систему, то в этом не было никакой необходимости. По крайней мере, формально все партийные работники клялись строить социализм и коммунизм. А вот другого рода принуждение действительно было актуально: максимальное ограничение коррупционных связей, борьба с казнокрадством.

Верт с подозрительной наивностью «вворачивает» в свой учебник истории все идеологические штампы антисоветских политологов о состоянии руководства СССР в послевоенный период. В частности, ссылается на некоторые свидетельства Хрущева, которого не раз уличали во лжи и клевете серьезные и честные исследователи (сошлюсь хотя бы на В.В. Кожина и С.Г. Кара-Мурзу). Французский советолог говорит об ультранационализме и шпиономании Сталина, якобы заставлявшего «старых членов партийного руководства... по любому поводу пить ночи напролет до полного изнеможения».

Если бы СССР был построен на основах анархии, то безумие вождя и беспробудное пьянство высшего руководства ни на чем, кроме их здоровья, не сказывались (кстати, почти все эти люди прожили более 80, а то и 90 лет). Но ведь страна, как утверждают те же антисоветчики, была централизована едва ли не до идиотизма. Как же она могла существовать при такой бездарной, изнемогающей от пьянства центральной власти?! Впрочем, тот же Н. Верт пишет о том, что Г. М. Маленков получал ответственные назначения «благодаря своим беспспорным организаторским способностям»...

И еще одно высказывание того же автора. Ссылаюсь на него не потому, что он авторитетен, а по причине широкой популярности его «Истории Советского государства». Итак: «Смерть Сталина произошла в то время, когда созданная в 30-е гг. политическая и экономическая система, исчерпав возможности своего развития, породила серьезные экономические трудности, социально-политическую напряженность в обществе».

Оказывается, тяжелейшее наследие вынужден был принять его преемник! Любой благоразумный человек должен был бы отказаться от сомнительной чести возглавить страну, испытывающую такие серьезные трудности, да еще исчерпавшую возможности своего развития. Правда, никаких подтверждений своему диагнозу состояния советского общества Н. Верт не приводит. И правильно делает.

* * *

По личному опыту и статистическим данным могу свидетельствовать: либо он лжет, либо серьезно заблуждается. Общественно-политическая и государственная система, созданная Сталиным, доказала свою необычайную, можно даже сказать, невиданную в истории прочность прежде всего в период Великой Отечественной вой-

ны. Такое испытание не выдержала ни одна развитая капиталистическая держава.

Не менее показательно и удивительно послевоенное возрождение нашей Родины, которая, вдобавок ко всему, оказывала помощь многим дружественным государствам. Уже одно это неопровержимо доказывает необоснованность и ложность выводов, сделанных Н. Вертом и теми, кто разделяет и тиражирует данное мнение.

После Сталина его общественная система, которую усиленно расшатывали внутренние и внешние враги, просуществовала 35 лет. Погубили ее именно те, кого он считал наиболее опасными, ловко замаскированными врагами народовластия.

Послевоенная ситуация для нашей страны чрезвычайно осложнялась враждебной политикой Соединенных Штатов, которые были готовы сбросить атомные бомбы на крупнейшие города СССР. Вскоре после окончания Второй мировой войны в Объединенном комитете начальников штабов США такая чудовищная акция предполагалась «не только в случае предстоящего советского нападения, но и тогда, когда уровень промышленного и научно-го развития страны противника даст возможность напасть на США либо защищаться от нашего нападения». Для этих целей они имели в 1948 году 56, а в 1950-м — 298 бомб.

Подумать только: подвергнуть страну атомной бомбардировке потому, что возрос ее промышленный и научный потенциал, да еще прежде, чем она сможет предотвратить такой удар! Советское правительство вынуждено было затрачивать колоссальные средства, чтобы создать в противовес американцам атомную и водородную бомбы, а также межконтинентальные ракеты. А ведь если США обогатились за счет войны, то нам был нанесен колоссальный экономический урон, и пришлось восстанавливать разрушенное.

На Западе ссылались на то, что коммунистическая идеология провозглашает мировую революцию. Но побор-

ником мирового революционного пожара был Троцкий, тогда как Сталин взял курс на строительство социализма в отдельно взятой стране, был искренним сторонником мира и сделал так, чтобы в странах Восточной Европы «существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу». Так он писал, подчеркивая, что в этом нет ничего удивительного: страна должна «обезопасить себя на будущее время».

Даже ставший недругом Сталина бывший югославский партийный босс Милован Джилас свидетельствовал, что Иосиф Виссарионович был убежденным противником развязывания какой-либо войны. В феврале 1948 года на обсуждении в Москве текста югославско-болгарского договора Сталин резко выступил против обязанности сторон «поддерживать всякую инициативу, направленную... против всех очагов агрессии». Он возразил: «Нет, это превентивная война — самый обыкновенный комсомольский выпад! Крикливая фраза».

Международный авторитет СССР и его вождя, а особенно в развивающихся странах был необычайно высок. Ни одно государство и ни один лидер не имели тогда столько сторонников. Но, может быть, ситуация внутри нашей страны к концу сталинского правления стала критической? Факты говорят против такого предположения.

Внутренняя ситуация

Сразу после войны в Советском Союзе начался голод. Его связывают с небывалой засухой. Но, пожалуй, более всего сказалась послевоенная разруха. Ведь по западным регионам, где жило около 40% населения, прокатилось два огненных вала войны. Миллионы голов скота были угнаны в Германию, обширные сельскохозяйственные угодья были заброшены... Тем не менее, затем год от года благосостояние советских людей улучшалось.

Наиболее общие показатели жизни народа — демографические. Из них самые важные — смертность и продолжительность жизни, а также прирост населения. Сейчас можно услышать, будто в царской России народу русскому жилось прекрасно, а в сталинском СССР — ужасно. В действительности было иначе.

В 1913 году смертность в России составляла 30,3 человека на 1 тыс. при естественном приросте 16,8. В 1950 году эти показатели составили соответственно 9,7 и 17,0. Надо еще учесть, что низкая смертность в нашей стране по сравнению с дореволюционным прошлым наблюдалась всего лишь через 5 лет после страшной войны!

Сошлюсь на высказывание С. Г. Кара-Мурзы:

«Война усилила т. н. «морально-политическое единство» советского общества (*тоталитаризм*), символом которого продолжал быть культ личности И. В. Сталина. Поскольку речь идет именно о культе, то есть явлении иррациональном, объяснять его молодому поколению начала ХХI века столь же бессмысленно, как объяснять истоки религиозной веры безбожнику. Однако это поколение обязано знать, что такое явление реально существовало полвека назад и оказывало огромное влияние на деятельность государства и бытие народа. К тому же, похоже, что “количество культа” есть в каждом поколении величина постоянная (например, в 40-е годы никто не верил астрологам и доллару).

Как бы в вознаграждение за перегрузки двух десятилетий, государство постоянно, хотя и скромно, улучшало благосостояние населения. Это выразилось, например, в крупных и регулярных снижениях цен (13 раз за 6 лет; с 1946 по 1950 г. хлеб подешевел втрое, а мясо — в 2,5 раза). Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: *уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться.*

Условием для этого было усиление финансовой системы государства в тесной связи с планированием. Для сохранения этой системы СССР пошел на важный шаг: отказался вступить в МВФ и Международный банк реконструкции и развития, а 1 марта 1950 г. вообще вышел из долларовой зоны, переведя определение курса рубля на золотую основу. В СССР были созданы крупные золотые запасы, рубль был неконвертируемым, что позволяло подерживать очень низкие внутренние цены и не допускать инфляции».

С. Г. Кара-Мурза справедливо отмечает, что основная тяжесть послевоенного восстановления и развития народного хозяйства легла на плечи сельских жителей. (По этой причине Г. М. Маленков, придя к власти как продолжатель дела Сталина, постарался облегчить жизнь крестьян, хотя затем антисталинист Н. С. Хрущев поступил наоборот). И все-таки, несмотря на огромное напряжение и материальные лишения, наш народ за считанные годы вновь воссоздал великую сверхдержаву.

О том, насколько был высок потенциал социалистической системы в то время, свидетельствует несколько весомых фактов. В нашей стране были созданы первая в мире атомная электростанция и атомный ледокол. Мы первыми создали водородную бомбу (именно бомбу, а не наземное взрывное устройство). Успешно осуществлялась наша космическая программа, в результате которой первым на околоземную орбиту был выведен советский искусственный спутник, а первым человеком, побывавшим в космосе, стал гражданин Советского Союза Юрий Гагарин. Само слово «спутник» (его в смысле искусственного подобия Луны первым использовал Ф. М. Достоевский) стало международным.

Тут кто-то встрепенется: вот-вот, мы делали, как в песенке, ракеты и покорили Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей. А как с благосостоянием населения? Как с производством товаров массового по-

требления — дешевых и высококачественных? Почему же советские граждане, а в особенности гражданки гонялись за дефицитными импортными изделиями? Вон, в США тоже делали ракеты и водородные бомбы, но не в ущерб мирной продукции, а по уровню потребления на душу населения американцы едва ли не втрое превосходили советских людей.

На подобные доводы можно ответить так. На Второй мировой войне США нажились (!), понеся ничтожные потери. А нам приходилось восстанавливать многие тысячи своих городов и поселков, заводов и фабрик. Мы потеряли более 20 миллионов своих граждан. А гонку вооружений затеяли не мы. Советскому Союзу ее навязали США, дабы подорвать нашу экономику и постоянно угрожать нам ракетами, начиненными ядерными зарядами. Это они разместили вокруг СССР свои военные базы...

* * *

Всяческие резуны и их подголоски уверяют, будто Сталин готовил нападение на фашистскую Германию, а затем и на всю Западную Европу, после чего замыслил добиться мирового господства. Беспросветная чушь и ложь! Ни одного факта, подтверждающего эту клевету, нет.

Говорят, будто в нашей стране была запрещена кибернетика. Это чепуха. Техническая и теоретическая кибернетика (информатика) очень даже неплохо развивалась. Без использования информационных систем и электронно-вычислительных машин было бы невозможно проводить космические полеты. Ведь не на счетах и логарифмических линейках вычисляют орбиты ракет. А для создания ЭВМ требуются не только инженеры и рабочие, специализированные предприятия, но и неплохие ученые.

Другое дело — некоторые философские рассуждения западных кибернетиков, например Норберта Винера (между прочим, некоторые свои идеи он, не делая ссылок,

позаимствовал у Александра Богданова, труды которого имел в своей личной библиотеке и внимательно изучал). Они действительно вызывали немало вопросов и были далеко не безупречны. В частности, они грешили политизацией, восхвалением буржуазной и критикой народной демократии.

Никто не запрещал и генетику. А вот идеи Августа Вейсмана и Томаса Моргана были весьма шаткими. (Между прочим, разработанная ими и их последователями генетическая теория эволюции на основе хаотичных мутаций сомнительна в вопросах обоснования последовательного усложнения организмов в геологической истории, развития нервной системы и головного мозга — цефализации.) Добавим, что не за научные идеи был арестован и Н. И. Вавилов, и не по доносу Т. Д. Лысенко.

Итак, сделаем вывод. Сталин оставил после себя не только мощную, но и отлично развитую в научно-техническом и общекультурном отношении, цельную, уверенную в своих силах, развивающуюся сверхдержаву. Никаких кризисных явлений в экономике не было и в ближайшем будущем не предвиделось.

«Административно-командная система»

Об этой самой «административно-командной» сколько было воплей и стенаний в период «перестройки» и «реформ»! Ее считали главным пороком социалистического общества, страшным наследием сталинской тирании. Она вроде бы предопределила крах СССР.

А если все было наоборот? Судя по всему, именно из-за резкого ослабления этой системы разрушительными акциями «прорабов перестройки» рухнула великая держава.

Вспомните детское английское стихотворение «Дом, который построил Джек». В нем постепенно складывается все более сложная система взаимосвязей, приковывающих, присоединяющих к этому «объекту» все больше и

больше действующих лиц, расширяющих связанное с ним пространство.

Примерно так выстраивается общественная система. Вдобавок ко всему приходится учитывать историческую цепочку преемственности, традиций. Любое государство, даже возникшее в муках революционного переворота, сохраняет генетические связи с предшествующим общественным устройством.

В нашей стране после победы большевиков началось строительство совершенно новой социально-экономической формации. Как обычно бывает в таких случаях, легче всего, оказалось, переименовать организации, государственные учреждения, города и села. Стали даже называть детей невиданными доселе именами. А во многом другом все оказалось далеко не так просто, как представлялось в революционном порыве.

Пришлось даже сделать уступки в пользу капиталистических отношений (под вывеской «новой экономической политики» осуществили частичный возврат к старому). Во время Великой Отечественной войны Сталин ввел старые военные звания и погоны; наркоматы получили название министерств. Даже неистовый воинствующий атеизм был осужден (до хрущевского времени), а православие получило, в сущности, право гражданства.

Достоинства созданной Сталиным системы были неопровержимо доказаны в периоды социалистического строительства, Великой Отечественной войны и последующего восстановления страны. Такова правда истории, которую упорно замалчивают или извращают враги нашей Родины и нашего народа.

* * *

Защищали советские люди от западных завоевателей не абстрактную Родину, а конкретную общественную систему, великую социалистическую Россию. Страна победи-

ла под руководством вождя. Все остальные лидеры, даже непомерно прославляемый Г. К. Жуков, имели по сравнению с ним третьестепенное значение, хотя и их вклад был велик. Заметим, что некоторые антисоветчики упрекают победителей: мол, способствовали укреплению «тоталитарного режима» и культа Сталина.

Лозунг «Отечество в опасности!» сплотил народ, вдохновил на подвиги. А что произошло затем? Об этом хули-тели системы стыдливо умалчивают. Надо хотя бы попытаться представить себе, в каком состоянии находилась послевоенная Россия (СССР). Напомним еще раз некоторые цифры.

За пять военных лет население страны сократилось с 196,8 до 162,4 млн. человек (почти на 18%); осталось 2,5 млн. инвалидов войны. Погибло преимущественно мирное население. Было разрушено 6 млн. зданий (вдумайтесь в эту цифру!), 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень. Без крова осталось 25 млн. человек. Немцы уничтожили или забрали в Германию 7 млн. лошадей и 17 млн. голов крупного рогатого скота.

Помимо всего прочего, требовалось в кратчайшие сроки перевести промышленность на выпуск мирной продукции. За первую послевоенную пятилетку было восстановлено и построено 6,2 тысячи крупных промышленных предприятий.

Уже в 1948 году был превзойден в промышленности уровень производства 1939 года, а к 1952 году он возрос вдвое!

* * *

Сталин полагался в первую очередь на действительность. Управление обществом в чем-то подобно попытке управлять природной стихией. Тут главная задача — избежать опасности, не идти стихии наперекор, осмысливать или частично даже ощущать ее поведение. Как говорил английский философ Френсис Бэкон: «Природа побе-

ждается только подчинением ей». Вот и Сталин старался предлагать и осуществлять действия, соответствующие естественному процессу общественного развития. В противном случае под его «волютаристским» руководством страна бы развалилась в считанные годы (что и случилось после того, как ее стали «перестраивать» деятели горбачевско-ельцинского призыва).

Если под руководством Сталина советский народ смог создать, отстоять и возродить за кратчайшие сроки страну, то одно уже это бесспорно свидетельствует о его великом государственном уме и гигантской работоспособности. Власть была для него не льготой или выгодой, не возможностью красоваться на массовых мероприятиях и дипломатических приемах, а чудовищным грузом ответственности.

Собственная жизнь Сталину была дорога лишь при условии исполнения его главной цели: построения социализма в России. Он понимал, что после его смерти подлецы и бездари могут погубить созданную его трудами державу. Он не был подобен Людовику XIV, изрекшему: «После нас хоть потоп». (Есть мнение, что высказывание принадлежит его фаворитке маркизе Помпадур, но это дела не меняет.) Сталину надо было передать страну в надежные руки.

Отдавая должное мощным общественным движениям, определяющим ход истории, приходится иметь в виду и проявление личных качеств тех или иных государственных и общественных деятелей. Тем более что в наше время слишком часто крушение сталинской системы связывают с недостатками ума и характера конкретного человека.

Подобное суждение обрело широкую популярность. Это такого же уровня штамп, как бредовое утверждение, будто большевики победили во время Октябрьского переворота и в Гражданской войне потому, что на немецкие деньги в plombированном вагоне приехал в Россию Ле-

нин, поднялся на броневик и произнес: «Революция свершилась!»

Такую пошлейшую «философию истории» вколачивают в головы миллионов обывателей. И вколотили — преимущественно служащим, интеллектуалам. В числе их есть и те, кто изображает или действительно считает себя русскими патриотами, печальниками за «Россию, которую мы потеряли».

Им даже в голову не приходит простенькая мысль: как же получается, что в своих исступленных нападках на Советский Союз и на Сталина они оказываются в одном хоре с явными врагами русского народа и России в гнусной роли подпевал; вместе со всяческими зарубежными Бжезинскими, Тэтчер, не говоря уже о доморощенных паразитах типа Жирика, Сванидзе, Радзинского... (список слишком велик). Радио и телевидение — мощнейшие средства оболванивания масс до потери здравого смысла, памяти и совести.

Искусство управлять

Практически все свидетельства современников Сталина говорят в его пользу. При этом можно сослаться даже на врагов социализма и народной демократии (типа Черчилля). Но я хочу напомнить высказывания И.А. Бенедиктова, который с 1938 по 1958 год занимал руководящие посты в Наркомате и Министерстве сельского хозяйства СССР (обширные интервью с ним опубликовал журналист В. Литов). Ведь эта отрасль народного хозяйства у нас была одной из наиболее проблематичных, трудных.

По словам Бенедиктова, именно благодаря сталинской системе к концу 50-х годов «Советский Союз был самой динамичной в экономическом и социальном отношении страной мира. Страной, уверенно сокращавшей свое, казалось бы, непреодолимое отставание от ведущих капиталистических держав, а по некоторым ключевым направлени-

ям научно-технического прогресса вырвавшейся вперед... Ошибаются те, кто думает, что мы добились всего этого за счет экстенсивных, количественных факторов. В 30-е, 40-е, да и 50-е годы упор, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, делался не на количество, а на качество; ключевыми, решающими показателями были рост производительности труда за счет внедрения новой техники и снижения себестоимости продукции».

Кто-то предположит, что таково мнение «сталинского кадра», не желающего признавать недостатки системы, в которой он работал. Но, внимательно ознакомившись с его суждениями, нетрудно заметить: рассуждает умный, честный и компетентный человек, которых в нынешнем руководстве страны нет. А его «путь наверх» был так своеобразен, что заслуживает подробного рассказа. Этот яркий пример показывает, в частности, атмосферу 1937 года, когда Сталин перешел к жестокой «чистке» партийного и государственного аппарата от троцкистов и прочих оппортунистов.

Тогда Бенедиктов занимал руководящий пост в Наркомате совхозов РСФСР. Его неожиданно вызвали в НКВД. Там следователь, вежливо поздоровавшись, спросил его мнение о двух его друзьях и сотрудниках.

— Отличные специалисты и честные, преданные делу партии, товарищу Сталину коммунисты.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно, ручаюсь за них так же, как и за себя.

— Тогда ознакомьтесь с этим документом, — протянул ему следователь несколько листов бумаги.

Это было заявление о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.» Там перечислялись ошибки в руководстве отраслью, которые квалифицировались как подрывная деятельность по заданию германской разведки (Бенедиктову приходилось закупать там технику), а также отдельные предосудительные высказывания в узком кругу. Подписали донос трое. Один — известный в наркомате

кляузник (позже он был осужден за клевету и выставял себя жертвой сталинских репрессий). А двое других — те самые его друзья, о которых он только что отозвался как о людях честных, идейных.

— Что вы можете сказать по поводу этого заявления? — спросил следователь.

Бенедиктов признался, что факты верны, но это были его ошибки, а не вредительство. А от своей характеристики двух «подписантов» он не отказался. На что следователь ответил:

— Это хорошо, что вы не топите своих друзей. Так, увы, поступают далеко не все. Я, конечно, навел кое-какие справки о вас — они неплохие... А вот о ваших друзьях, «честных коммунистах», отзываються плохо... Понимаю, вам сейчас сложно, но отчаиваться не надо — к определенному выводу мы пока не пришли.

На том и расстались. Дома Иван Александрович понял, что его мнимые друзья, неплохие специалисты, завыдовали его более высокой должности. Но от этого было не легче. Ведь расследуется его дело как врага народа!

Через день его пригласили в Центральный комитет партии. Он пришел с небольшим узелком, где лежали вещицки на случай ареста. Думал: сначала исключат из партии, а потом — под суд.

Оказалось, началось заседание, где обсуждались, в частности, проблемы сельского хозяйства. Присутствовал Сталин. Обескураженный Бенедиктов не слышал ничего, ожидая разноса. Наконец его фамилию назвал Сталин.

— Бюрократизм в наркомате не уменьшается, — медленно и веско сказал он. — Все мы уважаем наркома... старого большевика, ветерана, но с бюрократией он не справляется, да и возраст не тот. Мы тут посоветовались и решили укрепить руководство отрасли. Предлагаю назначить на пост наркома молодого специалиста товарища Бенедиктова. Есть возражения? Нет? Будем считать вопрос решенным.

Когда все стали расходиться, к Бенедиктову подошел Ворошилов:

— Иван Александрович, вас просит к себе товарищ Сталин.

В просторной комнате сидели члены Политбюро.

— Вот и наш нарком, — сказал Сталин. — Ну, как, согласны с принятым решением или есть возражения?

— Есть, товарищ Сталин... Во-первых, я слишком молод. Во-вторых, мало работаю в новой должности — опыта, знаний не хватает.

— Молодость — недостаток, который проходит. Жаль только, что быстро... Опыт и знания — дело наживное, была бы охота учиться, а у вас ее, как мне говорили, вполне хватает. Впрочем, не зазнавайтесь, шишек мы вам еще много набьем. Настраивайтесь на то, что будет трудно, наркомат запущенный...

И тогда Бенедиктов рассказал про вызов в НКВД. Сталин нахмурился, помолчал и сказал:

— Отвечайте честно, как коммунист: есть ли какие-нибудь основания для всех этих обвинений?

— Никаких, кроме моей неопытности и неумения.

— Хорошо, идите, работайте. А мы с этим делом разберемся.

Действительно, разобрались. По мнению Бенедиктова, ему повезло, что его дело взял под личный контроль Сталин, который всегда исходил из интересов дела и считал, «что даже с врагами народа надо бороться на почве законности, не сходя с нее», а потому в Политбюро слыл либералом.

Антисоветчики, наверное, возразят: разве не Сталин создавал в стране обстановку доноительства, поисков врагов народа? Разве не было это одним из чудовищных проявлений его системы?

На это Бенедиктов отвечал: «Репрессии 30-х и отчасти 40-х годов вызваны главным образом объективными факторами. Прежде всего, конечно, бешеным сопротив-

лением явных и особенно скрытых врагов Советской власти... В середине 30-х годов я лично был свидетелем случаев сознательного вредительства в химической и кожевенной промышленности. Да и в Наркомате совхозов РСФСР, Наркомате земледелия СССР, где мне довелось работать, некоторые специалисты из числа дореволюционных интеллигентов не упускали случая подставить нам подножку... Конечно, противники Советской власти, а их суммарно было, видимо, несколько миллионов, составляли явное меньшинство в народе».

Большинство недовольных остерегалось выступать открыто. Но когда обстановка изменилась, они проявили свои антисоветские убеждения в полную силу.

Бенедиктов привел убедительные примеры кадровой политики тех времен, когда выдвигались наиболее деятельные и талантливые люди, а не серые службисты, приспособленцы, умело угождающие начальству, как началось с хрущевских времен. Упадок нашей страны он объяснял отсутствием «порядка и должной организации дела, когда нет подлинно большевистской системы выявления, продвижения и стимулирования талантливых людей».

Его возмущали «фальшивые фразы, услышанные от озлобленных, сбитых с толку, потерявших способность здраво рассуждать людей», будто при Сталине был уничтожен «цвет нации».

«Я десятки раз встречался и беседовал со Сталиным, — говорил Бенедиктов, — видел, как он решает вопросы, как относится к людям, как раздумывает, колеблется, ищет выходы из сложнейших ситуаций. Могу сказать совершенно определенно: не мог он, живший высшими интересами партии и страны, сознательно вредить им, устраняя как потенциальных конкурентов талантливых людей. Люди, с ученым видом знатоков изрекающие подобные глупости, просто не знают подлинной обстановки, того, как делались дела в руководстве страны».

По его словам: «Потому и шли вперед, потому и преодолели испытания, которые не выдержала бы ни одна страна в мире, что удалось раскрепостить, выдвинуть на первый план все талантливое, смелое, творческое и честное в нашем народе... Что бы ни говорили о том времени, его атмосферу, его настрой определяли не страх, репрессии и террор, а мощная волна революционного энтузиазма народных масс, впервые за много веков почувствовавших себя хозяевами жизни, искренне гордившихся своей страной, своей партией, глубоко веривших своим руководителям».

* * *

Безусловно, террор был. Вопрос лишь в том, против кого он был направлен. Как справедливо сказал Бенедиктов: «В партийном аппарате, органах НКВД были как затаившиеся враги Советской власти, так и разного рода карьеристы, честолюбцы и проходимцы. Исходя из сиюминутных личных интересов, они зачисляли в разряд «врагов народа» честных и талантливых людей... Трагизм обстановки состоял в том, что очищать, укреплять страну приходилось с помощью засоренного аппарата как партийного, так и НКВД, другого просто не было. Поэтому за одной волной чистки следовала другая — уже против тех, кто допустил беззакония и злоупотребления должностью. Кстати, в процентном отношении больше всего, пожалуй, пострадали органы госбезопасности. Их «вычищали» регулярно и радикально... Парадокс в том, что некоторые из них, выпущенные в период хрущевской «оттепели» на волю, стали громче других трубить о сталинских беззакониях и даже умудрились опубликовать об этом воспоминания!»

И вот мнение о сталинском терроре: «Теперь о мерах по недопущению репрессий. Они были приняты XVIII съездом ВКП(б) в 1939 году. Съезд отменил практиковавшиеся до того регулярные массовые чистки партии. Лично я считаю, что это было ошибочное решение. Обеспокоен-

ный ущербом, нанесенным партии массовыми репрессиями, Сталин ударился в другую крайность и явно поторопился. Ленин был куда ближе к истине, когда подчеркивал, что правящая партия должна постоянно чистить себя от “шкурников” и “примазавшихся”. Забвение этого завета обошлось и обходится нам страшно дорого. Правда, это стало очевидным лишь сейчас — тогда я не сомневался в правильности принятого решения».

Да, много из того, что прежде могло раздражать или возмущать, что казалось ошибками Сталина и созданной им системы, со временем приходится обдумывать заново. Для правящей партии в спокойное мирное время наступает пора самых тяжелых испытаний. К ней примазываются пройдохи, карьеристы, бездары. И здесь многое зависит от руководителя.

«Именно Хрущев, — утверждал Бенедиктов, — начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских «начинаний», но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял...

Так уж устроен мир: обычно выделяют и приближают к себе людей, родственных по духу, по отношению к работе, жизни. Человек глубокого аналитического ума, решительный, волевой и целеустремленный, Сталин поощрял такие же качества и у своих подчиненных, испытывая очевидную симпатию к людям твердых и независимых суждений, способным отстаивать свою точку зрения перед кем угодно, и, наоборот, недолюбливал малодушных, угодливых...

Приходилось, правда, довольно редко, возражать Сталину и мне. Спорить с ним было нелегко, и не только из-за давления колоссального авторитета. Сталин обычно глу-

боко и всесторонне обдумывал вопрос и, с другой стороны, обладал тонким чутьем на слабые пункты в позиции оппонента. Мы, хозяйственные руководители, знали твердо: за то, что возразишь «самому», наказания не будет, разве лишь его мелкое недовольство, быстро забываемое, а если окажешься прав, выше станет твой авторитет в его глазах. А вот если не скажешь правду, промолчишь ради личного спокойствия, а потом все это выяснится, тут уж доверие Сталина наверняка потеряешь, и безвозвратно. Потому и приучались говорить правду, невзирая на лица, не щадя начальственного самолюбия».

Такой была обстановка на вершине власти в СССР во время сталинского руководства.

«Кадры решают все»

Тому, кто никак не способен отрешиться от внедренных в сознание антисоветских стереотипов, остается посоветовать обратиться к неопровержимым фактам. Сталинское умение подбирать кадры, управлять партией и государством доказало свою эффективность и в мирное, и в военное время.

Интересные свидетельства о работе Отдела руководящих партийных работников (ведомство Г. М. Маленкова) приводит в своих воспоминаниях весьма осведомленный П. А. Судоплатов.

В конце 1940-х годов он познакомился с заместителем заведующего этим отделом Анной Цукановой. По ее словам, «линия товарища Сталина и его соратника Маленкова заключается в постоянных перемещениях партийных руководителей высокого ранга и чиновников госбезопасности, не позволяя им оставаться на одном и том же месте более трех лет подряд, чтобы не привыкали к власти».

Объяснение выглядит слишком наивным. Что значит «не привыкать к власти»? Разве этих деятелей переводили

на «низовую» работу? Лишали руководящих постов и властных полномочий? Выводили из рядов номенклатуры?

Нет. Речь идет о перемещениях, скажем так, по «горизонтали власти», на прежнем уровне, но только в новой обстановке, в другом коллективе, с другими сотрудниками.

Сама по себе такая перетасовка вредит делу: только человек освоился на новом месте, познакомился с подчиненными, сумел вникнуть в текущие проблемы и наметить перспективы, как его перебрасывают на другое место. Зачем?! Ведь он сохраняет свои должностные права и обязанности!

Можно, конечно, и тут сослаться на бредовые подозрения параноика-вождя и безропотное повиновение его безвольных соратников. Но такое объяснение удовлетворит разве только тех, кто не имеет понятия о правилах подбора и расстановки кадров. А уж Сталин таким искусством владел в совершенстве. Его «назначенцы» работали с полной отдачей и, как показывает опыт военных побед и трудовых успехов, хорошо, а то и отлично. (Первые серьезные сбои начались в период хрущевского правления, а завершились катастрофами при Горбачеве и Ельцине.)

* * *

Кадровая политика Сталина в общем себя оправдывала. Но почему же тогда те же самые номенклатурные работники без него резко переменились? И зачем все-таки нужны были постоянные перестановки кадров, похожие на тасование одной и той же колоды карт? От перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Это может быть связано с желанием проверить возможности работника на той или иной должности. Однако наиболее разумное объяснение мне представляется другим: так осуществлялась профилактика коррупции или, как еще называли, местничества.

Для того чтобы установились надежные коррупционные связи, требуется достаточно продолжительное время. А искушение установить такие связи — немалое. Да и складываются они исподволь, как бы сами собой. Ты кому-то помог, тебе отплатили тем же; подружились, а то и породнились семьями; получил ценные подарки; обнаружил возможности иметь дополнительные доходы...

Напрашивается вывод, о котором почему-то не догадался Судоплатов: периодическая ротация кадров препятствовала налаживанию коррупционных связей. Лучше предупредить преступление, чем его расследовать и наказывать виновных. При Сталине наказания за подобные преступления были суровыми, хотя и не всегда неотвратимыми. Порой кое-кому некоторые злоупотребления прощались.

«Сильное впечатление на меня произвели слова Анны, — вспоминал Судоплатов, — о том, что ЦК не всегда принимает меры по фактам взяточничества, «разложения» и т. п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин и Маленков предпочитали не наказывать преданных высокопоставленных чиновников. Если же они причислялись к соперникам, то этот компромат сразу же использовался для их увольнения или репрессий».

Замечу, кстати, что какое-то странное объяснение дает Судоплатов этим откровениям Цукановой. Мол, «оба мы имели доступ к секретным материалам, так что могли свободно обсуждать нашу работу». Не думаю, что все так просто.

Можно ли назвать подобные беседы обсуждением работы, обычной болтовней или простой любознательностью? Вряд ли. Трудно в это поверить. Кадровые вопросы затрагивали интересы и самого Судоплатова, и его начальника Берии, а также знакомых, друзей. Интересная деталь: сначала с Цукановой познакомилась его жена. Каким образом? Почему? Или даже — зачем? Вряд ли случайно.

Что касается наказаний для провинившихся «номенклатурщиков», то и тут не все так просто и ясно, как представил Судоплатов. Во-первых, хотелось бы знать, кто мог быть соперниками Сталина? Вроде бы таковых в природе не существовало. Во-вторых, никогда и нигде не бывало, чтобы наказывали всех без разбору. В-третьих, и это самое главное: почему-то уважаемый генерал КГБ не обратил внимания на то, что уже при Сталине среди номенклатуры распространены были взятки, злоупотребление властью, моральное разложение.

Возможно, тогда коррупция существовала, можно сказать, в зародыше. Но Маленков, которому приходилось внимательно просматривать личные дела номенклатурных работников, мог предполагать, что в дальнейшем этот зародыш может превратиться в чудовищного монстра. По инициативе Сталина он даже попытался бороться с этой напастью.

* * *

Так мы коснулись очень важной темы. Примем к сведению: в середине XX века в нашей стране борьба с коррупцией стала одним из важнейших направлений кадровой политики. Значит, это явление принимало угрожающие масштабы.

Сталин не мог доверить руководство державой, созданию и укреплению которой посвятил всю свою жизнь, случайному человеку, способному лишь ему угождать и его восхвалять. А вот историк Рой Медведев со своей позиции антисоветчика утверждает, будто своим преемником вождь избрал Маленкова, который был, как бы выразился бессмертный Паниковский, жалкой, ничтожной личностью. Мол, «Сталин плохо переносил присутствие возле себя истинно талантливых людей».

Немецкий автор Георг Бартоли в книге «Когда Сталин умер» высказал другое мнение о способностях Маленко-

ва: «Он умен и осторожен, как дикий кот. Один французский политик, который встречался с Маленковым в период его подъема, говорил мне: «Он напоминает мне юного Лаваля». Подобно последнему он соединял в себе острый ум с величайшей осмотрительностью. Джилас, который его раньше встречал, выразился о нем в таком смысле: «Он производит впечатление скрытного, осторожного и болезненного человека, но под складками жирной кожи, казалось бы, должен жить совсем другой человек, живой и умный человек с умными, пронизательными черными глазами»».

Вот ведь как получается. Неглупый и весьма осведомленный югославский бывший крупный партийный работник, а затем приверженец буржуазной демократии Милован Джилас называет Маленкова умным, исходя из личных наблюдений при непосредственном общении. А ничем не примечательный Рой Медведев утверждает нечто прямо противоположное, опираясь на зыбкое основание своих политических пристрастий. Кому доверять?

Вообще, не дело историков — осуждать. Надо стараться осмыслить прошлое. С главной задачей историософии — познанием исторического процесса — многие подобные историки, журналисты, писатели, политики не в силах справиться. Обсуждаются в основном перипетии борьбы отдельных личностей или групп, находящихся в верхних этажах власти, словно все остальные факторы второстепенны. Выносятся оценки государственным деятелям с противоположных позиций: или пропагандиста буржуазной демократии и капитализма, или сторонника народной демократии, социалистической системы.

В результате возникают безумные контрасты. Одни клеймят Сталина и его соратников как необразованных и неумных жестокосердных и злопамятных закоренелых преступников. По мнению других, эти люди обладали незаурядными личными качествами, а их вождь был гениальным руководителем государства.

Некоторым кажется, будто надо ориентироваться на «золотую середину». Однако в подобных сложных вопросах среднеарифметический подход недопустим. Гете мудро заметил: «Говорят, что посередине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема». Именно ее требуется выяснить, опираясь на факты, а не на злобные домыслы, не увлекаясь примитивными поисками усредненных вариантов, которые способны удовлетворить лишь посредственные умы.

Если же говорить о сталинских кадрах в самых общих чертах, то надо иметь в виду: ему приходилось иметь дело, прежде всего, с теми лидерами большевиков, которые достойно проявили себя в период Гражданской и Отечественной войн, социалистического строительства. Под его руководством была не контора, не институт или завод и даже не отрасль, а все народное хозяйство, вся армия, весь народ.

Ему постоянно приходилось решать множество насущных вопросов. Как бы внимательно ни относился он к подбору кадров, очень многое решал не он, а осуществляло ближайшее окружение. Но у них, конечно же, были помимо государственных и свои личные или групповые соображения.

Борьба за мир

В обстоятельной работе «Сталин. На вершине власти» Юрий Емельянов пишет:

«9 октября 1945 года комитет начальников штабов США подготовил секретную директиву № 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», которая предполагала нанесение Америкой превентивного атомного удара по СССР. 14 декабря 1945 года в США была подготовлена новая директива № 432/d комитета начальников штабов, в приложении к которой

были указаны 20 основных промышленных центров СССР и трасса Транссибирской магистрали в качестве объектов атомной бомбардировки. Очевидно, что обвинения Сталиным союзников в вероломстве, которое он не раз высказывал на протяжении войны, были не напрасными».

Но может быть, Советский Союз и вправду был потенциальным агрессором, который только и ждал подходящего момента, чтобы наброситься на мирные западные государства ради утверждения своего мирового господства?

Те, кто так полагает, забывают, что Сталин, в отличие от Троцкого, не был сторонником мировой революции, а напротив, не только провозгласил, но и претворял в жизнь концепцию построения социализма в одной стране. Из-за гигантских людских и материальных потерь во время войны нам требовалось в первую очередь восстановить народное хозяйство и улучшить жизнь народа.

СССР вообще никогда не выступал как агрессор. Даже военный конфликт с Финляндией, несмотря на полную нашу победу, не привел к оккупации этого государства, ставшего вскоре союзником фашистской Германии. Ввод наших войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины был необходим для того, чтобы (как в случае конфликта с Финляндией) передвинуть нашу государственную границу на запад для укрепления безопасности страны в преддверии войны с Германией.

Вот что сказал Уинстон Черчилль в марте 1946 года, обращаясь к слушателям Вестминстерского колледжа (США), так, чтобы слышал весь мир: «От Штеттина на Балтийском море до Триеста на Адриатике, через всю Европу опустился железный занавес». (Впервые это понятие использовала бельгийская королева Елизавета в 1914 году, а в феврале 1945-го — Геббельс.) По его словам, пора пересмотреть последствия Второй мировой войны с позиции силы, пока только США имеют атомное оружие и в союзе с Британской империей при поддержке всех англоговорящих народов должны стать глобальным гегемоном.

Сталин ответил на этот вызов в интервью корреспонденту «Правды», указав, что «по сути дела г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателя войны. И г. Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». (Действительно, речь бывшего премьер-министра Великобритании была согласована с правящими кругами этих двух стран.)

«Гитлер, — продолжал Сталин, — начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира». (Расизм впервые провозгласили именно в Англии; а в конце XVIII века известный немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер лестно отзывался о славянах, не столь хорошо о германцах и плоховато о евреях, хотя имел в виду не расовые отличия, а традиции, духовную культуру, национальный характер.)

«По сути дела г-н Черчилль и его друзья в Англии и США, — говорил Сталин, — предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война». Подтвердила утверждение Сталина «доктрина Трумэна», предполагавшая реализовать предложение Черчилля.

* * *

Серьезные разногласия между недавними союзниками стали очевидными уже на Потсдамской конференции в июле 1945 года. Когда речь зашла об установлении опеки над колониями Италии, захваченными британскими вой-

сками, Черчилль категорически возражал против обсуждения этого вопроса. Сталин отозвался так:

— Из печати, например, известно, что господин Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел?

Слова Сталина вызвали смех присутствовавших. Лишь Черчилль был возмущен, хотя и ответил бесхитростно:

— Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии!

— А Берлин, — спокойно парировал Сталин, — взяла Красная Армия.

Вскоре после окончания Потсдамской конференции 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а через 3 дня — на Нагасаки. До сих пор можно услышать мнение, будто эти два чудовищных взрыва имели целью заставить Японию капитулировать. Это — ложь. Ведь война продолжалась еще почти месяц, пока наши войска не разгромили наголову в Маньчжурии сильнейшую японскую Квантунскую армию.

Мирные японские города США ввергли в атомное пекло только для того, чтобы проверить, во-первых, две модификации бомбы на деле, а во-вторых, чтобы запугать Советский Союз и говорить с ним с позиции силы. Такую политику стали неуклонно проводить США и Англия. Сталин при всяком удобном случае высказывался за мирное сосуществование. Но его мирные предложения отвергались.

Понять «поджигателей войны» нетрудно. Пока США владели монополией на атомное оружие, они могли усиливать свое политическое давление на СССР. Хотя пустить атомное оружие «в дело» без веских причин было невозможно из опасения народного гнева едва ли не во всех странах мира. Но подготовка к атомному нападению на Советский Союз велась.

«В середине 1948 года, — пишет Ю. Емельянов, — комитетом начальников штабов США был подготовлен план «Чариотир», предусматривавший применение 133 атомных бомб против 70 советских городов в первые 30 дней войны. 8 бомб предполагалось сбросить на Москву, а 7 — на Ленинград. В последующие два года войны на СССР следовало сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб.

Хотя сами планы сохранялись в тайне, печать США постоянно публиковала сообщения о том, что ожидает СССР после начала военных действий». В секретных оперативных планах Пентагон подсчитывал, сколько миллионов советских людей погибнет от атомных взрывов (получалось — не менее 6 миллионов) и сколько будет раненых и оставшихся без крова (28 миллионов).

В противовес этим планам и угрозам в апреле 1949 года по инициативе Москвы был созван Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Позже Иосиф Виссарионович учредил ежегодные Международные Сталинские премии мира.

...Политиков, стремящихся к мирному сотрудничеству государств, принято называть «голубями», а сторонников военных действий — «ястребами». Какому из этих двух направлений внешней политики отдавало предпочтение руководство страны после Великой Отечественной войны?

На этот вопрос дал ответ Г. М. Маленков в своем докладе на XIX съезде партии, состоявшемся в 1952 году. Он говорил: «Позиция СССР в отношении США, Англии, Франции и других буржуазных государств ясна, и об этой позиции было неоднократно заявлено с нашей стороны. СССР и сейчас готов к сотрудничеству с этими государствами, имея в виду соблюдение мирных международных норм и обеспечение длительного и прочного мира... Советская политика мира и безопасности народов исходит

из того, что мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны».

Как видим, советское правительство предлагало западным политикам отказаться от железного занавеса. Но в то же время преемник Сталина понимал, что объединение Западной и Восточной Европы чрезвычайно беспокоит правительство США, взявшее курс на мировое господство под извечным лозунгом агрессоров «Разделяй и властвуй!».

«Уже сейчас, — говорил Маленков, — более трезвые и прогрессивные политики в европейских и других странах, не ослепленные антисоветской враждой, отчетливо видят, в какую бездну тащат их зарвавшиеся американские авантюристы, и начинают выступать против войны. И надо полагать, что в странах, обрекаемых на роль послушных пешек американских диктаторов, найдутся подлинно миролюбивые демократические силы, которые будут проводить свою самостоятельную, мирную политику... Встав на этот новый путь, европейские и другие страны встретят полное понимание со стороны всех миролюбивых стран».

Нетрудно догадаться, что это был призыв к созданию своеобразной «объединенной Европы» на основах торгового, технического, экономического сотрудничества, не взирая на социально-политические различия. (Заметим, что Сталин всегда выступал за объединенную Германию.) Мирное сосуществование наиболее желательно для СССР, ибо, говорил Маленков, «прекратит неслыханное расходование материальных ресурсов на вооружение и подготовку истребительной войны и даст возможность обратить их на пользу народов». И тогда можно будет сосредоточить усилия на главном направлении внутренней политики: «На основе развития всего народного хозяйства обеспечить дальнейшее неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни советских людей».

Многopартийность по Сталину

У Сталина была почти неограниченная власть. Только использовал он ее не в корыстных личных целях, не ради своих родных и близких, не на благо своего клана, а в интересах советского народа. При его единоличной власти, которую не зря приветствовал народ, ограничивались притязания «третьего эксплуататорского класса», которым упомянутый выше М. Джилас не вполне справедливо называл партийную номенклатуру.

Требовалось сдерживать непомерно растущие материальные потребности этого самого «третьего класса». Как справлялся с этой непростой задачей Сталин?

Ему удалось создать своеобразную многopартийную систему. В буржуазных демократиях (точнее — плутократиях, власти богатых) декоративно конкурируют политические партии, из которых имеют реальные шансы на победу лишь поддержанные имущими власть и капиталы. Это явное проявление не демократии, а демагогии.

В СССР при Сталине существовали государственные, а не политические, партии «по интересам». Власть делили ВКП(б), органы госбезопасности, армия, хозяйственники, местные Советы. Сталин регулировал эти рычаги власти так, чтобы ни один из них не стал главным. Иначе руководители такого ведомства обрели бы абсолютное господство. А это создает наилучшие условия для всепроникающей коррупции.

Если начинала господствовать партийная номенклатура, происходили «чистки», осуществляемые органами безопасности. Когда чрезмерно усиливались последние, претендуя на абсолютную власть, начинались репрессии в их среде. После Великой Отечественной войны необычайный авторитет приобрели высшие военачальники. Пришлось ограничивать их властные притязания.

Главной задачей Сталина, как мне представляется, было следить за тем, чтобы общество не попало под власть какой-либо из «государственных партий» (будем их так называть). В этом ему в последние годы помогал Г. М. Маленков. Трудно сказать, насколько ясно сознавал он принцип руководства, осуществленный Сталиным. Но в любом случае он не обладал ни таким авторитетом, ни таким опытом (не говоря уж об уме и знаниях), как Иосиф Виссарионович. Поэтому ему так и не удалось справиться с притязаниями партийной элиты на абсолютную власть в центре и на местах.

Итак, сталинский стиль управления предполагал сохранение динамического равновесия главных структур, определяющих работу государственной системы. Этот принцип чрезвычайно важен для сохранения стабильности общества. Примерно так же взаимодействуют в природе основные звенья экосистем.

Когда динамическое равновесие нарушается (в обществе или в природе), происходят явные или скрытные революции. Сталину такое состояние приходилось поддерживать искусственно — путем кадровых перестановок, а порой и с помощью репрессий.

Вопрос о преемнике

Сама по себе власть для Сталина была совершенно не нужна. Для него она всегда оставалась тяжелой обязанностью, а не приятными торжествами, великосветскими приемами. Ничего, кроме забот, постоянных проблем и трудной ответственной работы, она ему не давала. У него не могло быть даже малейших опасений утратить ее.

Надо раз и навсегда понять: ему ни в коей мере не приходилось заботиться об удержании власти или поддержании своего авторитета. Эту версию выдумали для совершенно определенных политических целей: чтобы опорочить Сталина. Вот и решили представить его

маньяком, обуянным маниями величия и преследования, жаждой власти и животным страхом ее потерять, при общей умственной недостаточности и психической неуравновешенности. (Иначе получалось, что он действовал в интересах народа и государства, не жалея ни себя, ни других.)

Не стану обсуждать, какими знаниями и маниями руководствовались те, кто все это придумал и тиражировал, расписывая на разные лады. Главная беда не в них (в подлецах и глупцах никогда дефицита не было). Главная беда в тех, кто принимает на веру эти бредни, рассчитанные на обитателей Страны дураков.

Повторю: всемирная слава вождя Советского Союза была объективна и непоколебима. Помимо всего прочего, она поддерживалась авторитетом многих выдающихся людей. Однако и они, и сам он понимали, что его имя лишь косвенно связано с данной конкретной личностью. Возник и существовал культ СССР, советского народа, коммунистической идеологии. Вот что олицетворяло имя — Сталин.

Не требовалось Иосифу Виссарионовичу бороться ни за власть, ни за авторитет. Единственно, что его беспокоило всерьез — это судьба Советского государства.

* * *

Неясным оставался вопрос, кто может сменить вождя после его ухода с поста Генерального секретаря партии. Наиболее естественной была бы кандидатура Молотова. Он же мог стать и Председателем Совета Министров СССР. Однако на него был собран серьезный «компромат». Сталин сам отклонил его кандидатуру.

На роль преемника вождя могли хотя бы отчасти претендовать, не считая Молотова, только Маленков и Берия. Но Георгий Максимилианович Маленков вряд ли претендовал сразу на два руководящих поста, то есть на роль

полноправного третьего вождя — после Ленина и Сталина. Для этого он еще не приобрел необходимого авторитета ни в партии, ни в народе. Однако в случае коллегиального правления за ним мог остаться ключевой пост Председателя Правительства СССР.

Многие номенклатурные работники разных ведомств имели немало оснований бояться за свои «места под солнцем». Они прекрасно понимали, что при очередной «чистке» партийного и государственного аппаратов могут произойти радикальные перемены в их судьбе. Именно поэтому для них наиболее опасными в этом смысле фигурами были Маленков и Берия.

На вершине власти действительно плелись интриги. Это оспорить невозможно. Так, по поводу известного «мингрельского дела», которое бросало тень на А.П. Берия, Серго Берия, сын Лаврентия Павловича, высказал вполне правдоподобную версию: «Партийная верхушка, включая, естественно, самого Хрущева, пыталась таким образом устранить Берия руками Сталина...».

Зачем старались устранить Берия? Опасались усиления его влияния. Кто опасался? Хрущев и Булганин. Ни тот, ни другой не пользовались особым уважением Сталина. Тем не менее, и они могли рассчитывать на «наследство» вождя и стремились участвовать в дележе этого «наследства».

* * *

Казалось бы, Сталин должен был ясно понимать, что должно произойти после его ухода. И он, судя по всему, отдавал себе отчет в том, что осуществится коллегиальное руководство. Почему же он оставался чрезвычайно озабоченным? Почему не раз повторял в последние свои годы: «Пропадете вы тут без меня, как слепые котята»? И почему, в сущности, так и произошло?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к последнему при жизни Сталина XIX съезду ВКП(б).

Почему Сталин позволил себе прилюдно резко критиковать Молотова? А потому, что Сталин заговорил о своей отставке с поста Генерального секретаря. А кто стал бы первым и, пожалуй, единственным претендентом на это место? Безусловно — Вячеслав Михайлович Молотов.

Обратим внимание на официальный отчет о первом дне XIX съезда партии: «Семь часов вечера. Появление на трибуне товарища Сталина и его верных соратников тт. Молотова, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Берии, Кагановича, Хрущева, Андреева, Микояна, Косыгина делегаты встречают долгими аплодисментами... По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии съезд открывает вступительной речью тов. В.М. Молотов».

Было принято перечислять фамилии руководителей по их положению в партии и/или в правительстве. Как видим, первым после Сталина стоит Молотов, а Берия опережает Хрущева. (Можно вспомнить, что во время войны в состав Государственного Комитета Обороны СССР входили кроме Сталина Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов.)

Можно не сомневаться, что, если бы не сокрушительная сталинская критика, Генеральным секретарем партии был бы избран Молотов. Но когда его кандидатура отпала, члены ЦК, включая Маленкова, пришли в полное замешательство.

Мне кажется, верную мысль высказал Юрий Мухин:

«Без Сталина на посту Генерального секретаря, без Сталина как вождя партии партноменклатура теряла ту власть, которая дает материальные выгоды». Иначе говоря, Сталин попытался существенно понизить социальный статус КПСС. Для чего? Ведь именно партия была проводником его идей.

Но ведь он и без того мог влиять на экономические, социальные, общественные процессы как руководитель го-

сударства или через Маленкова. А главное — уже не было секретом, что в партию и руководящие комсомольские органы пробираются те, кто желал бы иметь больше привилегий и меньше ответственности.

Как очистить партийные ряды от этой скверны? Единственная возможность — сделать пребывание на партийных должностях менее престижным и выгодным. Надо было сделать так, чтобы в партию вступали люди по идейным, а не карьерным соображениям.

Вот для чего требовалось снизить статус партийной номенклатуры.

О своих возражениях против Молотова как Генерального секретаря партии Сталин сказал заранее с полной определенностью и без сомнений в его личных достоинствах: «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков...»

Глава 4

КОНЕЦ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Последнее выступление Сталина

Завершила XIX съезд партии краткая речь Сталина, обращенная главным образом к представителям братских партий. Есть версия, будто это свидетельствует о плохом физическом и умственном состоянии вождя. В действительности, ничего подобного не наблюдалось.

Он просто не захотел, как говорится, выносить сор из избы, освещаая внутреннее непростое положение в партии. Отдельваться общими гладкими формулировками он вообще не любил. Вскоре на закрытом Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года последовало принципиально важное крупное его выступление. Как оказалось, оно стало последним

Об этом событии следует рассказать подробно. Оно проясняет многое, происходившее в последние годы жизни Сталина, и, возможно, помогает понять причины его смерти, всего лишь через 4 месяца после этого события. Сталин говорил около полутора часов без перерыва. Он не читал заранее написанный текст, а именно говорил, обращаясь в зал и не сбиваясь. Одно уже это убедительно свидетельствует о том, что он был здоров и, во всяком случае, никакими умственными и психическими расстройствами не страдал. Он сразу же взял деловой тон:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства...

Обратимся к воспоминаниям присутствовавшего на пленуме писателя Константина Симонова, члена ЦК партии:

«Говорил он от начала до конца сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению...

Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается то время, когда другим придется продолжить делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствовавших, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни.

Говорилось все это жестко... За всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеки».

* * *

Написано это было спустя 27 лет после пленума, но общее впечатление и некоторые детали писатель запомнил, по-видимому, хорошо. К сожалению, отсутствует стенограмма выступления Сталина. Сошлюсь на запись Л.Н. Ефремова, приведенную в книге В.В. Карпова «Генералиссимус». Сталин объяснил некоторые свои предложения, сказав:

— Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Говорят, для чего мы расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы?

Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед?..

(Нашлись комментаторы, излагавшие — изолгав — его слова в том духе, что коварный диктатор захотел под благовидным предлогом избавиться от конкурентов. Такова точка зрения тех, кто привык строить каверзы, лгать и клеветать ради своей карьеры или по заказу своих «спонсоров». На мой взгляд, Сталин говорил то, что хотел сказать. Он не привык унижаться, лицемерить, хитрить.)

Причины кадровых перестановок он объяснил так:

— Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе. Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их переводим на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей...

Однако оказалось, что дело не только в возрасте ветеранов партии. Сталин перечислил несколько серьезных ошибок Вячеслава Михайловича. На одном из дипломатических приемов Молотов дал согласие английскому послу издавать у нас буржуазные газеты и журналы. «Такой неверный шаг, если его допустить, — сказал Сталин, — будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной».

Судя по всему, вождь знал о влиянии последней на умы не столько рядовых советских граждан, сколько на тех, кто причисляет себя к элите общества. Ведь рекламируется под видом буржуазного образа жизни благосостояние наиболее обеспеченных слоев западного общества, но вовсе не того большинства, которое едва сводит концы с концами.

* * *

Кроме того, Сталин указывал на то, что Молотов предложил сделать Крым еврейской автономией, а также делился со своей женой (еврейкой) секретной информацией. «Получается, — говорил Сталин, — будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять». Среди них были Голда Меир, сотрудник посольства США и т.п.

Красноречивый факт. Когда в Москву приехала первый посол Израиля Голда Меир, перед синагогой, куда она пришла, собралась многотысячная толпа. Ее приветствовали с восторгом, и она ответила: «Спасибо за то, что вы остались евреями». А на приеме в МИДе жена Молотова подошла к Меир, заговорила с ней на идиш и на вопрос, не еврейка ли она, с гордостью ответила: «Я дочь еврейского народа».

У жены Молотова были знакомые и в посольстве США. Вячеслав Михайлович имел неосторожность обсуждать со своей женой некоторые секретные решения Политбюро. А вскоре эти решения становились известны американцам.

«При всем гневе Сталина... — вспоминал Симонов, — в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой,

но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной.

В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица...»

Но самый большой удар по нервам присутствовавших был нанесен в заключение Пленума. Вот как описал это К. Симонов:

«Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве Генерального секретаря вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить, уважить его просьбу... Сталин, говоря эти слова, смотрел в зал, а сзади него сидело Политбюро и стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание.

И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, — а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознававшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно вздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже и из-за спины Сталина слова: «Нет, просим остаться!», или что-то в этом духе, зал загудел словами: «Нет! Нельзя! Про-

сим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!» Не берусь приводить всех слов, выкриков, которые в этот момент были, но, в общем, зал что-то понял и, может быть, в большинстве понял раньше, чем я. Мне в первую секунду показалось, что это все естественно: Сталин будет председательствовать в Политбюро, будет Председателем Совета Министров, а Генеральным секретарем ЦК будет кто-то другой, как это было при Ленине».

* * *

Тут писатель позволил себе сомнительную вольность: заговорил о мыслях малоизвестного ему человека, политика и государственного деятеля, соображения которого в тот момент могли быть совершенно иными. (Учтем, что написан этот отрывок в 1979 году, когда был осужден «культ личности Сталина» и много клеветы говорилось в его адрес.)

По мнению Симонова, Маленков «понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что эта просьба, прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу — как, готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале, отпустить его, Сталина, с поста Генерального секретаря, потому что он стар, устал и не может нести еще эту, третью свою обязанность...

И почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков; во что бы это обошлось вообще, трудно себе представить».

Увы, печальными бывают результаты даже искренних попыток писателей, не относящихся к числу крупных мыслителей, думать за выдающихся государственных деятелей! Как говорится, не по Сеньке шапка.

Пожалуй, Маленков, как многие другие, был обескуражен, прежде всего, неожиданностью предложения Сталина. Он просто не знал, что предпринять в такой экстремальной ситуации. Поэтому обратился в зал:

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Последовали бурные аплодисменты. Сталин:

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Встал маршал С. К. Тимошенко и пробасил:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя поддержали его слова аплодисментами. Сталин постоял, глядя в зал, потом махнул рукой и сел.

Странно, что «инженер человеческих душ» К. Симонов истолковал этот эпизод как выражение торжества. Или вождь поистине выжил из ума, если решил таким нелепым образом «прощупать отношение Пленума» к поставленному вопросу о его отставке? Ну а если бы его просьбу удовлетворили, он что же, приказал бы покарать всех, кто ее поддержал? Выходит, захотел внести раздор в ряды партии, начать массовые репрессии среди узкого круга участников Пленума? Зачем?! Он же откровенно сказал, что уже стар и может вскоре умереть.

Разумней предположить, что он хотел выяснить, готовы ли новые государственные деятели к самостоятельной работе, к продолжению дела, которому он посвятил всю свою жизнь. Или, возможно, в порыве раздражения он просто пригрозил своей отставкой, чтобы присутствующие поняли, насколько важно то, о чем он говорил. Хотя не исключены и другие предположения. Жаль, что обычно тиражируется самое глупое и подлое.

Против партийной элиты

Некоторые авторы, фантазируя на тему «осень патриарха», пишут, будто Сталин панически боялся смерти. Полная чепуха! Как революционер, да еще и террорист (в молодости), он смерти не боялся. Но, чувствуя ее приближение, беспокоился за судьбу страны.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года он сказал, обращаясь к Рузвельту и Черчиллю: «Пока мы все живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами... Но пройдет десять лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что пережили мы, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы».

Как видим, он спокойно и вполне философски относился к своей смерти, даже фактически предсказал ее с удивительной точностью.

С подачи Хрущева принято считать, будто существовал политический кризис, с которым не мог справиться престарелый вождь. Эта легенда понадобилась Никите Сергеевичу для оправдания своих провальных мероприятий после захвата власти. (Аналогично поступили и Горбачев, и Ельцин; любому обанкротившемуся политику хочется свалить свою вину на своего предшественника.) Его мнение пришлось по душе многим авторам. Например, историк Д. Боффа уверенно констатировал «кризис сталинского правительства» (по-видимому, точнее сказать — сталинского правления). Хотя уже в следующем абзаце констатировал:

«После десяти лет международных испытаний, одно другого тяжелее, которые страна победно преодолела, Советский Союз постепенно окреп. Последствия войны и голода отошли в прошлое. Население увеличивалось в результате демографического подъема. Промышленность

росла. Из стен высших учебных заведений выходило около 200 тыс. выпускников, в дополнение к которым подготавливалось также примерно 300 тыс. специалистов со средним техническим образованием».

Если таковы результаты кризиса правительства, то побольше бы подобных кризисов! Словно в помрачении рассудка автор ссылается на «маниакальное вырождение подозрительного характера» Сталина и «признаки неспособности осуществлять руководство». Боффа объясняет парадоксальность ситуации просто: «Все преодолевающая жизненная стойкость народа находилась в противоречии с тем свинцовым колпаком, который послевоенная сталинская политика надела на всю общественную жизнь в стране».

Оказывается, под «свинцовым колпаком» происходит невиданный подъем народного хозяйства, растет количество населения, улучшается его благосостояние и повышается культурный уровень! Выходит, «колпак» предохранял общество от всяческих бед и определял его устойчивость. На мой взгляд, под идеологическим колпаком находилось сознание Боффы, когда он писал подобные вещи.

Умилительную оговорку делает этот буржуазный историк: «Мало кто ясно осознавал это противоречие». А может быть, его и не было? Или стремились создать и усилить социальные противоречия именно те, кто желал уничтожить существующий строй и/или обрести благоприятные возможности для личного обогащения?

Именно так все и произошло, когда в конце XX века осуществилась в России — СССР буржуазная революция (или контрреволюция?). Она явилась своеобразным реваншем за провал в феврале 1917 года. В результате общество не перешло на более высокий уровень; напротив, очевидна его деградация буквально по всем параметрам — упадок социальный, научно-технический, экономический, нравственный, культурный.

Отчасти оправдывает логические несуразицы Д. Боффы то, что его работа относится к концу 1970-х годов. Над ним довлели политические стереотипы западных идеологов. Не исключено, что он выполнял соответствующий социальный заказ. К тому же о положении в СССР он судил преимущественно по всяческим диссидентским сочинениям.

* * *

Как уже говорилось, в СССР в 1952 году основополагающим событием стал XIX съезд партии. На нем были подведены итоги сталинской эпохи и намечены перспективы на будущее. Однако в изданном полумиллионным тиражом учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» (М., 1958) о нем сказано было весьма скупо и неопределенно. Даже не упомянут основной докладчик Г. М. Маленков, не сказано о присутствии на съезде Сталина.

В новейшем учебнике истории России для 11 класса (2007) сказано: «В последние годы жизни И. В. Сталина нормы внутрипартийной демократии перестали соблюдаться даже формально. Не созывались заседания руководящих органов партии. 13 лет не проводились ее съезды. Лишь в 1952 г. состоялся XIX съезд ВКП(б). Съезд утвердил новое название партии. Она стала называться *Коммунистической партией Советского Союза* (КПСС)». Только и всего!

Традиционно «наивное» пояснение дал Д. Боффа: «Ход работы XIX съезда, на котором партия окончательно отказалась от своего именованья как партия большевиков и назвалась просто Коммунистической партией Советского Союза (КПСС), подтвердил наличие в эти годы глубокого кризиса. В СССР и правители, и управляемые в дальнейшем старались вычеркнуть его из памяти истории; в более позднее время об этом событии стремились говорить как можно меньше (стенограмма выступлений на съезде

не была до сих пор опубликована)... Основным докладчиком был Маленков; это поручение, казалось, представляло собой ясное указание на возможного наследника Сталина».

Вновь ссылка на кризис без какого-либо убедительного пояснения, а вдобавок отказ обдумать странный феномен стремления власть имущих вычеркнуть данный съезд «из памяти истории». Почему?

Предположим, страна находилась в критическом положении. Но тогда для Хрущева и его сторонников имело прямой смысл раскрыть суть кризиса, который способствовал свержению сталинизма. А тут прямо противоположная стратегия умолчания и даже засекречивания.

Тот же самый Боффа вольно или невольно указал на то, каким в действительности был кризис. Был он связан не со сталинским управлением, а назревал вопреки нему. Существовали некоторые объективные явления, угрожавшие системе, созданной Сталиным. О них много говорил Маленков.

«Он резко акцентировал внимание, — справедливо указал Боффа, — на четырех пунктах: необходимо дать большой простор самокритике и критике «снизу»; дисциплина партийная и государственная должна быть укреплена и должна стать единой для всех, руководителей и руководимых: выдвижение и подбор кадров должны проводиться более строго, не должно быть места для кумовства и личных капризов, как это часто случается; необходимо также усилить идеологическую работу, для того чтобы не допустить возрождения буржуазной идеологии и остатков антиленинских групп (то есть оппозиций давнего времени)».

С докладом о партийном обновлении выступал Хрущев. Он приводил аргументы, аналогичные тем, что использовал Маленков. Членам партии предписывалось исполнение новых обязанностей: критика и самокритика; запрет любых форм «двойной дисциплины», одной — для

руководителей, другой — для рядовых членов; уважение к «секретности в партии и государстве»; обязанность докладывать наверх о местных «недостатках», «невзирая на лица»; подбор руководителей без каких-либо соображений дружбы, родства или землячества.

Нет никаких сомнений, что повторение Хрущевым основных положений кадровой политики, доложенных Маленковым, свидетельствует о том, что данная проблема считалась ключевой и предварительно обсуждалась со Сталиным. Скорее всего, обсуждение это проводилось преимущественно или даже единственно с Маленковым. Ведь именно он отвечал за кадровую политику в государстве и партии.

Если Сталин счел нужным представить Маленкова своим преемником, то логично предположить, что состояние руководящих кадров вождь считал неудовлетворительным, а наведение порядка в этом деле — важнейшей, первоочередной задачей. (По словам Д. Боффы, «даже если под этими докладами и уставными новшествами и не было подписи Сталина, то наверняка инициатива исходила от него и их содержание контролировалось им же».)

Вот и Н. Верт высказал мнение, что Сталин вынужден был, «не трогая основ, обновить политические, административные, хозяйственные и интеллектуальные кадры государства. Именно с этой точки зрения следует рассматривать изменения, произведенные на XIX съезде партии».

Мы приходим к тем же выводам, что и антисоветские историки. Не потому, что у нас единые позиции (тут-то как раз наоборот!). Данное мнение верное, ибо основано на фактах. Оно вполне очевидно для любого, кто более или менее внимательно ознакомится с докладом Маленкова.

Но если все так просто и ясно, то почему же советская партийная пропаганда стала замалчивать материалы и основные положения данного съезда? Почему на них не обратили должного внимания?

Ответ, как мне представляется, может быть один: с хрущевских времен и до настоящего времени власть в СССР, а затем в Российской Федерации захватили представители того самого социального слоя, против которого ополчились Сталин и его преемник Маленков.

Война с коррупцией

Заветы Сталина отразились не только в двух его последних теоретических работах по языкознанию и экономике, но и в его выступлении на Пленуме и в докладе Маленкова на съезде партии.

По знаменательному совпадению, нечто подобное произошло за три десятилетия до 1952 года, когда Ленин опубликовал свои последние записи. В статье «Лучше меньше, да лучше» он предлагал «проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед». Ленин предлагал «заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата». Для этого, по его мнению, необходимо значительно увеличить число членов высших партийных органов, введя туда максимальное число рабочих и крестьян.

В ту пору на высших руководящих постах находились почти исключительно профессиональные революционеры, можно сказать, политики-экстремалы. Ленин понимал, что для мирного строительства это вредно. Тем более что уже тогда началось перерождение партийной верхушки, заражаемой «буржуазным духом»...

Выступая на XIX съезде партии со своим докладом против коррупции, Маленков понадеялся на безусловный авторитет Сталина и на поддержку партийных масс. Но крупные партийные работники вновь начали обретать абсолютную власть в своих «вотчинах». Маленков привел пример ульяновской партийной организации (случайно ли была выбрана именно эта, работавшая на родине Ленина?). Там «часть хозяйственных, советских и партийных

работников из руководящей верхушки областной организации морально разложилась, встала на путь казнокрадства, растаскивания и разворовывания государственного добра».

Маленков вынужден был напоминать то, что и без того всем было известно: «Партии нужны не заскорузлые и равнодушные чиновники, предпочитающие личное спокойствие интересам дела, а неутомимые и самоотверженные борцы за выполнение директив партии и правительства, ставящие государственные интересы превыше всего». И еще одна вроде бы очевидная истина: «Идеологическая работа является первостепенной обязанностью партии».

Не опрометчиво ли поступил Маленков, открыто объявив войну коррупционерам? Как следует из его слов, некоторые из них использовали свое положение для улучшения личного благосостояния. Сделать это было невозможно без разветвленных связей, соединяющих в единый клубок деятелей партии, торговли, народного хозяйства, органов государственной безопасности, местных советов.

* * *

А разве все маршалы и генералы выдержали испытание «медными трубами» победы? Когда у миллионов семей погибли родные и близкие, сотни тысяч городов и поселков были разрушены, когда народ был измучен и появилось множество калек, нищих, бездомных, некоторые генералы и маршалы отправляли вагонами захваченное в Германии «барахло», обеспечивая своим семьям «роскошную жизнь».

В книге Ю. Мухина «Убийцы Сталина» (2006) приведены материалы расследования хищений, организованных начальником спецслужб СССР в Берлине генерал-майором А. М. Сидневым и представителем МВД в советской зоне оккупации Германии И. А. Серовым.

Негласное обследование дачи Г.К. Жукова показало, что там собраны огромные ценности. «Две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей». Например, более 4000 м различных тканей (шелк, парча, панбархат и пр.); 323 шкуры мехов (соболь, котик, лиса, обезьяна и пр.); 44 штуки огромных дорогостоящих ковров и гобеленов; множество ценных картин, сервизов; 20 уникальных охотничьих ружей, 8 аккордеонов...

А ведь это было далеко не все самое ценное, что вывез Жуков. Вряд ли он лично был чудовищно жадным. Много ему «дали» подхалимы, желали иметь жена, родственники...

Сталина подобные факты наверняка возмущали до глубины души. Не это ли стало причиной его недовольства Жуковым?

Как с ехидцей писали некоторые журналисты, писатели, на даче Сталина были развешаны картины великих художников... в виде дешевых репродукций, вырезанных из журнала «Огонек». Вот, мол, какой дурной вкус у диктатора. (Подобные люди, невольно поставив себя на его место, представили себе, какими бы шедеврами живописи украсили они свое жилище.)

* * *

Впрочем, вернемся к прерванной теме.

Итак, Маленков призывал руководящих работников ставить государственные интересы выше личных. Прежде вроде бы не приходилось с высоких трибун напоминать об этом. Теперь такая необходимость возникла. Следовательно, проблема стала актуальной.

Понятное дело, бесполезно бороться с подобной напастью одними призывами. Другой путь: ужесточение контроля над руководящими партийными работниками со стороны органов внутренних дел, МГБ. Для этого надо,

естественно, вывести данные организации из-под прямого подчинения партийной номенклатуре.

Есть еще одно средство. Маленков назвал его: «Контроль масс за деятельностью организаций и учреждений». Он настойчиво призывал усилить «критику снизу», «провести неспадаящую борьбу как со злейшими врагами партии с теми, кто препятствует развитию критики наших недостатков». «У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела».

По его словам, «в литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность». «В своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе... Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины».

Нетрудно было догадаться, кого следует критиковать и бичевать. Среди сидящих в зале было немало тех, кто воспринял это как увесистый камешек в свой огород, как тревожный сигнал: не начнется ли вскоре основательная партийная чистка?

Покушение на партократию

Столь решительное и смелое выступление Маленкова было согласовано с вождем. Судя по всему, к нему, а также к Маленкову поступали сведения и от секретных сотрудников, и от трудящихся о распространении коррупционных связей и злоупотреблении властью партийными функционерами на местах.

Сталин, даже уединившись на кунцевской даче (в 1952 году он редко выезжал в Москву), имел достаточно ясное представление о процессах, происходивших в стране. Он

ясно сознавал, что сформировался социальный слой руководителей разных уровней, которых стала объединять, как говорили прежде, «мелкобуржуазная идеология», желание воспользоваться своим общественным положением для получения наибольших материальных благ.

Для индустриального общества характерны механизация и автоматизация производств, увеличение числа служащих. В СССР пытались искусственно поддерживать высокий процент занятых в народном хозяйстве рабочих и крестьян, трудящихся. Но с объективной закономерностью ничего поделаться нельзя. С середины прошлого века в нашей стране количество служащих неуклонно увеличивалось.

Само по себе это ни хорошо, ни плохо. Другое дело — забвение коммунистических идеалов, имеющих в виду, прежде всего, благо трудового коллектива, народа, всего общества, и распространение буржуазных устремлений, ориентированных на личное и корпоративное обогащение. Такое духовное перерождение значительной части граждан грозило общественной катастрофой.

Без прямых указаний Сталина Маленков не посмел бы выступить с критикой руководящих партийных кадров. Он понимал: предложенные им изменения системы власти и мероприятия по борьбе с коррупцией не будут пользоваться популярностью в среде номенклатурных работников. А они-то и есть те самые конкретные люди, на которых опирается верховная власть.

Странным образом это обстоятельство упускают из виду многие аналитики. Словно достаточно, скажем, главнокомандующему утвердить военную операцию и отдать приказ на ее выполнение, как все остальное уже не имеет существенного значения. Не менее важно кто, какими силами, насколько организовано и оперативно, а при необходимости действуя творчески, по собственной инициативе будет реализовывать этот замысел.

Какие бы указания ни давал Сталин своим подчиненным, к чему бы ни призывал, все это оставалось бы звуком пустым или оборачивалось чем-то совершенно иным без отлажено работающего механизма реализации той или иной программы. Пустозвонство руководителя быстро оборачивается развалом всей системы. Или же ему определена в ней роль подставного лица, служащего прикрытием для тех, кто реально пользуется властью и капиталами.

Сталина нельзя отнести ни к тому ни к другому типу. Он был настоящим Хозяином.

* * *

Выступление Маленкова на XIX съезде должно было усилить антисталинские настроения среди партийной номенклатуры. Вождь и без того раздражал их, установив строгий контроль за использованием общественных ценностей и пресекая коррупционные связи, вынуждая руководителей всех уровней много работать при сравнительно небольших льготах. Они распоряжались огромными капиталами, не имея легальной возможности урвать для себя некоторую их часть без риска угодить в ГУЛАГ или на тот свет. Кому это понравится? Новая кадровая политика грозила лишить некоторую часть «элиты» высоких постов. Было о чем беспокоиться!

Безусловно, еще оставалось немало идейных коммунистов. Но росло число тех, кто пробивался к вершинам власти ради карьеры, личного благополучия, для построения коммунизма в отдельно взятой своей семье. Этим стремлениям препятствовала воля вождя, идейные принципы которого были незыблемы. Он помнил, каких огромных жертв стоили Гражданская и Великая Отечественная войны. Неужели они были напрасны?! Неужели после этого благоденствовать должны только «избранные»?

Если бы Сталин заботился только о сохранении своей власти, ему следовало бы поощрять и материально поддерживать всех тех, кто ему ее обеспечивал. Надо было бы установить олигархическое правление. Так поступают все большие начальники, начиная с криминальных и кончая политическими. Такой режим, скрепленный коррупционными узами и общими материальными интересами, устойчив и удобен в управлении.

Но Сталин обдуманно, целеустремленно и с риском для жизни проводил свою политику. В народе было понимание — хотя бы на уровне коллективного подсознания — его самоотверженной работы. Только этим можно объяснить неподдельную любовь к нему миллионов советских людей. Не руководители, а именно народ видел в нем исполнителя своей воли, выразителя своих интересов.

Невероятно, чтобы три десятилетия в труднейших условиях ему удавалось притворяться настолько изощренно и талантливо, чтобы заручиться таким доверием масс и пользоваться неподкупной любовью. (Помнится, Хрущев, как его ни прославляли, сколько ни награждали и какие бы фильмы о нем ни снимали, в народе воспринимался неприязненно, а то и с презрением.)

Для пролезших во власть ради личных выгод выступить открыто против вождя, свергнув его или приняв его отставку, означало бы вызвать на себя народный гнев. Поэтому съезд приветствовал доклад Маленкова и устраивал оvationи Сталину. Хотя, безусловно, многие делегаты делали и то и другое искренне.

«Дело врачей»

Крупнейшие государственные деятели разных времен и народов слишком часто уходят из жизни в результате покушений или при загадочных обстоятельствах. Отчасти это относится к Ленину, но в значительно большей степени — к Сталину.

21 декабря 1952 года Иосифу Виссарионовичу исполнилось 73 года. Чувствовал он себя неплохо, серьезных симптомов болезни у него не было. Говорят, он стал раздражительным, подозрительным и мрачным. Но разве для этого не было оснований? Беспокоился он не за себя, а за свою страну. Даже в его ближайшем окружении не было единства при избытке интриг. Чему тут радоваться?

Ссылаются на его психическое расстройство, из-за которого он вроде бы санкционировал уголовное дело «врачей-убийц». Как еще объяснить странный феномен: немолодой и не блещущий здоровьем вождь лишает себя квалифицированного медицинского обслуживания! У него на даче, где он в последние месяцы проводил большую часть времени, не было даже аптечки с простым набором лекарств. Чем это объяснить? Подбрасывают диагноз: он маниакально боялся врачей (особенно евреев) и лекарств. Дрожал за свою жизнь. Был патологически подозрительным и пугливым...

До какой же степени можно отрешиться от здравого смысла, чтобы верить подобным нелепостям? А ведь верят миллионы!

Тот, кто страшится смерти и болезненно озабочен состоянием своего здоровья, обращается к врачам при малейшем подозрении на заболевание. Сталин мог вызывать к себе на консилиум лучших врачей любой национальности. И уж наверняка бы при нем находились специалисты, отвечающие за его жизнь головой. Но ничего подобного не было.

Вообще-то Сталин всегда не слишком заботился о собственном здоровье. Работал он, что называется, на износ. И все-таки невозможно поверить, что он по личной инициативе лишил себя врачебной помощи. Боялся, что его «залечат»? Ерунда. Много лет не боялся, а тут вдруг...

Надо четко понимать простую истину: ни в сталинских речах, ни в его поведении, ни в беседах с самыми разными людьми психических аномалий не наблюдалось.

Это, как говорится, медицинский факт. Отстранить от него врачей было выгодно только тем, кто был заинтересован в его смерти.

* * *

Итак, все по порядку. «Дело врачей» было основано на следующих фактах. Следователь подполковник М. Рюмин случайно обнаружил документ, написанный врачом А. Тимашук еще в августе 1948 года. Она незадолго до смерти Жданова констатировала у него инфаркт миокарда. Однако три авторитетных врача, лечившие Жданова, настояли на своем диагнозе и ее не послушались.

Под их давлением она уступила, но на всякий случай изложила свое мнение в письме начальнику Главного управления охраны МГБ СССР Н. С. Власику (давнему телохранителю Сталина). Тот не придавал бумаге серьезного значения, — ведь Тимашук писала не донос, а излагала свое личное мнение по поводу болезни Жданова, страхуясь от возможного обвинения в некомпетентности или в преступных умыслах.

В июне 1951 года Рюмин, который в то время вел «дело Этингера» (с него, как известно, началась кампания против врачей, лечивших наш «ареопаг»), передал помощнику Маленкова Суханову записку о том, что в работе предыдущих следователей по этому делу им обнаружены подлоги. Записка была тут же передана Маленкову, а затем через Поскребышева попала к Сталину. Тот вызвал Рюмина в Кремль и после беседы с ним поручил Маленкову создать комиссию по проверке МГБ. Позже была дана санкция на арест начальника этого ведомства Абакумова. И уже в ходе следствия по его делу в мае 1952 года Маленков доложил Сталину об огромных злоупотреблениях абакумовцев из 9-го управления МГБ (оно занималось материальным обеспечением и безопасностью партийно-государственной элиты). Узнав, какое количество икры, бе-

лужатины и прочих деликатесов съедалось будто бы членами Политбюро, ЦК и правительства, Сталин пришел в страшный гнев, и чистка авгиевых, точнее абакумовских, «конюшен» усилилась.

По мнению генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева, «Маленков и Берия, по существу, предрешили судьбу Абакумова». Но Хрущев придерживался иного мнения: «Я видел и «дружбу» эту Маленкова и Берии. Берия не уважал, не ценил Маленкова, а преследовал при этом свои политические цели.

Он мне как-то сам сказал:

— Слушай, это безвольный человек. Он такой козел. Он может прыгнуть, если его не держать. Поэтому я его держу, с ним хожу. Он русский человек, культурный человек, он может пригодиться.

Вот это «пригодиться» — главное было у Берии в дружбе с Маленковым.

С Маленковым и Булганиным мы дружили, еще когда я работал в Московской организации. Мы часто проводили вместе выходные дни, на даче мы все вместе жили. Поэтому, несмотря на то, что Маленков проявлял некоторую наглость в отношении меня во время войны, особенно когда Сталин выказывал недовольство мною, я с ним не порывал».

Никита Сергеевич был человеком хитрым и лживым. Из его признания следует прежде всего то, что он старался поддерживать «дружбу» со всеми. Даже с Берией были у него доверительные отношения.

На мой взгляд, Хрущев переврал слова Берии. Безвольный человек не может «прыгнуть» самостоятельно, и его не требуется постоянно контролировать. Тем более если он русский, да еще культурный. Мог ли безвольный человек во время Великой Отечественной войны войти в пятерку членов Государственного Комитета Обороны СССР (куда не был допущен, в частности, Хрущев)? Что-то не верится...

«Дело врачей» получило широкую огласку. Многие медики были арестованы. Не беремся судить об их профессионализме и качестве лечения, но по части коррупции, связей с сионистскими кругами за границей, разглашении секретной информации, — эти люди далеко не были «бесвинными агнцами».

Те же, кто обвиняют советскую власть в притеснениях евреев, не хотят замечать некоторых очевидных фактов. В привилегированной больнице, где лечились крупные партийные и государственные деятели, на ключевых должностях находилось много евреев. Представителей этой национальности было непропорционально много среди писателей, журналистов, музыкантов, физиков, математиков... Те, кто объясняет это особой одаренностью данного народа, разделяют мнение нацистов, в частности Гитлера и Гиммлера, но только с противоположным знаком.

(Когда-то один из редакторов издательства «Мысль» спросил меня, у какого народа больше всего выдающихся людей на душу населения. Я ответил, что, пожалуй, у евреев, учитывая, что и сам он этой национальности. Выяснилось: вместе с несколькими товарищами он просмотрел тома Большой Советской Энциклопедии, делая соответствующие подсчеты. На первое место вышли... норвежцы, на второе — армяне и только за ними — евреи. Связано это не столько с общим количеством известных личностей, сколько с численностью населения: норвежцев меньше, чем армян, которых меньше, чем евреев. Тогда я отметил, что на первом месте должны стоять чукчи, у которых на десять тысяч человек — один известный писатель, тогда как у русских примерно один выдающийся писатель на миллион.)

Вернемся к «делу врачей». Один его результат: Сталин остался без оперативной медицинской помощи. Другой: руководителем органов госбезопасности стал С. Д. Игнатьев.

Хрущев пишет: «Тогда министром госбезопасности был Игнатьев. Я знал его. Это был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе человек. Я к нему относился очень хорошо...»

Курировал деятельность МГБ по линии партии Н. С. Хрущев. Его характеристика Игнатьева показывает, что между ними было полное согласие. Получается, что едва ли не все нити интриг и заговора против Сталина проходили через руки Хрущева. Именно он сумел использовать «дело врачей» в своих интересах.

Странные совпадения

7 февраля 1953 года неожиданно скончался молодой, вполне здоровый генерал Косынкин, ответственный за безопасность вождя, поставленный Сталиным комендантом Кремля. А вскоре после смерти Сталина за ним последовали начальник его личной охраны Иван Хрусталев и один из охранников (официальная версия — самоубийство). В 1954 году скончался председатель (с октября 1952 г.) Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Матвей Федорович Шкирятов. Правда, он был не молод (71 год), но как будто вполне здоров.

Историки А. А. Данилов и А. В. Пыжиков пишут: «Как показывают документы, радикальные кадровые решения могли последовать уже в первые дни марта. Во всяком случае, журнал посетителей кабинета Сталина зафиксировал последних его посетителей перед началом болезни,

среди которых был неизменный спутник падения высших партийных чиновников... Шкирятов (причем дважды)».

Есть свидетельства, что кабинет вождя прослушивался. В таком случае его разговор со Шкирятовым мог стать известным заинтересованным лицам, которых предполагалось сместить с должности.

Сопоставляя эти события, начинаешь подозревать существование заговора с целью устранения Сталина. Если вспомнить, что главой органов госбезопасности был тогда Игнатьев, а курировал его деятельность, как уже говорилось, Хрущев, то последний опять-таки становится первым претендентом на роль главного заговорщика. Ю. И. Мухин, например, прямо называет его убийцей Сталина. К тому же, следует учитывать, что в структуре органов госбезопасности имелась секретная лаборатория по изготовлению ядов.

Уход Хозяина

О последних днях Иосифа Виссарионовича написали А. А. Данилов и А. В. Пыжиков в книге «Рождение сверхдержавы» (2001):

«Материалы истории болезни Сталина показывают, что в этот критический момент был почему-то изменен традиционный (и проходивший всегда под неусыпным надзором МГБ) порядок лечения». «Некоторое недоумение с точки зрения практической целесообразности вызывает установление Бюро Президиума ЦК КПСС «постоянного дежурства у т. Сталина членов Президиума ЦК».

Много позже на вопрос Ф. Чуева о возможности отравления Сталина Молотов ответил: «Могло быть». Действительно, некоторые факты заставляют усомниться в том, что смерть вождя была вызвана «естественной причиной». Уклончивый ответ Молотова укрепляет такие подозрения, ибо для обвинения потребовались бы четкие и убедительные доказательства, которыми он мог и не располагать.

«Болезнь, начавшаяся в ночь с 1 на 2 марта 1953 г., — пишут Данилов и Пыжиков, — была диагностирована как нарушение мозгового кровообращения (инсульт). Она же указывалась и как непосредственная причина смерти в официальных документах, опубликованных после кончины Сталина. Однако в истории этой последней болезни с самого начала обращают на себя внимание неполадки вовсе не в головном мозге, а в желудке и печени... Однако очистку кишечника решили не производить, чтобы не «беспокоить больного» (?!), а рвотную массу впервые за все годы наблюдения первого лица не отправили на специальную экспертизу (чтобы убедиться в отсутствии яда), как это было предусмотрено прежде.

В проекте официального заключения консилиума врачей 5 марта, составленного сразу после смерти Сталина, говорилось, что непосредственной причиной его смерти стало внезапно возникшее желудочное кровотечение. Именно оно «способствовало возникновению повторных приступов коллапса, которые закончились смертью». Однако именно эта фраза, равно как и упоминание о кровавой рвоте и других симптомах, связанных с желудком и печенью, были вычеркнуты из окончательного варианта документа чьей-то рукой. В том, что ни один врач, и даже министр здравоохранения, не мог взять на себя ответственность за такой шаг, сомневаться не приходится. Это могло быть лишь одно из высших лиц в государстве.

Пойти на такой шаг (совершить, по существу, подлог) можно из желания скрыть даже намек на возможность отравления.

* * *

То, что происходило 1 и 2 марта на кунцевской даче Сталина тоже вызывает определенные подозрения. Вот как вспоминал об этих событиях помощник коменданта

дачи Петр Лозгачев (по книге В. Карпова «Генералиссимус»).

В ночь на 1 марта дежурили Хрусталеv, Лозгачев, Туков и Бутусов. Сталин приехал на дачу около полуночи, за ним — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. На стол подали фрукты и виноградный сок. Гости уехали в пятом часу. (Есть сведения, что это произошло на час раньше.)

Полковник Хрусталеv, проводив Сталина в спальню, закрыл двери и передал охране его (якобы) слова: «Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь». Все легли спать и встали в 10 утра. Что делал Хрусталеv в это время, никто из них не знал. А с 10 часов его сменил Старостин.

Обычно Сталин вставал вскоре после этого. Однако настал полдень, а Сталина все не было. Охрана стала волноваться, не зная, что предпринять...

Небольшое отступление. Обратим внимание на поведение охранников. Было очевидно, что произошло нечто серьезное. В подобных случаях следует предпринимать какие-то меры, обычно предусмотренные заранее. Надо было срочно уведомить свое начальство о чрезвычайном происшествии. Почему не было сделано ни то ни другое?

Охранники либо что-то недоговаривают, либо скрывают. Словно им кто-то из руководства приказал не беспокоить Сталина, и они выполняли этот приказ. А затем им сказали, какие давать показания и о чем промолчать.

В 16 часов надо было доставить Иосифу Виссарионовичу корреспонденцию. В 18 часов Лозгачев предложил Старостину как начальнику войти к Сталину, но услышал отказ. (Не означает ли это, что Старостин получил соответствующее указание свыше?) Через полчаса в комнате у Сталина зажглось электроосвещение. Охранники облегченно вздохнули. Но время шло, а Сталин не выходил и никого не вызывал.

В 22 часа 30 минут пришла почта на имя Сталина. Лозгачев направился к нему, прошел одну комнату, заглянул

в другую, в ванную комнату — никого. Наконец, в малой столовой увидел Сталина, лежавшего на ковре около стола, как бы облокотившегося на руку. «Я оцепенел, — писал охранник. — Покушение, отравление, инсульт?»

На полу — карманные часы, газета «Правда», на столе — бутылка минеральной воды и стакан. Сталин лежал в одной нижней солдатской рубашке. Подоспели еще трое охранников. Все они перенесли Сталина на диван и укрыли пледом...

Еще одно отступление. Удивительно прозвучало указание полковника Хрусталева о том, что все охранники могут спать. Как понимать такой приступ «гуманизма» то ли у Сталина, то ли у Хрусталева? Охранники обязаны дежурить день и ночь, а не спать, да еще все сразу. И после этого первого за все годы указания в ту же ночь произошел тяжелый приступ у охраняемого лица. Да еще и Хрусталев в скором времени скончался. Еще одно невероятное совпадение?

* * *

А вот что вспоминал академик А. Л. Мясников, одним из первых обследовавший Сталина: «На его большой даче в Кунцево не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами, не было, между прочим, даже нитроглицерина, и, если бы у него случился приступ грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства.

С каких пор у него гипертония — тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил)».

Немолодого вождя оставили без медицинской помощи, даже самой примитивной; лишили лекарств, которые могут понадобиться в случае острой необходимости. Забывчивость? Халатность? Трудно поверить. Очень похоже на злой умысел.

«На следующее утро, четвертого, — писал Мясников, — кому-то пришла в голову идея, нет ли добавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт».

Переполох. В «деле врачей» уже фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда и погубленных-де ими руководителей государства... Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру...

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить?..»

Когда авторитетные врачи затрудняются объяснить рвоту больного естественной причиной, невольно задумываешься о причине искусственной. Много, очень многое свидетельствует в пользу версии о злодейском умерщвлении вождя...

Дочь Сталина, к тому же, обратила внимание на то, что, несмотря на тяжелое состояние отца, высшие чины охраны не оказали больному никакой помощи. Она утверждала: какой-то информацией об участии отдельных членов высшего руководства в устранении Сталина располагал ее брат Василий. Он попытался поделиться ею с зарубежными корреспондентами, и был за это арестован.

Возможно, у него не было доказательств убийства отца, была лишь своя версия, но после того, как все произошло, предположения Василия Иосифовича угрожали государственной безопасности вне зависимости от того, насколько они соответствовали действительности. Факт остается фактом: ему не дали возможности высказаться. Чуть позже его арестовали, затем освободили, и вскоре он скончался или был убит при невыясненных обстоятельствах.

Вожди Китая, Северной Кореи, Северного Вьетнама и Албании не приехали на похороны Сталина. Причина мо-

жет быть только одна: они не хотели быть вместе с теми, кого подозревают в убийстве вождя.

В 1964 году Энвер Ходжа с подачи Мао Цзэдуна прямо обвинил Хрущева в убийстве Сталина. Тогда же Хрущев был свергнут. Незадолго до этого он прозрачно намекнул на то, что «кремлевский тиран» был убит. По своему обыкновению, войдя в раж, он проговорился. На митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации 19 июля 1964 года заявил: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором».

Выделив эти слова, Н. А. Зенькович продолжал: «Ветераны Старой площади, готовившие текст выступления Хрущева для печати, рассказывали мне, что выделенные слова о тиранах в газетах не появились — их вычеркнули на самом верху, но в эфире их слышали многие миллионы людей в СССР и Европе. Слова о тиранах, правивших при помощи топора и от топора погибших, были сказаны по адресу Сталина в присутствии руководителей ЦК и правительства».

Если бы в этих словах не было намека на Сталина, то не требовалось бы их вымарывать из печатного текста.

* * *

Итак, целый ряд косвенных улик свидетельствует о том, что Сталин был умерщвлен. Почему имеются лишь косвенные улики? Не потому ли, что преступление организовали, продумали и совершили профессионалы? Сделано оно было умело и ловко. До сих пор не удастся выяснить, как все произошло. Не исключено, что важные документы или свидетельства, проливающие свет на эту темную историю, были уничтожены.

Но все-таки главное, что надо иметь в виду: был ли серьезный повод для устранения вождя? Да, такой повод

был. Если бы Сталин прожил дольше, нет сомнений, что мысли, высказанные с его одобрения в докладе Маленкова о борьбе с коррупцией, были бы осуществлены.

Преступление без наказания?

В последнее время были опубликованы дополнительные материалы в пользу версии отравления.

Газета «Аргументы и факты» (№ 51, 2005) сообщила: «В бывшем кремлевском архиве обнаружены документы, свидетельствующие о том, что Сталина отравили». 9 марта 2006 года тот же автор, публицист Николай Добрюха, опубликовал расширенный материал в «Вечерней Москве».

Приведенные автором выписки из медицинской карты Иосифа Виссарионовича не подтверждают версии о плохом состоянии его здоровья через пять лет после окончания Великой Отечественной войны:

«4. 09. 50. Пульс до ванной 74 в 1 мин. Давление 140/80. После ванной пульс 68 в 1 мин., ритм[ичный], давление 138/75. Тоны сердца стали лучше. Сон удовлетворительный. Кишечник регулярно. Общее состояние хорошее. Кириллов».

В то время Сталину было 70 лет. Кровяное давление для этого возраста в норме.

Когда в январе 1952 года он заболел гриппом и лежал с высокой температурой, показатели сердечно-сосудистой деятельности были отличные: пульс 70, ровный, а давление 140/80. Поэтому можно усомниться, что у него была, как официально утверждалось, гипертоническая болезнь.

По мнению автора статьи, «Сталин отравился не сразу, как только выпил минералку. Об этом свидетельствует тот факт, что его нашли лежащим у стола, на котором стояли бутылка минеральной воды и стакан, из которого он пил».

В газете приведены записи врачей, отмечавших симптомы болезни и ее ход. «Судя по всему, — пишет автор, —

врачи понимали, что у Сталина отравление. Поэтому среди лечебных назначений есть почти все, что применяется при поражении ядами: холодный компресс (пузырь со льдом) на голову, сладкий чай с лимоном, очистка желудка сернокислой магнезией и т. д.»

Утром 4 марта врачи зафиксировали ухудшение состояния больного, отметив резкий цианоз лица и конечностей. Автор комментировал: «Цианоз — посинение и почернение кожи и слизистых оболочек. Синюшная окраска кожи появляется при отравлении некоторыми ядами — анилином, нитробензолом, бертолетовой солью и др., — так как из-за них гемоглобин крови превращается в так называемый метгемоглобин, имеющий темную окраску. Не исключено, что Сталин был отравлен смесью различных ядов».

Откуда взялась кровавая рвота? — спрашивает автор. И сообщает:

«5 марта. С 1 часу до 3 часов ночи дневник опять почти не ведется. Вначале я думал, что это от полной безнадёжности. Но когда вдруг обнаружил цитируемую ниже невзрачную бумагу, то понял — причиной молчания была растерянность. К тому времени... пришли анализы крови и мочи, из которых следовал однозначный вывод: отравление! Заключение консилиума на 1 час ночи 5 марта предельно лаконично: «При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец до 17 000 (вместо 7000 — 8000 в норме) с токсической зернистостью в лейкоцитах. При исследовании мочи обнаружен белок».

Далее: «3 часа ночи (...) Печень остается увеличенной. (Один из признаков сильнейшего отравления. — *Авт.*)».

Один из присутствовавших врачей, профессор А.Л. Мясников, был настолько сильно удивлен происходящим, что записал: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило —

как его объяснить? Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках».

Вечером последний укол — инъекцию адреналина — сделала Сталину медсестра Моисеева, после чего больной скончался. «Как сказали мне медики, — комментировал автор, — при состоянии, которое наблюдалось у Сталина в последние часы, уколы адреналина категорически противопоказаны, так как вызывают спазмы сосудов большого круга кровообращения».

Результаты вскрытия тела Сталина показали, как сказано в публикации, что «весь желудочно-кишечный тракт усопшего был будто посечен дробью» (подробного описания приводить не станем). Интересен осторожный, но, тем не менее, весьма красноречивый комментарий к приведенным результатам анализов главного судмедэксперта Москвы Владимира Жарова:

«Основываясь на виденных мною материалах, могу сказать, что исключить отравление Сталина нельзя. Некий токсический фактор, возможно, действительно присутствовал. Это мог быть яд не разъедающего действия, а, допустим, вызывающий поражение дыхательной, сосудодвигательной функций. В пользу версии об отравлении говорит и массивное кровоизлияние в полость желудочно-кишечного тракта из-за нарушения проницаемости стенок сосудов. Отмеченное у Сталина увеличение печени тоже может быть связано с токсическими воздействиями. На определенные мысли наводит и отмеченный у Иосифа Виссарионовича лейкоцитоз.

Дело в том, что если в организм попадают бактериальные или токсические элементы, то лейкоциты, лимфоциты и нейтрофаги начинают размножаться и «съедают» их. В этом случае действительно наблюдается такое явление, как токсическая зернистость. Однако в имеющихся материалах недостаточно все-таки оснований, чтобы однозначно сделать вывод об отравлении И.В. Сталина».

Некоторая неопределенность данного заключения вполне оправдана. Ведь если покушение на Сталина организовали профессионалы своего дела, то и средства были подобраны основательно.

...Впервые услышав версию об убийстве Сталина, я считал ее невероятной. Со временем, узнавая и сопоставляя все новые факты, прихожу к убеждению, что она вполне правдоподобна.

Завершение великой эпохи

Всемирная небывалая слава Сталина, его огромная власть не давала и до сих пор не дает покоя болезненно честолюбивым людям. Это понятно: чем больше восхваляют кого-то, тем сильнее озлобляются на него индивидуумы, жаждущие известности и славы, мечтающие оказаться на его месте.

Куль личности Сталина определялся не только его положением как главы государства, а его знаниями, выдающимся умом, замечательной работоспособностью и самоотдачей ради великой цели. Удивительно, как он, находясь постоянно в работе, успевал учиться и стал, пожалуй, одним из самых образованных государственных деятелей своего времени.

Сталину завидовали многие; ему не приходилось завидовать никому...

В начале 1950-х годов он уже не мог работать так, как прежде. Однако для своего возраста он был еще достаточно крепким человеком. У него не отмечалось признаков ослабления проницательности, памяти.

Он воспринимал смерть как прекращение бытия, переход в Ничто или, как полагают индуисты, в божественную нирвану, что является, опять же по их вере, наградой за мудрую жизнь. Посмертной хулы он не исключал, но относился к этому философски: со временем все станет на свои места и справедливость восторжествует.

Вряд ли Сталин на исходе жизни верил в небесную правду, но в земную правду-справедливость он старался утверждать всеми своими силами. Как вспоминал Главный маршал авиации А. Е. Голованов (в ту пору командующий авиацией дальнего действия), после Тегеранской конференции в начале декабря 1943 года его вызвал к себе на дачу Сталин. Верховный главнокомандующий прохаживался в накинутой на плечи шинели. Поздоровавшись, сказал, что нездоров и опасается заболеть воспалением легких. Вдруг:

— Я знаю, — начал он, — что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. — И, походив немного, продолжал: — Но я уверен, что ветер истории все это развеет.

Сорокалетний Голованов был обескуражен. Ему и в голову не приходило, что после великих побед под Москвой, Сталинградом и Курском кто-то может сказать о Сталине плохое. Походив еще немного, Иосиф Виссарионович продолжил:

— Вот все хорошее народ связывает с именем Сталина, угнетенные народы видят в этом имени светоч свободы, возможность порвать вековые цепи рабства. Конечно, только хороших людей не бывает, о таких волшебниках говорят только в сказках. В жизни любой, самый хороший человек обязательно имеет и свои недостатки, и у Сталина их достаточно. Однако, если есть вера у людей, что, скажем, Сталин может их выволить из неволи и рабства, такую веру нужно поддерживать, ибо она дает силу народам активно бороться за свое будущее.

Чем объяснить такую откровенность вождя? Пожалуй, он не особенно полагался на свое ближайшее окружение. Понимал, что некоторые из тех, кто его прославляет, постараются в удобный момент свалить на него все ошибки и преступления, происходившие в годы его правления.

По словам В. М. Молотова, Сталин говорил: «Молотов еще сдерживается, Маленков, а другие — эсеры прямо:

Сталин, Сталин!» (Как известно, культ личности культивировали именно эсеры, тогда как большевики утверждали величие народных масс.)

Это высказывание помогает понять, почему Сталин из молодых руководителей предпочел Маленкова (прежде были Щербаков, Жданов). Георгий Максимилианович не курил ему фимиам, не восхвалял по разному поводу и без оногo, а вел деловые обсуждения.

* * *

Приведу слова Сергея Кара-Мурзы, который в начале 1950-х годов был школьником. Он верно характеризует то время:

«В начале 50-х годов жизнь как-то резко успокоилась, и стал нарастать достаток. Этого тоже ждали и не удивлялись — люди очень много работали и мало потребляли. Поэтому хозяйство быстро восстановилось. Цены регулярно снижали, и очень ощутимо. На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит. Мы это видели по множеству признаков ежедневно. Мы были уверены и об этом совсем не думали. Но, не думая, мы в массе своей Сталина любили. Что бы там ни говорили всякие краснобаи, а был у нас недолгий период взаимной скрытой любви между большинством народа и властью. Официальная любовь и преданность, знамена и барабаны к этому не касаются, я говорю о скрытой, редко выражаемой любви. Возможно, другого такого периода не было и не будет».

Тогда я учился в Геологоразведочном институте. По анархическому складу своего характера (потому и выбрал профессию геолога-производственника) не испытывал к Сталину любви. Но в своем окружении, как в школе, так и в институте, среди родных и знакомых замечал то чувство, о котором поведал Сергей Георгиевич. Уже одно это

заставляло меня с уважением относиться к народному вождю. Несмотря на молодость и малую осведомленность, я понимал, что он — великий государственный деятель.

Сейчас в общественное сознание внедрили мысль, будто с уходом Сталина советский народ, задавленный тоталитаризмом, впервые ощутил благо свободы. А произошло совсем другое. Была всенародная скорбь (говорю о большинстве). В народе смерть Сталина воспринималась как завершение великой эпохи.

* * *

Константин Симонов писал в книге «Глазами человека моего поколения»:

«Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и Верховного Совета, о котором потом было сообщено в газетах и по радио. Я пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. Может быть, только два или три человека появились меньше чем за полчаса до начала. И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, — несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. И мне казалось, что никто из присутствующих даже и не испытывает потребности заговорить. До самого начала в зале стояла такая тишина, что, не пробыв сорок минут сам в этой тишине, я бы никогда не поверил, что могут молчать триста тесно сидящих рядом друг с другом людей. Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания».

В его книге приведены строки четырех поэтов, посвященных смерти Сталина. Авторы разные, а чувства и мысли схожи:

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду...

Так писал Александр Твардовский. Он был сыном раскулаченного и сосланного крестьянина.

Обливается сердце кровью...
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над Тобой.

Это скорбит Ольга Берггольц, которая была арестована в 1937 году «за контрреволюционную деятельность». А вот слова Михаила Исаковского:

И пусть в печали нас нельзя утешить,
Но он, Учитель, нас учил всегда:
Не падать духом, голову не вешать,
Какая б ни нагрянула беда.

И у Симонова примерно то же, что и у других:

Нет слов таких, чтоб ими передать
Всю нестерпимость боли и печали,
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин!

Как бы ни оценивать художественные достоинства подобных произведений (а было их немало), они писались не на заказ, не по конъюнктурным соображениям, не с чужих слов. Они были искренними.

Кстати можно припомнить, как сразу после окончания войны Анна Ахматова, выражая чувства и мысли многих миллионов советских людей, не ради наград, а во имя правды писала:

Пусть в мире этот день запомнится навеки,
Пусть будет вечности завещан этот час.
Легенда говорит о мудром человеке,
Что каждого из нас от страшной смерти спас.
Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости чистейшей нет преград, —
И древний Самарканд,
И Мурманск заполярный,
И дважды Сталиным спасенный Ленинград.

В этой оде не обошлось без преувеличений. Но верно отмечено, что имя стало легендарным, отчасти отделенным от конкретного человека. Однако в любом случае Сталин в глазах большинства советских людей олицетворял народовластие. И все признавали, как велики его заслуги как руководителя государства и Верховного главнокомандующего.

* * *

Никто не выгонял огромные толпы москвичей и приехавших из разных городов на последнее прощанье с телом Сталина, покоившимся в Колонном зале Дома союзов. Пытаясь остановить и организовать массы народа, власти лишь усугубили ситуацию. В разных местах началась давка, в которой пострадали, а то и погибли сотни людей.

(Личное воспоминание. Как студента МГРИ меня пропустили на Моховую. Занятий не было. Вместе с тремя отчаянными парнями я перебежал улицу Горького. Вслед за ними в каком-то дворе по пожарной лестнице забрался

на крышу дома. Снизу на нас кричали милиционеры. Мы пробежали по крышам, спустились во двор недалеко от входа в Колонный зал с Пушкинской улицы, смешались с толпой и прошли мимо гроба с телом вождя.)

19 марта 1953 года в передовой статье «Литературной газеты» ее главный редактор К. Симонов, помимо всего прочего, писал: «Самая важная, самая высокая задача, со всею настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов — бессмертного Сталина».

Эти слова показывают все еще сохранявшееся смятение и даже какую-то беспомощность автора. У литературы, конечно же, не может и не должно быть такой задачи. Она в лучшем случае должна стоять перед историками, да и то с уточнением: не величайшего гения вообще (выдающиеся люди проявляют себя в разных областях теории и практики), а величайшего государственного деятеля всех времен и народов.

Последнее утверждение не голословное. Мне довелось писать биографии 500 наиболее выдающихся людей за всю историю человечества, а позже достаточно подробные жизнеописания ста гениев. И в том, и в другом случае получалось при беспристрастном анализе, что из государственных деятелей по величию свершений некого сопоставить со Сталиным.

Так вот, за статью о Сталине Симонов подвергся жестокой критике со стороны Хрущева, секретаря ЦК, горячо и зло потребовавшего отстранить автора от руководства «Литературной газетой». Судя по всему, Никита Сергеевич, до того времени чрезмерно и подобострастно восхвалявший Сталина, резко перестроился. Но когда у него прошел первый приступ негодования, он понял, что еще не настало время раскрывать свои карты и претендовать на роль вождя. Свое распоряжение он отменил.

Сталинская эпоха завершилась, и уже выгодно было помалкивать о покойном вожде во избежание лишних неприятностей. В годовщину его смерти А. Твардовский, возглавлявший журнал «Новый мир», опубликовал в нем отрывки из своей поэмы «За далью даль». Там говорилось честно и правдиво:

...И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.
Тут ни убавить, ни прибавить —
Так это было на земле...
Ему, кто вел нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам.
Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

После смерти Сталина

Для Хрущева и немалого числа других партийных функционеров смерть Сталина была желанна. Эти люди испытали немалое облегчение. Авторитет и суровые моральные принципы Сталина довели над ними.

Что же происходило вскоре после смерти Сталина на высшей ступени власти? Об этом приходится судить главным образом по воспоминаниям не отличавшегося честностью Н. С. Хрущева:

«Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы решили немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался.

...Я подошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чем поговорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по-другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берией и все уже давно обсуждено».

Намек Никиты Сергеевича можно понять так: Маленков и Берия давно сговорились разделить власть между собой, и, стало быть, организовали заговор. Хотя из слов Маленкова ничего подобного не следует.

Далее Хрущев пишет: «Началось распределение портфелей. Сейчас же Берия предложил Маленкова назначить Председателем Совета Министров с освобождением от обязанностей секретаря ЦК. Маленков тут же предложил своим первым заместителем утвердить Берию и слить два министерства — госбезопасности и внутренних дел — в одно Министерство внутренних дел и назначить Берию министром...

Я молчал потому, что видел настроение всех остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили, что мы склочники, что мы дезорганизаторы, что мы еще при неостывшем трупе начинаем драку в партии».

«Меня, — продолжал Хрущев, — Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в Центральном Комитете. Провели и другие назначения...»

Между прочим, Хрущев был единственным, кто вошел сразу в два высших партийных органа: Президиум и

Секретариат ЦК КПСС. По существу, это было равноценно посту Генерального секретаря. Об этом он предпочел скромно умолчать.

* * *

Но можно ли считать Маленкова преемником Сталина, продолжателем его дел? Если и можно, то лишь отчасти. Как уже говорилось, у Сталина не могло быть преемника, соразмерного ему по знаниям, уму, работоспособности, беззаветной преданности идее.

Если бы Сталин прожил дольше, он, без сомнения, сумел бы подобрать «в команду» Маленкова сильных и волевых организаторов. Но скоропостижная смерть Сталина поставила Маленкова в очень трудное положение. В итоге все попытки Маленкова следовать сталинскому завету, выступая против всевластия партаппарата и пресекая коррупцию в среде номенклатурных работников, потерпели провал.

Глава 5

АНТИСТАЛИНИЗМ

Переворот

Что происходило с 1952 по 1955 год в руководстве СССР?

Главнейшие события:

- XIX съезд ВКП(б),
- возвышение Г. М. Маленкова,
- смерть Сталина,
- борьба за власть отдельных групп и личностей,
- казнь А. П. Берии,
- поражение Маленкова и победа Хрущева.

Последний принадлежал к числу тех честолюбцев, которых привлекала роль вождя народов и связанные с ней непомерные восхваления, а то и поклонение масс. Как показали последующие события, Хрущев и впрямь упивался властью (чем способствовал своему свержению).

В отличие от Хрущева, Маленков и Берия не отличались болезненным честолюбием. Оно характерно для тех, в ком развит комплекс неполноценности и затаенных обид. Подобному деятелю приходится ради карьеры унижаться, лицемерить, играть роль простачка, в душе накапливая злобу. Так было с Хрущевым.

Но дело даже не в нем, а в тех деятелях из числа партийно-государственной номенклатуры, которые пошли за ним, рассчитывая на жирный кусок государственного пирога. При Сталине им рассчитывать было не на что.

О привилегиях партийно-государственной номенклатуры в сталинское время могу с полной определенностью рассказать, ссылаясь на свой опыт. После Великой Отечественной войны я, школьник из подмосковного Монино, приезжая в столицу, заглядывал в гости (подгадывая на обед) в семью Н. М. Шверника, старого знакомого моего отца. Николай Михайлович занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Принимали они (жена Мария Федоровна и дочь Людмила) меня, как родного, непременно угощали.

Жили они в доме на Берсеневской набережной. Его называли Домом Правительства. Там обитали многие высшие номенклатурные работники страны. Во двор вход был свободным. В подъезде сидела консьержка. Ей надо было сказать, к кому идешь. Она справлялась по телефону и пропускала. На этаже дежурили двое в штатском. Квартира «президента страны» (по-нынешнему) состояла из трех просторных комнат. Убранство простое, без особых украшений. На казенной мебели — алюминиевые бирки с номерками. Помню, с большим удовольствием ел куриный бульон с пирожками, глодал куриную ножку, заедая картошкой, пил компот.

Конечно, мы дома ели скромнее (время было голодное), а жили вдвоем в небольшой комнатке, но я прекрасно понимал, что по своему положению в обществе Николай Михайлович по праву занимает хорошую квартиру и питается лучше нас.

Вот какие привилегии были у тех, кто стоял на высших ступенях власти в сталинском Советском Союзе. В те времена у немалого числа крупных ученых, военачальников или руководителей среднего звена бытовые условия были не хуже, а то и лучше, чем у Шверников. Кстати замечу: его жена оказывала помощь детским домам (в прес-

се об этом не писали), а дочь работала инженером-радиотехником, а позже стала кандидатом технических наук и налаживала в нашей стране цветное телевидение.

* * *

После смерти Сталина никто не мог предположить, что вскоре на его место (а по сумме должностей — даже на более высокое!) поднимется ничем особо не примечательный партийный функционер Н. С. Хрущев. Воцарение Хрущева явилось результатом крупнейшего общественного переворота, который до сих пор остается недопонятым и недооцененным.

Антисоветская пропаганда внушила множеству наивных «россиян», будто в СССР общественное было ничьим. Потому, мол, его не берегли, а то и разворовывали. Нет, не так обстояли дела. Были специальные органы и организации, призванные препятствовать расхищению всенародного добра и карать виновных в таких преступлениях. Сообщениям с мест, критическим материалам придавалось большое значение.

Многие из тысяч тех, кто пребывал в сталинскую эпоху в ГУЛАГе, были осуждены по экономическим статьям, а вовсе не за кражу «трех колосков» на поле. Совершивших хищения в особо крупных размерах приговаривали к высшей мере.

Все это, конечно, не нравилось тем, кто хотел пожить за счет общества. Значительное количество влиятельных партийных и государственных деятелей, в особенности на местах — в республиках, областях и городах, — с опаской, тревогой, а то и паникой восприняли ту часть доклада Маленкова на XIX партийном съезде, где говорилось о решительной и жестокой борьбе с развивающейся коррупцией.

Казалось бы, им следовало, прежде всего, «обезвредить» именно Георгия Максимилиановича. Ведь он не

только зачитывал и составлял доклад, но и вел кадровую политику, а также отчасти курировал органы внутренних дел, не говоря уж о том, что был заместителем Председателя Совета Министров СССР (Сталина). Не было сомнений, что инициатива реорганизации структуры власти с понижением статуса правящей партии принадлежала, хотя бы отчасти, ему.

Но ведь за ним стояла несокрушимая фигура вождя. Никто другой не обладал даже десятой долей его власти. Он был инициатором, вдохновителем и покровителем той внутренней политики, которую предлагал проводить Маленков. Чтобы радикально изменить такую политику, сначала следовало убраться Сталина.

На первый взгляд может показаться, что наилучший способ для этого — принять его отставку. Однако отставку Сталина советский народ счел бы происками своих врагов (и был бы прав). А это грозило гибелью для значительной части партийно-государственной номенклатуры. Им надо было всеми силами показывать свое полное согласие со сталинской генеральной линией. Вот почему в тот момент отстранить Сталина от руководства могла только смерть.

Сталин был поистине народный вождь. Он являлся гарантом *народной* демократии. Точно так же, как при капиталистической системе президент — гарант *буржуазной* демократии, власти олигархов.

Еще раз подчеркнем, что приход Хрущева к власти был не просто сменой одного лидера государства на другого, а являлся самым настоящим государственным переворотом. С народной демократией было покончено.

Хамелеон

Хрущева с полным основанием можно считать типичным и уродливым порождением партийной номенклатуры, а в некоторых проявлениях личности — антиподом Г.М. Маленкова.

Хрущев втайне люто ненавидел Сталина. Однако для него была наиболее целесообразной стратегия выжидания. Он имел возможность приглядывать за более крупными фигурами, участвовать в их беседах в роли мужиковатого простака, режущего «правду-матку», угождать каждому из них, не гнушаться доносами, вести двойную и тройную игру и ждать удобного момента для выхода на первый план.

Хрущев как великолепный приспособленец-хамелеон менялся и даже перерождался по мере продвижения по служебной лестнице. Обратим внимание на некоторые сведения и документы, достаточно красноречиво характеризующие его.

В свое время он восклицал: «Наша партия беспощадно сотрет с лица земли троцкистско-правую пададь... Это предупреждение всем врагам народа, всем тем, кто вздумает поднять руку на нашего Сталина». Через два десятилетия он сам посмел поднять руку на Сталина, но уже на мертвого.

Позже он признавался: «Близость к Сталину несомненно повлияла на мое быстрое продвижение вверх... Долгие годы я всей душой был предан Центральному Комитету и лично Сталину». И еще: «Я не только не ждал смерти Сталина, но и боялся этой смерти, боялся ее последствий в стране... У меня еще не было недоверия к Сталину».

Тут явно что-то не вяжется. Он писал вождю, жалуюсь на сокращение в Москве списков репрессированных, присылаемых им с Украины. Курировал органы госбезопасности. Почему же недоверие к Сталину проявилось только после смерти вождя, когда он, Хрущев, возглавил страну?

Из заявления Н.С. Хрущева об ошибочности его выступления (за укрупнение колхозов), опубликованного («Правда», март 1951 г.) и резко раскритикованного вождем:

«Дорогой товарищ Сталин!

Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью... подробно разобрать ее ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок, прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мою грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением.

Н. Хрущев».

Сталин простил Хрущева, поверив в его искренность. Но страх за карьеру, который испытал, как видно из письма, Никита Сергеевич, должен был вызвать в нем неприязнь к «вождю и учителю», которого он непомерно восхвалял. От лести и подобоострастия до ненависти один шаг...

* * *

Конечно, окончательная победа Хрущева в борьбе за власть определилась в результате сложного взаимодействия различных факторов, распределения сил (личных и групповых интересов) в руководстве страны и партии. Но за этими частностями видится главное: переход всей полноты власти над народными массами к новому, уже достаточно хорошо сформировавшемуся господствующему классу. Основу его составила партийная номенклатура, «выходцы из народа», типичнейшим представителем которых был Никита Сергеевич.

Возможно, он даже ясно не сознавал, что является представителем и слугой нового «класса», обладавшего всей полнотой власти и владевшего всем национальным

достоянием, которым имел возможность распоряжаться с выгодой для себя.

Благосостояние партийной и хозяйственной (торговой) «элиты» стало быстро расти. Она стала все более отдаляться от народа. Возникла так называемая «теневая экономика», основанная на спекуляции, организации «дефицита» (с целью наживы), расхищении государственных средств, злоупотреблении служебным положением.

Все более значительная часть номенклатурных работников и их родственников заражалась буржуазными идеалами. А «теневики» создавали все более мощный капиталистический сектор экономики, ориентированный на средства потребления. Все это вместе разрушало, растлевало, заражало изнутри советское общество.

Сыграло свою роль и то, что Хрущев опошил идею коммунизма, явно солгав, что такое общество будет построено в СССР в 1980-е годы (именно тогда, кстати, партиократией был совершен крутой поворот к капитализму!). Мало кто в это верил, и меньше всего те, кто повторял на разные лады глупейшую хрущевскую агитку.

Показательно, что Хрущев и некоторые его сторонники, вроде бы не стремившиеся прежде к роскоши, постарались обзавестись новыми резиденциями на Ленинских горах. Более того, в Сочи и в Крыму для Хрущева были возведены дворцы (его не устраивали сравнительно скромные сталинские дачи). И это, повторим, даже не столько из жажды особого комфорта, сколько в связи с веянием времени, как символические акции, подчеркивающие выход на передний план нового правящего класса. Для него наиболее близким стал лозунг Бухарина: «Обогащайтесь!»

* * *

Партаппарат подмял под себя государственную власть, тем самым избавившись от надзора над собой. Это наглядно показала победа Хрущева, сумевшего благодаря подчи-

нению органов госбезопасности партии «свалить» Маленкова. Приведем в этой связи малоизвестный факт.

В мае 1956 года помощник Маленкова Д.Н. Суханов был арестован Московским уголовным розыском. Его обвинили в том, что он, «используя служебное положение в период ареста Берии, совершил хищение облигаций Государственных займов на сумму 100 000 рублей, 8 штук часов различных систем». Во время следствия Суханов подал подробное заявление в Президиум ЦК о взаимоотношениях Г.М. Маленкова с А.П. Берией.

Несомненно, следователи взяли Суханова «в оборот», используя его положение с целью дискредитации Маленкова. Обвинение в близких, политически доверительных отношениях с врагом народа Берией было очень опасным, почти смертельным для Маленкова. Таким образом, Маленкову был нанесен сокрушительный удар, что и преследовала проведенная операция. Неслучайно по предложению Р.А. Руденко, Генерального прокурора СССР, и И.А. Серова, также очень близкого к Хрущеву председателя КГБ СССР, Суханову, получившему десять лет лишения свободы, в мае 1957 года, меньше чем через год, сократили срок наказания до двух лет.

Сухановские показания давали Хрущеву возможность уничтожить политически Маленкова, уже утратившего значительную долю власти после отставки с поста Председателя Совмина СССР в январе 1955 года.

Но Маленков еще не думал сдаваться. Решительные действия Хрущева и его явные претензии на единоличное лидерство вызвали серьезную озабоченность части руководителей партии и правительства, принадлежавших к «сталинской гвардии». Однако к этому времени Хрущев уже обзавелся сторонниками из новых партократов. И вообще, по-видимому, в этой среде возобладало стремление избавиться от того жесткого, а то и жестокого контроля, который существовал во времена Сталина. Настала пора воспользоваться своим привилегированным положением.

Не случайно надежным (хотя и не во всех ситуациях) сторонником Хрущева стал Булганин, не отличавшийся нравственной чистотой, но весьма склонный к «сладкой жизни». Именно он рассказал на июньском Пленуме ЦК в 1957 году об организации «антипартийной группы». Он каялся в том, что поначалу поддался было на уговоры:

«Булганин. Как дело было? Возглавляла все «тройка» — Маленков, Молотов, Каганович. Каковы были роли? Главная организаторская роль принадлежала Маленкову... Он бежал из кабинета в кабинет и не давал никому покоя.

Первухин. Это совершенно правильно...

Булганин. Каганович, следующий за ним, делал то же самое, менее активно, но более увесисто... В секретари должны были ввести Маленкова и Кагановича».

А вот что сообщил на том же пленуме Л.И. Брежнев (из стенограммы выступления):

«Я вышел из зала и решил связаться с тов. Жуковым... Приехал тов. Жуков. Я ему рассказал до входа в зал, что группа требует созыва Президиума, что есть какой-то каверзный вопрос, который они требуют обсудить. Тов. Жуков тут же рассказал мне, что его утром в этот день вызвал к себе Маленков и вел с ним заискивающий и сомнительный разговор о том, что ему время быть членом Президиума ЦК, что нам надо поговорить о руководстве партии и т.д. В свою очередь я тов. Жукову сказал, что это Маленков прощупывал Вас, на чьей стороне Вы можете быть. Я ему говорю, на какой стороне, на их стороне или нет? И в зависимости от этого будет решение. Мы сговорились стоять насмерть».

Крупный воинский политработник Брежнев, как видим, сумел привлечь на свою сторону маршала Жукова. Трудно точно сказать, что заставило последнего принять сторону Хрущева, да еще так безоглядно. Не исключено, что он опасался ответственности за участие в уничтожении Берии. Во всяком случае, Жукова смогли убедить в том, что группа Молотова — Маленкова — Кагановича уг-

рожает ему какими-то репрессиями. На них намекнул «хрущевец», член Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов, выступая на июньском Пленуме 1957 года с обвинениями в адрес антипартийной группы. Он заявил, что «затем дело дошло и до тов. Жукова, они учинили бы с ним расправу, если бы члены ЦК не предотвратили этот позорный акт».

«Хрущевцы», в том числе и Козлов, совершили «этот позорный акт» над Жуковым всего через 4 месяца после того, как Козловым были сказаны эти слова. А еще через шесть лет тот же «позорный акт» был совершен Хрущевым и над самим Козловым. Таковы были методы «дорогого Никиты Сергеевича» (напомним, так назывался прославляющий его кинофильм) в борьбе за власть... Нет, не только личную, а прежде всего — партийной номенклатуры. Он стал исполнителем ее воли и устремлений.

Торжество партократии

Интересно, что в борьбе со «сталинской гвардией» «хрущевцы» стали обвинять ее в тех преступлениях, которые еще недавно приписывались только Иосифу Виссарионовичу. На это обратил внимание, в частности, А. В. Пыжиков:

«...Пленум можно охарактеризовать как существенный шаг назад в оценке культа личности Сталина по отношению к XX съезду партии. В ходе его работы предприняты последовательные попытки отделить фигуру Сталина от массовых репрессий 30-х — начала 50-х годов.

Показательно в этом плане выступление Г. К. Жукова — одно из первых на пленуме, задавшее тон всему последующему обсуждению. Приведя основательный фактический материал по репрессивным делам, Жуков заявил, что главными виновниками арестов и расстрелов партийных, советских и военных кадров были Маленков, Молотов, Каганович. В отношении же причастности самого Сталина к вопиющим преступлениям он давал следующие по-

яснения: «Тут Сталин ни при чем», «Это уже было без влияния Сталина», «Тут, товарищи, нельзя сослаться на Сталина или на какую-то тройку». Подобная тональность прослеживалась у многих выступавших на пленуме. Так, например, Малин (зав. общим отделом ЦК КПСС) говорил: «...все сейчас сваливается на Сталина. Нет, Каганович, Молотов — они повинны за это!»

Постыдны лицемерие и цинизм партийной верхушки: имя Сталина, которое Хрущев, ее лидер, недавно проклял, при необходимости эти же люди использовали как орудие против «антипартийной группы».

Никакой «реабилитации» Сталина подобная политическая интрига, конечно же, не предусматривала. Возможно, Г. К. Жуков, которого так ловко использовал Хрущев, предполагал, что имя Сталина вновь станет идеологическим оружием, укрепляющим патриотизм, единство армии и народа, символом былых побед и достижений. Последующие события — вынос тела Сталина из Мавзолея и тайное захоронение, переименование Сталинграда — ясно показали, что новый правящий класс боится этого славного имени, избирает иную политическую линию: на «коммунизм» для отдельно взятых социальных групп, обеспечивших свое господство над народом.

* * *

Торжеством партократии можно с полным основанием называть тот период, который начался с воцарением Хрущева. Его легкое свержение показало, что он являлся марионеткой — хотя и не всегда управляемой — в руках новой правящей элиты. Когда поведение Первого секретаря стало непредсказуемым и чересчур своевольным, его убрали «без шума и пыли». То, что Хрущев уцелел, показывает не столько либерализм и гуманность его противников, сколько незначительность его фигуры, никто не опасался его возвращения во власть или разоблачительных

выступлений. Пожалуй, Никита Сергеевич так и не понял, что был выдвинут партократией, исполнял ее волю и был сброшен ею же за ненадобностью.

Наступило время партократии — время деградации социалистической системы хозяйства и коммунистической идеологии. Попытку остановить этот процесс предпринял Ю.В. Андропов, но подозрительно быстро ушел в небытие.

Из этой среды партократов и вышли «капиталистические перерожденцы» Горбачев и Ельцин. Они, в сущности, были столь же несамостоятельными, как Хрущев, хотя управляли ими не только номенклатурные партаппаратчики, но и зарубежные «хозяева». В результате рухнул СССР.

Торжество партократии — нового своеобразного эксплуататорского класса — означало подавление народа и оболванивание значительной части населения с помощью психотехнологий и использования электронных средств массовой пропаганды. Расстрел ельцинистами Верховного Совета показал, что наступила эпоха диктатуры переродившейся партократии.

Но почему так произошло? После тяжелейших испытаний, преодолев все трудности и опасности, построив целой колоссальной напряженности сил и немалых жертв великую державу, наш народ в благоприятных для жизни, труда и творчества условиях, без войны ее утратил. Как такое возможно? И что сулит будущее?

Об этом мне хотелось бы поговорить в заключительной части своей книги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История как идеологическое оружие

С крушением СССР и коммунистической идеологии у нас произошло нечто печальное и опасное: началось тотальное опошление истории культуры, цивилизаций, природы. Делается это под видом «нового мышления» и популяризации знаний.

Вульгарные идеи преподносятся многомиллионной аудитории, в сопровождении кино- и фотоиллюстраций, со ссылками на документы, порой извлеченными из секретных архивов, с высказываниями свидетелей. Создается полная иллюзия достоверности. Только специалист способен заметить, что преподносится выборка, замалчиваются важнейшие сведения, порой показывают фальшивки, а выводы не соответствуют фактам.

Для чего это делается, ради каких целей и в чьих интересах? Ответ в условиях капиталистической, буржуазной коррумпированной России не представляет труда: в интересах имущих власть и капиталы.

Ради каких целей? Естественно, для того, чтобы данные группы, кланы, социальные прослойки укрепляли свою власть и увеличивали капиталы.

Можно возразить: но ведь данный контингент заинтересован в том, чтобы сохранялась, укреплялась Россия. «Туземцы» воспринимают свое положение спокойно. Почему бы не позаботиться об их благосостоянии?

Разве собственник заинтересован, чтобы его «дойная корова» худела, чахла и могла отбросить копыта? О тех,

кого эксплуатируешь, следует хотя бы немного заботиться. На это и рассчитывали те «россияне», которые голосовали за капитализм, передачу национальных богатств в частные руки. Они готовы были служить хозяевам, надеясь получить от них больше благ, чем предоставляла им социалистическая «командно-административная» система.

На деле вышло иначе (о чем нетрудно было догадаться заранее, если бы массам не «промывали мозги»). Ловкие хозяева позаботились о том, чтобы в одночасье стать миллионерами и миллиардерами. За счет кого? За счет, естественно, народа. Появились массы безработных или месяцами не получающих зарплату, бомжи, нищие, беспризорные дети, самоубийцы в невиданных нигде и никогда масштабах, а народ стал вымирать.

Так почему же эксплуататоры ведут себя столь непродуманно? Почему они не боятся народного гнева, забастовок, бунтов, новой революции? Разве они не чувствуют, что пилят сук, на котором сидят, режут курицу, несущую золотые яйца, уничтожают собственную дойную корову?!

А чего бы им бояться, если люди, утратив чувство собственного достоинства, предпочитают деградировать и вымирать, но не восставать против несправедливости, ради будущего своих детей и внуков, ради спасения Отечества? Впрочем, и восставать-то не надо. Установлена буржуазная демократия. Значит, достаточно на выборах проголосовать против губительного для русского народа режима.

Например, были недовольны Ельциным. Почему бы не «прокатить» его на выборах, как это сделали белорусы с его сообщником Шушкевичем? Нет, избрали Ельцина президентом второй раз даже после того, как по его приказу расстреляли Верховный Совет и убили несколько сот граждан. Он в очередной раз обманул ожидания избирателей, вызвал общее недовольство... На следующих выборах избрали того, кого он назначил своим преемником.

Подавляющее число граждан возмущены обокравшими их Гайдарами, Чубайсами, Абрамовичами и пр. А в ре-

зультате голосуют за партию власти и за тех президентов, при которых продолжается «гайдарономика» и на высших должностях находятся нелюбимые, а то и ненавистные деятели.

В книге С. Г. Кара-Мурзы «Потерянный разум» подзаголовок: «Утрата здравого смысла. Утрата логики. Утрата меры». На огромном количестве примеров он показал, как чудовищно умственно деградировали современные интеллектуалы, которых удалось обмануть с помощью нехитрых приемов западной агитации и пропаганды. Им внушили веру в несусветные блага капитализма — открытого общества, правового государства, священной частной собственности — и неисправимые пороки социалистического закрытого бесправного общества. Это удалось сделать легко и просто, прежде всего, потому, что эти люди имели одинаково скудные представления и о западном, и о советском обществе (наиболее яркий пример — академик А.Д. Сахаров), а также об истории Отечества и цивилизации.

Здравый смысл и логику люди забывают обычно тогда, когда им это выгодно. Ибо их утрату нетрудно при желании восполнить: достаточно оглядеться вокруг, поразмыслить, почитать книги умных и честных авторов. Было бы только желание понять, обдумать всерьез.

Потеря совести, сострадания, чувства взаимопомощи и справедливости — безнадежна. Подавив в себе эти чувства, люди совершают любые самые скверные, мерзкие поступки, презренные и проклятые с давних пор: предательство, измену воинской присяге, обман, казнокрадство, ложь... Послушный эмоциям рассудок подыщет им оправдание. Такова структура человеческой психики.

* * *

В том-то и беда, что не утратили «враги народа» (назовем так тех, кто исполнен нечистого буржуазного духа личной выгоды, алчности, лжи, изворотливости, стрем-

ления получать максимум денег за минимум работы) ни рассудка, ни здравого смысла, ни логики. Они быстро нашли оправдание своему предательству. Оно основывается на «обновленном» освещении истории России в XX веке. В кратком изложении эта версия такова.

Российская империя при Николае II была процветающим государством. Ленин на германские деньги осуществил революцию, развязал Гражданскую войну, выдворил из страны всех носителей высокой культуры, устроил геноцид русского народа. Подлинными героями и патриотами России были белогвардейцы, а носителями культуры — эмигранты. Тех и других надо прославлять.

Сталин продолжил черное дело Ленина: скрыл от народа его завещание; убил своего лучшего друга Кирова, установил режим массового террора; расстреливал или загонял в лагеря миллионы ни в чем не повинных людей; на костях рабов воздвиг «стройки коммунизма», а благодаря штрафным батальонам и заградотрядам победил фашистов; по злобе и коварству репрессировал целые народы (чеченцев, крымских татар и пр.), не успев сделать то же с евреями.

Подлинными патриотами были генерал Власов, бандеровцы и все выступавшие против русских оккупантов и сталинщины.

Только Хрущев осмелился проклясть «вождя народов» и провести демократические преобразования. Но ему не дали развернуться, Брежнев и прочие довели страну до полного кризиса, особенно страшного — колбасного, и только горбачевская перестройка и ельцинские рыночные реформы ввели государство Российское в сообщество процветающих капиталистических держав...

Короче говоря, коммунисты — изверги, Ленин и Сталин — величайшие злодеи всех времен и народов. Они создали империю зла — Советскую Россию, СССР.

Вывод очевиден: такую страну необходимо было разрушить до основания. Ленину, Сталину и их сообщникам — проклятье во веки веков.

Русский народ, пособник этих злодеев, должен всемирно покаяться. Надо воспитать новых русских, свободных от 70-летнего гнусного советского прошлого и приобщенных к западной цивилизации...

* * *

Логично, не правда ли? Не всякий сможет установить, что эта «духовная пища» обильно сдобрена ложью, клеветой, подлогами. Но те, кого такая омерзительная стряпня устраивает, поглощают ее без сомнений и с упоением. В отличие от физических нечистот интеллектуальные — как деньги в известном ответе Веспасиана сыну — не пахнут.

При советской власти многие историки, называвшие себя марксистами, старались изображать историю царской России в мрачных красках. Понять это можно: требовалось оправдать свержение царизма и укреплять доверие к советской власти. Только во второй половине 1930-х годов, когда Сталин стал диктатором, положение постепенно стало меняться: он понимал, что патриотизм предполагает любовь к Отечеству, а не только к существующему государственному устройству.

По настоянию Сталина была запрещена (вот он, тоталитарный режим!) пьеса «Богатыри» Демьяна Бедного (бедный, гонимый Демьян!), которую поставил театр А. Я. Таирова (Корнблита). 14 ноября 1936 года вышло постановление Комитета по делам искусств о снятии пьесы. За что? В частности, «за глумление над крещением Руси».

Кстати, еще раньше в ответ на жалобу того же Демьяна на то, что его критиковали в ЦК ВКП(б), Сталин напомнил ему: «Вы... стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что... "лень" и стремление "сидеть на печке" является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и — русских рабочих, которые не перестали быть русскими».

Нет, не случайно русский народ восславил Сталина как своего вождя — не только государственного, но и духовного лидера. Он был подлинным русским патриотом, и, к сожалению, из тех, кто после него руководил нашей страной, не было никого, кто был бы в этом похож на него.

Проникновенно сказано замечательным русским философом, вынужденным эмигрантом Сергеем Николаевичем Булгаковым:

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Такими же таинственными и неисследованными связями, которыми соединяется она через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божьим творением. Человек существует в человечестве и природе... Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий...»

Не следует искажать и упрощать смысл последней фразы: мол, атеистическая советская власть боролась с религией, а потому не позволяла человеку узнавать в себе образ Божий. Такое толкование слишком убого. Ведь все дело в том, во что человек верит, как он живет, как относится к ближним и дальним, к Родине.

Не в отмаливании грехов своих, не в стоянии со свечкой, не в поклонении иконам, не в исполнении церковных обрядов и правил заключается твердыня веры. Она — в душе человека и его поступках. Иисус Христос учил распознавать лжепророков: «По делам их узнаете их»...

Культ и личность

Все мы были свидетелями того, как СМИ с невероятным упорством внедряли в сознание «россиян» культ президента В. В. Путина. Можно было подумать, что он —

спаситель и надежда России, а без его гениального руководства страна пойдет не тем путем и низвергнется в пропасть.

Для немалого числа новоявленных господ такая перспектива опасна: может рухнуть власть олигархов. А потому во имя стабильности на грани вымирания русского народа осуществлялся культ личности бывшего подполковника КГБ и помощника А. А. Собчака. Вроде бы такая российская традиция. Не может народ без культа верховного правителя. То был царь, то стали Ленин и Сталин, а затем последовали Хрущев, Брежнев, не говоря уже о Горбачеве и Ельцине.

Положим, когда была монархия — понятно, система такая. Только вот русский народ почему-то не сильно горевал, когда царь отрекся от престола. И не признал власть буржуазного Временного правительства. Ленин спас Россию от распада и основал невиданную в мире общественную систему. Сталин заслужил всемирную славу, ибо руководил страной в труднейшие годы, в труде и в боях, превратив ее в сверхдержаву.

А вот культ Хрущева, как ни раздували его продажные деятели СМИ и политиканы, лопнул, оставив смрадный след. Русский народ не польстился на эту тухленькую приманку-обманку. Скользкие пройдохи «шестидесятники», детки хрущевской слякоти (она последовала за маленковской оттепелью), впустили свою струю в это надувательство.

Ситуация изменилась в период «перестройки» и «реформ». Мощным напором СМИ при поддержке США и буйной поросли предателей СССР, возвращенных на густо унавоженной ложью солженицыных интеллектуальной среде, удалось внедрить в сознание миллионов граждан, еще недавно бывших советскими, презрение и ненависть к социалистической Родине, идеалам коммунизма. Появились словечки «комуняки», «совки»...

Извращение истории началось с выдающихся личностей. Этот процесс протекает у нас и на Западе в русле общего опошления культуры, отрешения от высоких духовных ценностей и самобытности наций.

Одной из первых «ласточек» такого полета была книжка писателя и поэта В. Солоухина «При свете дня» (М., 1992). В ней — то беспросветный мрак, то сумерки (по Велемиру Хлебникову — «умерки дня»). Деликатную, но уничтожающую критику этой поделки дал хорошо знавший Солоухина В. В. Кожин в книге «Россия. Век XX (1901—1939)». Он не сдержал своего недоумения: «Что же касается "информации", предлагаемой в книге "При свете дня", остается только руками развести — откуда такое берется?!»

Подобные «историки» пишут о десятках миллионов жертв ленинского и столько же — сталинского террора. Кроме непомерного преувеличения числа погибших или погубленных, удручает опошление исторического процесса. Кожин тщательно поясняет: «Необходимо иметь в виду всеохватывающий и всеокрушающий «ураган» революции, а не «агрессивную психику» Ленина или кого-либо еще».

В 1995 году вышла статья кандидата исторических наук Соколова с уничтожающим заглавием: «Ленин — палач русского народа и обычный педераст». Данный специалист с упоением углубился в специфическую тему, упоминая о «марксистской попочке»...

Самый настоящий, да еще безмерно утрированный, исполненный злобы культ личности!

* * *

Суть идеологии буржуазной демократии верно раскрыл Сергей Кара-Мурза: «В какой свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождения от человечности,

разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко антихристианское, несмотря на его внешнюю набожность».

Какая свобода имеется в виду, для кого и с какими целями? Надо отличать свободу паразита от свободы трудящегося, свободу подлеца и лжеца от свободы искателя истины, свободу подонка от свободы личности. Права человека? Кто имеется в виду? Если иному индивиду предоставить свободу, будут поправлены права других людей, а то и всего народа.

Вот и так называемый культ личности следует различать. Об этом несколько лет назад написал мне из Кельна русский советский патриот Александр Тринкер (немец по национальности, вынужденный с семьей покинуть расчлененную Родину, не имея возможности работать по специальности). Привожу фрагмент его письма — сокращенный и частично отредактированный:

«Возникает "культ личности" благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, стараниями придворных жополизов. Во-вторых, благодаря величию личности и его дел.

Сегодня по всем программам ТВ почти непрерывно, как кинозвезду, показывают В. Путина. Никого из глав государств не показывают так часто и так долго! Разве не противно ему самому каждый день видеть тысячи своих изображений в телевизоре, в газетах, журналах, книгах? Чем он это заслужил? Вот пример культа первого рода.

Сталин заслужил славу своими победами! Вот что надо знать. Это пример культа второго рода.

В книге «Государь» Николо Макиавелли (1469—1527) верно сказано: «Государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы». Или такое суждение: «Никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо на-

емники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы... Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут».

Макиавелли утверждал: «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо, от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица».

И еще: «Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если эти люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он сумел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников (В.В. Путин — грефов, кудриных, фрадковых, чубайсов, зурабовых, жириновских... — А.Т.). Умы бывают трех родов: один все постигает сам (Выдающийся), другой может понять то, что постиг первый (значительный), третий — сам ничего не постигает и постигнутого другими понять не может (негодный)». Разве не ясно, куда относить умишки Горбачева, Ельцина, Путина?».

«История нас рассудит»

Такую фразу любили повторять деятели, вынужденные сойти с исторической арены. Да, суд истории суров, беспощаден и отмене не подлежит. Хотя следует отделять ход исторического процесса и его результаты от того, как это преподносят историки.

Теперь многие, называющие себя историками, не говоря уже о журналистах и политиках, вершат суд над историей.

Честные и квалифицированные специалисты стремятся осознать прошлое. Однако их работы издаются небольшими тиражами, создавая видимость свободы слова. За последние десятилетия подлинно массовыми являются только электронные СМИ. Их важнейшая роль для имущих капиталов и власти — использование психотехнологий для духовного закабаления народа, внедрения в сознание миллионов дезинформации.

Это не означает, будто СМИ постоянно изливают грязную ложь. На то и психотехнологии, чтобы в необходимых дозах предоставлять правду, приправляя ее дозами интеллектуальных нечистот. Создается информационный шум с помощью постоянных рекламных и музыкальных перебивок. В мелко раздробленных новостях важные сведения теряются в пустяках. Бьют по нервам материалы о катастрофах, убийствах. Главное — не давать возможности задуматься, сопоставить факты, сделать самостоятельные выводы.

Простейший и безотказный прием — повторять как бы между прочим, как само собой разумеющееся определенное утверждение. Или сослаться на какой-либо авторитет. Тогда в сознании людей имена Иван Грозный или Сталин тотчас порождают внедренный штамп: «тиран и коварный злодей», тридцать седьмой год — «массовые репрессии», Советский Союз — «тоталитарное государство», ГУЛАГ — «система концлагерей для инакомыслящих», советский человек — «тупой совок», русский — «оккупант», а теперь еще и «фашист»...

Эти подлые определения от постоянных повторений внедряются в подсознание как неоспоримые истины. Надо лишь действовать напористо и нагло. Ссылаться на слухи, воспользоваться единичными и ничего по сути дела не до-

казывающими фактами, фальсифицировать некоторые материалы, не гнушаться клеветой.

Так, говоря о репрессиях, называют несусветные цифры в десятки миллионов. Утверждают, будто Сталин был параноиком, а его соратники, тупицами и трусами, беспробудными пьяницами. Напекают, будто в ГУЛАГе находились лишь невинные жертвы режима и политзаключенные...

* * *

Не стану продолжать. Всю эту ложь и клевету много раз буквально убийственно критиковали В. Кожинов, С. Кара-Мурза, В. Бушин и немало других знающих и честных людей. Разве что-нибудь от этого изменилось? Грязную ложь на Советский Союз, советский народ, Сталина продолжают изливать отечественные СМИ изобильно и непрерывно. А чистая правда поступает ничтожными порциями, обычно попадая к тем людям, которые и без того ее знают или о ней догадываются.

Почему требуется исказить именно историю? Потому что представления о прошлом формируют картину настоящего.

Вот, например, в интервью по ТВ 9 июня 2001 года Солженицын с возмущением признал, что Ельцин, Гайдар и Чубайс ограбили народ. Затем обмолвился: а в советское время расстреливали миллионы людей. Лукавый прием: подумайте, что для вас лучше, быть ограбленным или убитым? Но известно, что с 1921 по 1953 год у нас было расстреляно около 600 тыс. человек. Среди них были, в частности, военные преступники.

Какое впечатление сложится у вас о человеке, про которого будут рассказывать только одно плохое, преувеличивая его недостатки, смакуя ошибки, выдумывая пороки, сообщая сомнительные сведения как достоверные. Естественно, самое негативное.

Великая балерина Галина Уланова незадолго до смерти призналась, что даже не подозревала, в каком ужасном обществе жила при Сталине. Другая великая балерина Майя Плисецкая утверждала, что ее третировала советская власть, как бы позабыв, что еще в 1959 году она стала народной артисткой СССР, а в 1985 году была удостоена почетного звания Героя Социалистического Труда.

(Кстати, лишь одну эту награду носил Сталин, которого выставляют маниакальным честолюбцем. Он возражал против присвоения ему звания Героя Советского Союза, ссылаясь на то, что не совершал геройского подвига. Но разве не беспримерным его подвигом в эти годы было руководство не только действующей армией, но и тылом, партизанским движением и разведкой, внешней и внутренней политикой страны?!)

Принадлежность к семье бывших узников ГУЛАГа или к «репрессированным народам» стала за последние 20 лет преподноситься как печать избранности. И никто не пояснит, а за что выслали представителей некоторых национальностей? Сколько в действительности их погибло из-за, как говорят, невыносимых условий? И почему они не вымерли, как ныне вымирает русский народ? А разве в ГУЛАГе пребывали одни невинные? Я, например, был знаком с десятком «лагерников», и никто из них не был без вины виноватым. Конечно, были исключения, но только не в массовых масштабах.

* * *

Слишком легко, просто и комфортно быть гуманистом, борцом за права человека и критиком тоталитарного режима, находясь на службе у богатых и властных. При этом напрочь отбрасывается исторический метод, предполагающий предельно точное воссоздание обстановки того или иного периода и стремление исходить из нее, как бы переносясь в ту пору.

Еще в 1915 году поэт-философ Максимилиан Волошин писал:

Ложь заволакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.
И гниlostной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.

Можно возразить: а разве советская пропаганда не искажала историю? Да, искажала. Вопрос лишь в том, до какой степени и в каких целях.

Например, Кожинov справедливо возмущался словами Сталина, выступавшего в феврале 1931 года на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били...» Тут Вадим Валерьянович сделал пропуск. Запомним это обстоятельство. И учтем, что там же у Сталина высказана еще более возмутительная мысль: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества».

Вот вам и русский великодержавный шовинист (так его порой клеймил В. И. Ленин), вот вам и руководитель Великой России — СССР!

Правда, надо бы учесть обстановку того времени, цель доклада и прочесть высказывание вождя без пропусков. Он объясняет, в частности, почему не может последовать совету Ленина не торопиться.

«Иногда спрашивают, — говорил Сталин, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и кре-

ствиями СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...»

Общий посыл — убедить слушателей в необходимости мобилизовать все ресурсы для индустриализации страны. Использованы не только риторические, но и демагогические приемы. Не упомянуто, например, что русские били и монгольских ханов, и турецких беев, и шведских феодалов, и польско-литовских панов... Правда, поражения в Крымской и Японской войнах остались безответными. Казалось бы, только о них бы и следовало говорить. Тут явное желание очернить всю историю страны.

Сталин сделал оговорку: «между прочим». Можно это понять как намек на то, что о наших победах не будет сказано. Он ведь не сослался на разгром французской армии в Отечественной войне 1812 года. Но все-таки оговорка не может затушевать явно несправедливое — «непрерывно били». Зачем это сделано? Ради унижения старой России? Да. Но с тем, чтобы подчеркнуть, пусть и в утрированном виде, ее отсталость. Это, по его мнению, должно вдохновить слушателей на строительство новой индустриальной России.

Он продолжил: «Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты

обильная» — стало быть, можно на твой счет пожить-ся. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная», стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать».

Он всеми средствами стремился доказать главную мысль своего доклада. Его может оправдать лишь то, что он делал не научный доклад, а политический, и алгал или, точнее, не говорил всю правду ради укрепления СССР, новой Великой России.

С той же целью он высказал сомнительную мысль о том, что «у нас не было и не могло быть отечества». Если понимать отечество в привычном для нас значении «Родина», «место рождения», то получается нелепость. Родина есть у каждого, кто рожден, и отрицать это глупо.

Значит, он имел в виду другой смысл этого слова: «государство, в отношении к подданным своим» (так пояснено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля). И он пояснил: «Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость?..

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Так поставлена проблема. Прав Сталин? Да, прав. Через десять лет началась Великая Отечественная война. Успели мы до этого срока провести индустриализацию? Да, почти успели. И только поэтому победили в войне, где решали все техника, общее состояние страны и духовная мощь народа.

Вот характерное признание В. И. Вернадского, убежденного индивидуалиста и поборника прав личности, свидетеля двух мировых войн и революций. Сравнивая Первую мировую с Отечественной, он сделал вывод: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерами и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

Правда Сталина заключалась в том, что к трудящимся прежней России государство и руководство не относились по-отечески. Выражение «царь-батюшка» звучало аллегорически. Какой это батюшка, если его надо почитать как наместника Бога на земле? Если ему надо кланяться в ноги? Если к нему нельзя обратиться, как к отцу родному?

В этом отношении новый «Хозяин», безусловно, значительно больше походил на отца. Государственная власть при Сталине относилась к трудящимся по-отечески, товарищески, а не свысока, по-барски или с показной «демократической» простотой.

Сталин был прав даже тогда, когда говорил не полную правду. Потому что он не только говорил, но и действовал. Не ради себя — ради Великой России, советского народа, русской и, шире, советской многонациональной культуры. Он поднял страну на трудовой подвиг. Он не дал врагам смять нас.

Такова правда истории. Она рассудила именно так, а не иначе. Вот какое отношение к Отечеству завещал Иосиф Виссарионович не на словах, а на деле.

Тоталитаризм

Утверждение об исторической правде деяний Сталина может показаться чудовищной попыткой оправдать создание тоталитарного государства, подавляющего свободу личности и попирающего права человека.

Учтем одно важное обстоятельство. Государственные режимы, если они устойчивы (Сталин 30 лет находился на вершине власти), складываются под воздействием многих объективных факторов и отражают, прежде всего, характер народа, а не личные качества вождя.

Советское государство было тоталитарным. Это понятие, согласно словарю иностранных слов, означает политический строй, при котором власть сосредоточена в руках какой-либо одной партии (группы), уничтожившей демократические свободы и возможность возникновения оппозиции, полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть насилием, террором, духовным порабощением народа. Над всеми сферами жизни общества осуществляется полный контроль со стороны государственной власти.

Однако политический строй еще не тождественен общественному устройству. Да, господство единственной партии означает тоталитарность режима. Но разве обязательно при этом осуществляется экономическое и духовное порабощение народа в пользу каких-либо привилегированных групп?

Например, в США многопартийность — это чистая демагогия, а не демократия. Реально борьба за власть идет только между двумя партиями. Обе они являются двумя крылами правящей в стране буржуазной элиты. В руках или под контролем этих олигархов находятся практически все финансы и СМИ.

Гражданам внушают, будто у них есть выбор. Но реальное пространство политического выбора предельно узкое: две параллельные дорожки с незначительными различиями. Обман примитивен, давно разоблачен, но действует безотказно. За иллюзию выбора граждане платят колоссальные деньги. А результат предсказуем: победит партия, осуществляющая тоталитарную буржуазную демократию. Точно такой режим установлен в нынешней РФ.

В XX веке сформировались три типа тоталитарных обществ: тоталитарная буржуазная демократия капиталистического типа (США, Великобритания и т. п.); тоталитарная народная демократия социалистического типа (СССР, КНР и др.); тоталитарная военизированная фашистская демократия национал-социалистического типа по названию и национал-капиталистическая по сути (фашистские Италия, Германия, Япония и пр.).

Увы, даже в теоретических трудах отсутствует подобное четкое разделение, отражающее характерные черты общественного устройства. А политизированные идеологи постарались предельно запутать проблему. Теперь даже у нас господство частного капитала стали называть торжеством подлинной свободы и демократии. Хотя на примере развала СССР совершенно очевидно, какое это несчастье для народа и его культуры.

Тоталитарная буржуазная демократия наиболее близка к фашизму. Она разрушительна для духовной культуры и человеческой личности. Об этом в 1923 году писал Николай Бердяев:

«В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к их духовному уровню. Эта идея хотела бы отвлечь внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления... Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину».

Его мысль полностью подтвердилась. Цивилизация, где главенствует принцип выгоды, подавляет культуру, техника определяет развитие науки, материальные ценности безраздельно господствуют над духовными.

Буржуазная демократия тоталитарна и агрессивна (подобно фашистской диктатуре), ибо ориентирована на постоянное увеличение материальных потребностей, которые не может удовлетворить, используя собственные ресурсы. Сталин отказался от идеи мировой коммунистической революции. США и их союзники во второй половине XX века стали негласно осуществлять мировую капиталистическую революцию, бросив огромные средства на развал социалистической системы, на расчленение СССР, Чехословакии, Югославии.

Сталин окружил СССР дружескими странами народной демократии, создав единое экономическое пространство. При этом «старший брат» не эксплуатировал более слабые государства, а осуществлял взаимовыгодное сотрудничество нередко в убыток себе.

США тоже помогали странам Западной Европы. Но при совершенно других условиях. Они нажились на войне и предварительно ограбили эти страны, бросив колоссальные средства на подавление коммунистических идей и развязав информационную войну.

Тоталитарная буржуазная демократия в наибольшей степени, так же как фашистская диктатура, соответствует техносфере. Она механична в своей основе. Некоторые ее защитники и пропагандисты утверждают, будто она представляет собой «открытое общество». Но все как раз наоборот. Никогда еще не было столь закрытого для высоких идеалов общественного устройства, где разобщение людей так велико, а их духовный мир столь убог.

Что произошло в России при установлении тоталитарной буржуазной демократии, «открытого общества»? Металлические двери, огромные глухие заборы, строго охраняемые виллы, многочисленные охранники и камеры видеонаблюдения повсюду, заказные убийства.

А еще — пронизывающие всю государственную систему метастазы коррупции, у людей страх быть уволенным, «черный нал» и тройная бухгалтерия... Открытыми

для расхищения оказались национальные богатства, открыт их вывоз за рубеж, открыты для врагов многие государственные тайны, открыта утечка в другие страны отечественных специалистов, открыта безудержная кампания лжи и клеветы на Советский Союз, советских вождей, советского народа.

Это и есть реальное, а не рекламное «открытое общество». Многих у нас оно устраивает. Это — правящая элита и их обслуга, «новые русские», ловкие дельцы, приспособленцы и ненасытные потребленцы. Таковы мутанты, возникшие под воздействием интенсивного облучения западной пропагандой. Это и есть торжество буржуазной демократии. Она губительна для настоящих русских людей — открытых миру и друг другу, товарищей.

Свидетельствую как очевидец: даже в суровые, порой трагические сталинские времена не было у нас такого духовного и экономического тоталитаризма, такого упадка культуры, такого массового снижения интеллектуального и нравственного уровня, такой деградации личности, как за последние 20 лет. Победа буржуазной идеологии обернулась потерей русской национальной идеи, в основе которой — любовь к Родине, и утратой Отечества как страны для народа, а не для «избранных», не достойных ничего, кроме презрения.

* * *

Есть очевидные критерии, по которым можно судить о состоянии общества и его будущем.

Расцветает в стране культура? Растет благосостояние народа? Сокращается смертность, число самоубийств, преступность? Растет численность населения? Увеличивается продолжительность жизни? Справедливо распределяются национальные богатства? Обеспечено достойное будущее народу, поднимается его интеллектуальный, нравственный, эстетический уровень?

Если ответы на эти вопросы положительные, значит, общественная система действительно народно-демократическая, достойная свободного человека. Если ответы отрицательны, значит, общество нездоровое, уродливое, подавляющее человека и разрушающее природу. Вот и решайте, какое общество было у нас при Сталине и какое установилось после развала СССР и под воздействием антисоветской пропаганды.

Буржуазная тоталитарная демократия — это социальная организация, поощряющая худшие человеческие качества. Она формирует убогую личность, ориентированную на получение прибыли, приспособление к окружающей среде и на максимальное потребление материальных ценностей. В таком обществе гасятся творческие порывы и опошляются высокие идеалы. Возможно, это путь к позорному финалу современной глобальной технической цивилизации.

Ниспровержение кумира

Духовный мир представителей технической цивилизации формируется в техносфере. Этим можно объяснить то, что мыслители в странах Западной Европы и США, какие бы религиозные взгляды у них ни были, склонны придавать решающее значение экономике, производству и распределению материальной продукции.

Однако все то, что нас окружает, вся техносфера — творение человека, проявление его разума и глупости, труда и безделья, таланта и бездарности, высоких устремлений и низменных желаний. Слишком часто последнее преобладает, определяя судьбу цивилизаций.

...Сказано в Торе и Библии: «Не сотвори себе кумира». И что же, иудаисты и христиане, в том числе православные, следуют этой заповеди Моисея? Как бы не так!

Любое божество, любой святой, к которому обращаются с мольбами, просьбами, надеждами на помощь, ко-

тому поклоняются — разве не кумир? А фараоны, цари, короли, высшие церковные иерархи, которым ручки целуют — не кумиры? А президенты, культ которых раздувают СМИ — не кумиры? А поп-звезды (выразительное название!), от которых приходят в исступление тысячи, миллионы их поклонников и поклонниц — не кумиры?

Превыше всех вознесен при капитализме — царстве плутократии — Золотой Телец, бог-богатство. Не на словах, не на виду у других, а в душевной глубине душ, душащих в себе искру Божью.

Кого прославляли при социализме? Передовых рабочих и крестьян, выдающихся ученых, талантливых писателей, деятелей искусств, изобретателей. Воздавали должное прежде всего — героям войны и труда. Было именно так. Вот кто были образцами для подражания, кумирами.

Культ Ленина и Сталина, конечно же, поддерживался официальной пропагандой. Но разве эти государственные деятели не заслуживали славы, уважения и восхищения? О них с глубоким почтением отзывались даже враги — из тех, кто не лишен благородства.

Теперь антисоветчики судят о Сталине со слов Троцкого — полного банкрота в политике, демагога и пустозвона, презиравшего русский народ и мечтавшего бросить его как горючий материал в пламя мировой революции. И возникает вопрос: а во имя какого народа должны были погибать русские? Вот бы о чем попытались задуматься отечественные ненавистники «сталинизма».

А кто был главнейшим — от имени правящей партии — ниспровергателем культа Сталина? Хрущев, который сам едва ли не больше других с визгом и страстью насаждал этот самый культ, усердствуя не от страха (вождя его об этом курении фимиама не просил), а из личной выгоды, ради успешной карьеры партийного функционера.

И сколько было таких! Они-то первыми и бросились поносить почившего вождя, который был ключевой фигурой XX века.

Да, Сталин был кумиром советских людей. Но не идолом, которому молятся, у которого вымаливают милости, кого считают наместником Бога на Земле. Он был подлинным народным вождем. Вадим Кожин, который был даже отчасти антисталинистом, верно отметил: «Кульст Сталина — это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова всемирное явление, которое осуществлялось повсюду от Мадрида до Шанхая». Даже враг народовластия У. Черчилль вынужден был признать высочайшие достоинства советского вождя.

Эпоха сталинского правления была для нашей державы героической. И когда с нележкой руки Хрущева началось поношение вождя, это стало мрачным закатом великой эпохи. Более того, теперь советский народ был всемирно посрамлен, ибо предстал в образе тупых «совков», воздававших высокие почести тирану. Добавилась к этому ложь о «большом терроре».

Ниспровержение памятников Сталину, переименование города-героя Сталинграда в безликий Волгоград нанесли страшнейший моральный удар по советскому народу, подорвали авторитет СССР и КПСС во всем мире, прежде всего в странах народной демократии. Активизировались враги социализма. У них появилась прекрасная возможность, ссылаясь на доклад Хрущева, выставлять Советский Союз «империей зла». Не случайно вскоре после его «разоблачений» вспыхивали бунты и беспорядки в Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии, а также испортились отношения СССР и КНР.

До сих пор события, связанные со смертью Сталина и быстрым превращением некоторых его непомерных восхвалителей в яростных хулителей остаются недостаточно оцененными. Все обсуждения, споры, аналитические об-

зоры заиклены на проблемах экономики, политики, социальных конфликтов. Но ведь все это — проявления духовного бытия общества.

Низвержение фальшивого кумира, «идолища поганого», содействует нравственному очищению людей. Клевета на великого государственного деятеля, осквернение его памяти, опошление истории страны — начало ее духовного, а затем и социального, политического и экономического краха.

Сознают ли это российские антисталинисты? Некоторые из них безусловно признают, так же как их идейные зарубежные лидеры и покровители. А что можно сказать о тех, кто, выставляя себя православными патриотами, монархистами, либерал-демократами и еще невесть кем, подпевают этому хору врагов нашего Отечества?

С подачи наиболее подлой части партийной номенклатуры СССР со времен Хрущева были попорнены заветы Сталина, страну повели антисталинским путем...

К чему мы пришли — убедиться нетрудно. Во всяком случае СССР — Великая Россия — перестал существовать, стерт с карты мира. Именно об этом мечтали все олигархи мира более восьми десятилетий, а с ними Гитлер, Трумэн, Рейган, Тэтчер и многие враги нашего народа.

Духовный геноцид

Европейские завоеватели с эпохи Возрождения создавали колониальные империи, истребляя непокорных туземцев, вынуждая оставшихся принимать правила жизни, установленные захватчиками. То же самое, хотя и не так явно, происходит с нынешней Россией.

В демографическом аспекте это проявляется со всей очевидностью. Пересечение падающей линии рождаемости и восходящей — смертности получило название «русский крест». Одновременно происходит еще более разрушительная духовная перечеканка и расчленение русского

народа, объединяющего великороссов, малороссов, белорусов, а также поволжских татар и вообще всех жителей России, для которых родной является не только местная, но и великая русская культура.

Сейчас стало модно определять «русскость» через православие — одно из направлений христианства. Это чаще всего заблуждение тех, кто не понимает суть духовной культуры. Сводить духовную культуру к религии, значит возвращаться во времена неолита, когда не было письменности, наук, философских систем. Хотя уже зародились изобразительное и танцевально-театральное искусство, отчасти музыкальное — сходные с нынешними роками и рэпами, эстрадными «шоу», но они несли более существенную, общественно значимую смысловую нагрузку.

Много веков русские были язычниками. Позже среди них немало было староверов, католиков, исламистов, атеистов. В советское время атеизм стал государственной религией. И что же, произошел духовный слом русского народа? Нет — подъем! Не из-за достоинств атеизма, а благодаря разумной государственной политике.

Нашим врагам важно расчленив русский народ как можно резче по разным критериям: расовым, национальным, религиозным, политическим, возрастным, экономическим, региональным. И это успешно осуществляется. Такая политика помогла расчленив СССР, Югославию, Чехословакию, Ирак... То же грозит и РФ. Когда внутри современной «урезанной» России проявляется национализм, религиозный фанатизм, политическое, экономическое и резкое региональное размежевание — это реальные признаки подготовки к ее расчленению. Многие местные «элиты» к этому готовы. Им требуется только благоприятная внешняя и внутренняя ситуация.

Международный авторитет русского народа и нашей страны упал до невиданно низкого уровня. Когда говорят о возрождении России, русской духовной культуры, то это

либо заблуждение, либо наивные мечтания, либо злонамеренная ложь.

Вообще, идет везде деградация и народной, и элитарной культур. То же относится к гуманитарным и естественным наукам, искусству и литературе. Достигли невиданного расцвета технические науки, техногенные СМИ и соответствующие развлечения. Все это — следствие эволюции техносферы, что и определяет генеральное направление развития (деградации) культуры и личности.

* * *

Особенно тревожно выглядит происходящее в нашем Отечестве. Повсюду нас окружают иностранные слова на разных языках — наклейки, ярлыки, названия различных изделий, реклама. Выйдите в Москве у бывшего СЭВ, теперь мэрии, на перекресток перед мостом с нелепым названием «Площадь Независимости России». Вокруг — рекламные логотипы на латинице и с названием вовсе не российских марок.

По радио и на ТВ, на дисках и кассетах обилие поп-музыки, песен на иностранных языках. Они рассчитаны не на осмысление текста, а на возбуждение примитивных эмоций и отрешение от мышления. Мудро сказал некогда один китайский император: в стране должно быть много музыки, чтобы в ней было много рабов. Если в сталинское время транслировали оперы, оперетты, симфонии, лучшие театральные постановки, то теперь классические произведения надо разыскивать в дебрях эфира, спотыкаясь о вездесущую и агрессивную рекламу.

Послушайте, как теперь говорит (а значит, и мыслит) большинство «россиян». Они все чаще изъясняются междометиями, блатным жаргоном, сдобренным непристойными выражениями. Таково языковое отражение небывалого духовного упадка и криминализации общества. Инто-

нация, особенно у молодежи, не русская, с подвываниями в конце фраз и носовыми звуками.

Победа буржуазной революции, ориентированной на западные образцы общества потребления, резко расслоенного по социально-экономическим критериям, содействовала экспансии не только западных товаров и мод, но и слов, оборотов речи, интонаций. Относится это и к внеародной «элите», и к самым, что называется, народным массам.

В условиях созданного под лозунгом «Обогащайся кто как может!» общества потребления, коррупции и продажности, представители русской интеллигенции существуют как вымирающий вид. Сейчас модно потешаться над тем, как при Сталине боролись с низкопоклонством перед Западом, за самобытность русской культуры. С установлением антисоветского общества такое низкопоклонство стало нормой. Российские СМИ выставляют «западную цивилизацию», буржуазный образ жизни в виде светлых маяков, ориентиров для России.

* * *

Великая держава — великий народ — великая культура. Таково реальное триединство общества. Расчленение великой державы, унижение и деградация народа вызывают падение культуры. Неслучайно в РФ на образование, культуру и науку тратится позорно мало средств. Готовится — одними сознательно, другими бездумно — дальнейшее ослабление страны.

Общность культуры, языка, духовных идеалов, идеологии — важнейшие скрепы государства. Можно возразить: по официальным данным у нас идет экономический подъем. В чем он выражается? Только в деньгах, не проявляясь ни в развитии промышленности и сельского хозяйства (оно за 20 лет не увеличило свои показатели, а сократило вдвое!).

Можно ли говорить об экономическом подъеме государства, где вымирает и деградирует народ? Для кого и для чего оно существует? 20 лет — колоссальный исторический период для индустриальной эпохи. И если за это время вместо сверхдержавы Великой России оказалась слабо развитая страна РФ, то это — катастрофа. А что произойдет, когда через десяток лет или раньше добыча нефти и газа сократится и/или снизятся цены на энергетическое сырье?

Трагический финал подготавливается, помимо всего прочего, снижением уровня русской культуры и разрушительной для русской души идеологией обогащения, прибыли, конкуренции, индивидуализма, потребленчества и приспособленчества. Той самой идеологии, которая укореняется ныне вопреки всем традициям русской культуры.

По моим наблюдениям (с военного времени), тот «старый русский», советский народ был интеллектуально и нравственно выше, выражался членораздельней и приличней, чем «новые русские», антисоветские (имею в виду всех тех, кто организовал и поддерживал буржуазную революцию, кому новая идеология по душе).

Компьютеры, иномарки, телевизоры, плееры, вкупе с киллерами, имиджмейкерами, менеджерами, секьюрити, шоуменами, секс-шопами, супермаркетами, бизнесменами, миллиардерами и прочей шушерой лишь еще резче оттеняют духовную немочь нынешних «хозяев жизни». Но ведь именно им принадлежит Россия, именно их поддерживает значительная часть ее вымирающего населения, они владеют СМРАП.

На реплику о миллионе наших беспризорных детей мне не раз отвечали: «А чего вы волнуетесь? Это же не ваши дети!» Говорили так обычные новорусские обыватели. От прежних русских я ничего подобного не слыхал, да и не мог бы услышать. Для наших олигархов и правителей, для их прихлебателей и сторонников эти брошенные

на помойки или на панель дети и взрослые — «не ихние», чуждые им издержки капиталистического строительства.

Кто выгадал от этого? Взгляните на перечень российских миллиардеров, богатеев, «властителей дум» — и все станет ясно.

* * *

Признаться, мне не по душе были определения «советская культура», «социалистический реализм». Но вот внедрили антисоветское бескультурье и буржуазный идиотизм, рассчитанный на тупых обывателей (в США психологи ввели термин «телеидиот»), и стало ясно: это — духовная пагуба, превращающая человека в скота, голодного или еще более мерзкого — сытого.

У нас предпочитают молчать, что в материальном отношении советский народ (если исключить экстремальные периоды) был обеспечен примерно на среднем европейском уровне, несмотря на разрушительные войны, гражданскую междоусобицу, небывалую разруху, обилие внешних и внутренних врагов. США нажились на двух мировых войнах, но не они, а мы первыми запустили атомную электростанцию; вознесли искусственный спутник Земли и советского человека в космосе.

При мне российские журналисты восторгались определением М. Тэтчер: СССР — это Верхняя Вольта с ракетами. Они не поняли, что даже богатенькая Великобритания не смогла создать раньше СССР и США ни АЭС, ни космических ракет: для этого требовался значительно более мощный интеллектуальный, научно-технический, производственный и экономический потенциал, чем у нее имелся.

Наблюдая немалое число «новых русских», богатых и бедных, с ужасом убеждаешься, что такой перечеканенный духовно народец не только не встанет с колен, но лишь глубже опустится в грязь. И не спасут ни крестики на шеях, ни слова лукавых политиков и их подпевал, ни

заклинания так называемых патриотов, мнящих себя монархистами.

Из русских с возрастающим успехом быстро создают племя трусливых приспособленцев и ненасытных потребленцев с идеологией господ и холопов, хозяев и рабов. Уходят в прошлое духовные идеалы, которые внедряла в массовое сознание, укореняла в душах великая русская культура. Советская эпоха продолжила эту традицию. Антисоветское время стало и антирусским, что явно подтверждают демографические показатели.

* * *

Можно возразить: ничего особенного, идет смена поколений. Вымирают «совки», рождается новый народ — россияне XXI века.

Да, так происходит. И со старыми русскими уходят в прошлое выдающиеся достижения русской культуры, Великой России. Это означает не просто завершение советской эпохи. Это означает позорный финал еще недавно одной из величайших держав мира. И никакими заклинаниями, вывертами политиков и СМИ этого не изменить.

Скажут: не надо пугать! Надо верить в светлое будущее! Надо внушать народу оптимизм!

Но если не сознавать степень опасности, нависшей над Родиной, культурой, народом, ничего не изменится к лучшему. Врагам России выгодно одурманивать сознание «россиян» ужасными картинами советского прошлого и миражами счастливого буржуазного будущего.

Когда видишь хохотливо-похотливую аудиторию на бесконечных празднествах, развлекалочках и рассмехалочках, то приходишь к выводу: **новорусский народ, смеясь, расстаётся со своим будущим...**

Впрочем, кто-то и тут возразит: финансово-экономическое положение нашей страны не такое уж безнадежное. Многие едут в РФ на заработки. Но вот вопрос: почему

эти люди, подчас рискуя своим здоровьем, борются за благосостояние своей семьи, тогда как многие русские предпочитают прозябать или совершать суицид? (Ежегодно у нас кончается самоубийством около 60 тысяч человек — население небольшого города.)

Объясняют чаще всего обиняками: такова извечная русская лень, отсутствие предприимчивости. Однако советские люди, преимущественно русские, в невиданно короткие сроки, за 15 лет буквально из руин создали могучую сверхдержаву, победили фашизм, поддержанный большинством государств Европы, вновь удивительно быстро восстановили и приумножили мощь СССР, обзавелись множеством зарубежных сторонников и дружественных стран, удивили весь мир своими научно-техническими достижениями.

Куда же делись сильный русский характер и патриотизм, русская смекалка, русское трудолюбие? Почему возобладали духовная немочь, лень, безразличие к судьбе своего рода, народа, Отечества? Что произошло с народом России? Разве можно за столь короткий срок так радикально измениться?

Не только можно, но и получается на практике. Ибо свойства характера, сила интеллекта и воли, совесть и патриотизм вовсе не врожденные качества, подобно цвету кожи, форме носа или длины ушей. Духовный мир человека формируется из потенциальных возможностей, из предпосылок младенческого мозга и тела под влиянием внешней среды. Поместите русского младенца в семью японцев или кенийцев, и он вырастет более или менее полноценным японцем или кенийцем.

* * *

Правда, среди «новых русских» немало людей среднего и пожилого возраста. Что могло произойти с ними?

Моральное перерождение человека, не выработавшего твердых жизненных принципов, привыкшего приспособ-

ливаться к текущей ситуации, внимая мнению начальства, происходит быстро, а под влиянием эмоций — почти мгновенно. Так становятся «перевертышами»; так отрываются от присяги; так могут поносить и проклинать то (того), чему (кому) еще недавно поклонялись и клялись в верности.

Как это происходит? Отчасти под давлением техносферы. Она поощряет потребителей материальных благ, вырабатываемых техникой, и приспособленцев. Властно сказалось и воздействие СМИ, активная деятельность внешних и внутренних врагов. Сошлюсь на Алена Даллеса, директора ЦРУ США после Второй мировой войны (его слова настолько откровенны и так точно соответствуют действительности, что трудно поверить в их подлинность): «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих... союзников и помощников в самой России».

Изменить мозг не так-то просто, а вот духовный строй, структуру личности — можно, возбуждая в ней низменные чувства и гася высокие. Как говорил Даллес: «Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко культивировать... Будем вырывать духовные корни большевизма, опопашлять и уничтожать основы народной нравственности... Будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь».

Точно так ли говорил Даллес? Главное: точно так получилось. США потратили на идеологическую войну против СССР около полутриллиона долларов. И достигли цели, которую завещал им Гитлер. «Эпизод за эпизодом, — предрекал Даллес, — будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на

земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».

Словно исполняя этот завет, российские СМИ упорно растлевают, опошляют, оглушают народ, глумятся над его недавним славным прошлым и великими вождями. Продолжается смертельная перечекалка его духовного мира. Почему многие русские предпочитают спиваться и вымирать, прозябать и кончать жизнь самоубийством? **Они не верят в лучшее будущее.** Значит, такая буржуазная идеология, такое государственное устройство, такая структура российского общества не отвечают многовековым традициям России.

* * *

А. Чубайс когда-то сказал, что они пришли надолго. Его слова сбываются. Говорят: возврата к прошлому быть не может. Значит, не бывает Великой России, великому русскому народу, великой русской культуре. Ибо именно это — наше прошлое.

Почему враги не форсируют расчленение РФ? Не надо обольщаться: мол, это им не под силу. Это им сейчас не выгодно. Их пока устраивает такая Россия. В неизбежном хаосе при разрушении страны могут пресечься потоки нефти и газа в Западную Европу. А вдруг начнется гражданская междоусобица и вновь победит народ?

Рисковать наши враги не станут. Они и так — победители, покорители России. Наиболее рациональная для них стратегия — содействовать вымиранию и перерождению русского народа. Они имеют то, что им требуется: природные ресурсы и рабсила на территории РФ.

Что нам делать?

Повернуть психологическое оружие СМИ против наших внутренних и внешних врагов. Направить его не на подавление, а на возрождение и единение русского народа. Иначе он будет окончательно расчленен, задавлен, перерожден.

Как это сделать?

Если кратко: необходимо внушать гордость за наше советское прошлое, за те десятилетия, когда наш народ совершил небывалые подвиги в труде и сражениях. Вот что самое главное. Мы можем гордиться и Сталиным — крупнейшим государственным деятелем в истории не только России, но и всего мира. Говорю об этом с полным основанием, ибо провел серьезные исследования и опубликовал несколько книг, прямо или косвенно затрагивающих эту непростую тему.

Духовная культура — важнейший фактор государственной безопасности. Опасно отдавать ее на откуп олигархам, озабоченным своими (клановыми, корпоративными) доходами, сохранением своей власти. Давно рухнули надежды на то, что они, обогатившись сверх всякой меры, примутся одаривать благами народ, задумаются о судьбе страны, на которой паразитируют.

Нам, старым русским, есть чем гордиться. Этого не скажешь о новых русских. Вот кого необходимо перечеканить. Если это сделать не удастся в ближайшие годы, катастрофа для России обеспечена. И даже ее расчленение не так опасно, как деградация, перерождение в нацию продажных барыг, бездушных деяг, жалких рабов и безнадежных подонков.

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. В. Сталин

МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Относительно марксизма в языкознании

(«Правда», 1950, 20 июня)

Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому я имею прямое отношение. Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами.

Вопрос. Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?

Ответ. Нет, неверно.

Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается

новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Взять, например, русское общество и русский язык. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота.

Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового, социалистического производства, появлением нового государства, новой, социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений, — сохранились именно как основа современного русского языка.

Далее. Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе сво-

его базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы.

Иначе и не может быть. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка как средства общения людей состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Этим собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, поднимающийся строй, как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых.

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм

и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй.

Иначе и не может быть. Язык для того и существует, он для того и создан, чтобы служить обществу как целому в качестве орудия общения людей, чтобы он был общим для членов общества и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от их классового положения. Стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение.

В этом отношении язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же одинаково могут обслуживать и капиталистический строй и социалистический.

Дальше. Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса.

Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живет несрав-

ненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих надстроек не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем.

Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За то время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение значительного количества слов, улучшился грамматический строй языка, что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном как основа современного русского языка.

И это вполне понятно. В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грам-

матике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?

Наконец, еще одно коренное отличие между надстройкой и языком. Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе. Это значит, что сфера действия надстройки узка и ограничена.

Язык же, наоборот, связан с производственным деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы — от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находятся в состоянии поч-

ти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй.

Итак:

- а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом;
- б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку.

Вопрос. Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?

Ответ. Нет, неверно.

Нетрудно понять, что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, — язык был там общий, единый для всего коллектива. Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения.

Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, то везде на всех этапах развития язык как средство общения людей в обществе был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения.

Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого или империю Цезаря и Карла Великого, кото-

рые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. Следовательно, я имею в виду не эти и подобные им империи, а те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности.

В дальнейшем, с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей — в национальные языки. История говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации.

Выше говорилось, что язык как средство общения людей в обществе одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки». В литературе нередко эти диалекты и жаргоны неправильно квалифицируются как языки: «дво-

рянский язык», «буржуазный язык», — в противоположность «пролетарскому языку», «крестьянскому языку». На этом основании, как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки.

Я думаю, что нет ничего ошибочнее такого вывода. Можно ли считать эти диалекты и жаргоны языками? Безусловно нельзя. Нельзя, во-первых, потому, что у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда, — они заимствуют их из национального языка. Нельзя, во-вторых, потому, что диалекты и жаргоны имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся как средство общения людей для общества в целом. Что же у них имеется? У них есть: набор некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоев буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов. Все же основное, то есть подавляющее большинство слов и грамматический строй, взято из общенародного, национального языка. Следовательно, диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишенные какой-либо языковой самостоятельности и обреченные на прозябание. Думать, что диалекты и жаргоны могут развиваться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, значит потерять историческую перспективу и сойти с позиции марксизма.

Ссылаются на Маркса, цитируют одно место из его статьи «Святой Макс», где сказано, что у буржуа есть «свой язык», что этот язык «есть продукт буржуазии», что он проникнут духом меркантилизма и купли-продажи. Этой цитатой некоторые товарищи хотят доказать, что

Маркс стоял будто бы за «классовость» языка, что он отрицал существование единого национального языка. Если бы эти товарищи отнеслись к делу объективно, они должны были бы привести и другую цитату из той же статьи «Святой Макс», где Маркс, касаясь вопроса о путях образования единого национального языка, говорит о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».

Следовательно, Маркс признавал необходимость единого национального языка как высшей формы, которой подчинены диалекты как низшие формы.

Что же в таком случае может представлять язык буржуа, который, по словам Маркса, «есть продукт буржуазии». Считал ли его Маркс таким же языком, как национальный язык, со своей особой языковой структурой? Мог ли он считать его таким языком? Конечно, нет! Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон.

Выходит, что эти товарищи исказили позицию Маркса. А исказили ее потому, что цитировали Маркса не как марксисты, а как начетчики, не вникая в существо дела.

Ссылаются на Энгельса, цитируют из брошюры «Положение рабочего класса в Англии» слова Энгельса о том, что «английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия», что «рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия». На основании этой цитаты некоторые товарищи делают вывод, что Энгельс отрицал необходимость общенационального, национального языка, что он стоял, стало быть, за «классовость» языка. Правда, Энгельс говорит здесь не об языке, а о диалекте, вполне понимая, что диалект как ответвление от национального языка не может заменить нацио-

нального языка. Но эти товарищи, видимо, не очень сочувствуют наличию разницы между языком и диалектом...

Очевидно, что цитата приведена не к месту, так как Энгельс говорит здесь не о «классовых языках», а главным образом о классовых идеях, представлениях, нравах, нравственных принципах, религии, политике. Совершенно правильно, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны. Но при чем здесь национальный язык или «классовость» языка? Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу «классовости» языка или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия. Признают ли упомянутые товарищи этот марксистский тезис?

Ссылаются на Лафарга, указывая на то, что Лафарг в своей брошюре «Язык и революция» признает «классовость» языка, что он отрицает будто бы необходимость общенародного, национального языка. Это неверно. Лафарг действительно говорит о «дворянском» или «аристократическом языке» и о «жаргонах» различных слоев общества. Но эти товарищи забывают о том, что Лафарг, не интересуясь вопросом о разнице между языком и жаргоном и называя диалекты то «искусственной речью», то «жаргоном», определенно заявляет в своей брошюре, что «искусственная речь, отличающая аристократию... выделась из языка общенародного, на котором говорили и буржуа, и ремесленники, город и деревня».

Следовательно, Лафарг признает наличие и необходимость общенародного языка, вполне понимая подчиненный характер и зависимость «аристократического языка» и других диалектов и жаргонов от общенародного языка.

Выходит, что ссылка на Лафарга бьет мимо цели.

Ссылаются на то, что в одно время в Англии английские феодалы «в течение столетий» говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу «классовости» языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то. Во-первых, на французском языке говорили тогда не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах. Во-вторых, они говорили не на каком-то «классовом языке», а на обыкновенном общенародном французском языке. В-третьих, как известно, это баловство французским языком исчезло потом бесследно, уступив место общенародному английскому языку. Думают ли эти товарищи, что английские феодалы «в течение столетий» объяснялись с английским народом через переводчиков, что они не пользовались английским языком, что общенародного английского языка не существовало тогда, что французский язык представлял тогда в Англии что-нибудь более серьезное, чем салонный язык, имеющий хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии? Как можно на основании таких анекдотических «доводов» отрицать наличие и необходимость общенародного языка?

Русские аристократы одно время тоже баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом. Значит ли это, что в России не было тогда общенародного русского языка, что общенародный язык был тогда фикцией, а «классовые языки» — реальностью?

Наши товарищи допускают здесь по крайней мере две ошибки.

Первая ошибка состоит в том, что они смешивают язык с надстройкой. Они думают, что если надстройка имеет классовый характер, то и язык должен быть не об-

щенародным, а классовым. Но я уже говорил выше, что язык и надстройка представляют два различных понятия, что марксист не может допускать их смешения.

Вторая ошибка состоит в том, что эти товарищи воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточенную классовую борьбу как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами. Они считают, что поскольку общество распалось и нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка, не нужно национального языка. Что же остается, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка? Остаются классы и «классовые языки». Понятно, что у каждого «классового языка» будет своя «классовая» грамматика — «пролетарская» грамматика, «буржуазная» грамматика. Правда, таких грамматик не существует в природе, но это не смущает этих товарищей: они верят, что такие грамматики появятся.

У нас были одно время «марксисты», которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их срыть и построить новые, «пролетарские» дороги. Они получили за это прозвище «троглодитов»...

Понятно, что такой примитивно-анархический взгляд на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он безусловно существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей.

Конечно, неверно, что ввиду наличия ожесточенной классовой борьбы общество якобы распалось на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе. Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих, — пролетарии не мо-

гут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведет к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества. Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества, о «классовых» языках, о «классовых» грамматиках.

Ссылаются, далее, на Ленина и напоминают о том, что Ленин признавал наличие двух культур при капитализме — буржуазной и пролетарской, что лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Все это верно, и Ленин здесь абсолютно прав. Но при чем тут «классовость» языка? Ссылаясь на слова Ленина о двух культурах при капитализме, эти товарищи, как видно, хотят внушить читателю, что наличие двух культур в обществе — буржуазной и пролетарской — означает, что языков тоже должно быть два, так как язык связан с культурой, — следовательно, Ленин отрицает необходимость единого национального языка, следовательно, Ленин стоит за «классовые» языки. Ошибка этих товарищей состоит здесь в том, что они отождествляют и смешивают язык с культурой. Между тем культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же как средство общения является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру. Разве это не факт, что русский, украинский, узбекский языки обслуживают ныне социалистическую культуру этих наций так же неплохо, как обслуживали они перед Октябрьским переворотом их буржуазные культуры? Значит, глубоко ошибаются эти товарищи, утверждая, что наличие двух разных

культур ведет к образованию двух разных языков и к отрицанию необходимости единого языка.

Говоря о двух культурах, Ленин исходил из того именно положения, что наличие двух культур не может вести к отрицанию единого языка и образованию двух языков, что язык должен быть единый. Когда бундовцы стали обвинять Ленина в том, что он отрицает необходимость национального языка и трактует культуру как «безнациональную», Ленин, как известно, резко протестовал против этого, заявив, что он воюет против буржуазной культуры, а не против национального языка, необходимость которого он считает бесспорной. Странно, что некоторые наши товарищи поплелись по стопам бундовцев.

Что касается единого языка, необходимость которого будто бы отрицает Ленин, то следовало бы заслушать следующие слова Ленина:

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам».

Выходит, что уважаемые товарищи исказили взгляды Ленина.

Ссылаются, наконец, на Сталина. Приводят цитату из Сталина о том, что «буржуазия и ее националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций». Это все правильно. Буржуазия и ее националистическая партия действительно руководят буржуазной культурой, так же как пролетариат и его интернационалистическая партия руководят пролетарской культурой. Но при чем тут «классовость» языка? Разве этим товарищам не известно, что национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру? Неужели наши товарищи не знакомы с из-

вестной формулой марксистов о том, что нынешняя русская, украинская, белорусская и другие культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, то есть по языку? Согласны ли они с этой марксистской формулой?

Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую.

Итак:

а) язык как средство общения всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) формула о «классовости» языка есть ошибочная, немарксистская формула.

Вопрос. Каковы характерные признаки языка?

Ответ. Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результа-

ты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе.

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, следовательно, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества.

Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков, и дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык.

Однако словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немислим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слова, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер. Грамматика (морфология, синтак-

сис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности, она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности.

В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка как наиболее чувствительный к изменениям находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку в отличие от надстройки не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит

изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса.

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется как основа словарного состава языка.

Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов, не говоря уже о том, что уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой.

Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики.

История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции. Некоторые историки вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято немало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились.

Из всего этого следует, что язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукты ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык несложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем.

Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждающегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем разветвления и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Говорят, что теория стадияльного развития языка является марксистской теорией, так как она признает необходимость внезапных взрывов как условия перехода языка от старого качества к новому. Это, конечно, неверно, ибо трудно найти что-либо марксистское в этой теории. И если теория стадияльности действительно признает внезапные взрывы в истории развития языка, то тем хуже для нее. Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о «внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и 1794 годами» во Франции (см. брошюру Лафарга «Язык и революция»). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов — и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период Французской революции, а сохранились без суще-

ственных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка («внезапная языковая революция»!) до смешного мал пяти-шестилетний срок, — для этого нужны столетия.

Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8-10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, то есть не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого, буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства.

Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование

нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно.

Скрещивание языков нельзя рассматривать как единственный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития.

Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словар-

ный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития.

Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее, — она просто не замечает или не понимает ее.

Вопрос. Правильно ли поступила «Правда», открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?

Ответ. Правильно поступила.

В каком направлении будут решены вопросы языкознания, — это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу.

Дискуссия выяснила прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Соз-

далась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.

Один из примеров: так называемый «Бакинский курс» (лекции Н. Я. Марра, читанные в Баку), забракованный и запрещенный к переизданию самим автором, был, однако, по распоряжению касты руководителей (товарищ Мещанинов называет их «учениками» Н. Я. Марра) переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный «Курс» за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству.

Как могло это случиться? А случилось это потому, что аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства.

Дискуссия оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги.

Но польза дискуссии этим не исчерпывается. Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки. До начала дискуссии они молчали и замалчивали неблагоприятное положение в языкознании. Но после начала дискуссии стало уже невозможным молчать, — они были вынуждены выступить на страницах печати. И что же? Оказалось, что в учении Н. Я. Марра имеется целый ряд прорех, ошибок, неуточненных проблем, неразработанных положений. Спрашивается, почему об этом заговорили «ученики» Н. Я. Марра только теперь, после открытия дискуссии? Почему они не позаботились об этом раньше? Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?

Признав «некоторые» ошибки Н. Я. Марра, «ученики» Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упрости-телем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткуль-товцев» или «рапповцев».

Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка как надстройки и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет «классовости» языка и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подле-

жит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Понятно, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Послушать Н. Я. Марра и особенно его «учеников» — можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущие периоды.

Таким образом, дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прорехи в советском языкознании.

Я думаю, что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь.

Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание — таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание.

И. В. Сталин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Участникам экономической дискуссии

*Замечания по экономическим вопросам, связанным
с ноябрьской дискуссией 1951 года*

Я получил все документы по экономической дискуссии, проведенной в связи с оценкой проекта учебника политической экономии. Получил в том числе «Предложения

по улучшению проекта учебника политической экономии», «Предложения по устранению ошибок и неточностей» в проекте, «Справку о спорных вопросах».

По всем этим материалам, а также по проекту учебника считаю нужным сделать следующие замечания.

1. ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут «сформировать» новые законы, «создать» новые законы.

Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя.

Марксизм понимает законы науки, — все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки.

Значит ли это, что, например, результаты действий законов природы, результаты действий сил природы вообще неотвратимы, что разрушительные действия сил природы везде и всегда происходят со стихийно-неумолимой силой, не поддающейся воздействию людей? Нет, не значит. Если исключить астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, где люди, если они даже познали законы их развития, действительно бессильны действовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества.

Возьмем один из многочисленных примеров. В древнейшую эпоху разлив больших рек, наводнения, уничтожение в связи с этим жилищ и посевов считались неотвратимым бедствием, против которого люди были бессильны. Однако с течением времени, с развитием человеческих знаний, когда люди научились строить плотины и гидростанции, оказалось возможным отвести от общества бедствия наводнений, казавшиеся ранее неотвратимыми. Более того, люди научились обуздывать разрушительные силы природы, так сказать оседлать их, обратить силу воды на пользу общества и использовать ее для орошения полей, для получения энергии.

Значит ли это, что люди тем самым отменили законы природы, законы науки, создали новые законы природы, новые законы науки? Нет, не значит. Дело в том, что вся эта процедура предотвращения действий разрушительных сил воды и использования их в интересах общества проходит без какого бы то ни было нарушения, изменения или уничтожения законов науки. Наоборот, вся эта процедура осуществляется на точном основании законов природы,

законов науки, ибо какое-либо нарушение законов природы, малейшее их нарушение привело бы лишь к расстройству дела, к срыву процедуры.

То же самое надо сказать о законах экономического развития, о законах политической экономии, — все равно идет ли речь о периоде капитализма или о периоде социализма. Здесь так же, как и в естествознании, законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы.

Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере, большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам. Но они, эти законы, не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий.

Ссылаются на «Анти-Дюринг» Энгельса, на его формулу о том, что с ликвидацией капитализма и обобществлением средств производства люди получают власть над средствами производства, что они получают свободу от гнета общественно-экономических отношений, станут «господами» своей общественной жизни. Энгельс называет эту свободу «познанной необходимостью». А что может означать «познанная необходимость»? Это означает, что люди, познав объективные законы («необходимость»), будут их применять вполне сознательно в интересах обще-

ства. Именно поэтому Энгельс говорит там же, что: «Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор, как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству».

Как видно, формула Энгельса говорит отнюдь не в пользу тех, которые думают, что можно уничтожить при социализме существующие экономические законы и создать новые. Наоборот, она требует не уничтожения, а познания экономических законов и умелого их применения.

Говорят, что экономические законы носят стихийный характер, что действия этих законов являются неотвратимыми, что общество бессильно перед ними. Это неверно. Это фетишизация законов, отдача себя в рабство законам. Доказано, что общество не бессильно перед лицом законов, что общество может, познав экономические законы и опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и «оседлать» их, как это имеет место в отношении сил природы и их законов, как это имеет место в приведенном выше примере о разливе больших рек.

Ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и «формировать» новые. Это так же неверно.

Особая роль Советской власти объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию; во-вторых, тем, что, ввиду отсутствия в стране каких-либо готовых зачатков социалистического хозяйства, она должна была создать, так сказать, на «пустом месте» новые, социалистические формы хозяйства.

Задача эта безусловно трудная и сложная, не имеющая precedентов. Тем не менее, Советская власть выполнила эту задачу с честью. Но она выполнила ее не потому, что будто бы уничтожила существующие экономические законы и «сформировала» новые, а только лишь потому, что она опиралась на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Производительные силы нашей страны, особенно в промышленности, имели общественный характер, форма же собственности была частная, капиталистическая. Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах. Если он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор, то это потому, что он встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества.

Здесь мы сталкиваемся с другой особенностью экономических законов. В отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, затрагивающие интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил. Нужна, следовательно, сила, общественная сила, способная преодолеть это сопротивление. Такая сила нашлась в нашей стране в виде союза рабочего класса и крестьянства, представляющих подавляющее большинство общества. Такой силы не нашлось еще в других, капиталистических странах. В этом секрет

того, что Советской власти удалось разбить старые силы общества, а экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получил у нас полный простор.

Говорят, что необходимость планомерного (пропорционального) развития нашей страны дает возможность Советской власти уничтожить существующие и создать новые экономические законы. Это совершенно неверно. Нельзя смешивать наши годовые и пятилетние планы с объективным экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Закон планомерного развития народного хозяйства возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме. Он возник на базе обобществления средств производства, после того, как закон конкуренции и анархии производства потерял силу. Он вступил в действие потому, что социалистическое народное хозяйство можно вести лишь на основе экономического закона планомерного развития народного хозяйства. Это значит, что закон планомерного развития народного хозяйства дает возможность нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но возможность нельзя смешивать с действительностью. Это — две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона. Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона.

Говорят, что некоторые экономические законы, в том числе и закон стоимости, действующие у нас при социализме, являются «преобразованными» или даже «коренным образом преобразованными» законами на основе

планового хозяйства. Это тоже неверно. Нельзя «преобразовывать» законы, тем более «коренным образом». Если можно их преобразовать, то можно и уничтожить, заменив другими законами. Тезис о «преобразовании» законов есть пережиток от неправильной формулы об «уничтожении» и «формировании» законов. Хотя формула о преобразовании экономических законов давно уже вошла у нас в обиход, придется от нее отказаться в интересах точности. Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить».

Следовательно, когда говорят о «покорении» сил природы или экономических сил, о «господстве» над ними и т.д., то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут «уничтожить» законы науки или «сформировать» их. Наоборот, этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними.

Итак, законы политической экономии при социализме являются объективными законами, отражающими закономерность процессов экономической жизни, совершающихся независимо от нашей воли. Люди, отрицающие это положение, отрицают по сути дела науку, отрицая же науку, отрицают тем самым возможность всякого предвидения, — следовательно, отрицают возможность руководства экономической жизнью.

Могут сказать, что все сказанное здесь правильно и общеизвестно, но в нем нет ничего нового и что, следовательно, не стоит тратить время на общеизвестные истины. Конечно, здесь действительно нет ничего нового, но было бы неправильно думать, что не стоит тратить время на повторение некоторых известных нам истин.

Дело в том, что к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных, истин и вынуждены блуждать в потемках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают воображать, что Советская власть «все может», что ей «все нипочем», что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы. Как нам быть с этими товарищами? Как их воспитать в духе марксизма-ленинизма? Я думаю, что систематическое повторение так называемых «общественных» истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания этих товарищей.

2. ВОПРОС О ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Некоторые товарищи утверждают, что партия поступила неправильно, сохранив товарное производство после того, как она взяла власть и национализировала средства производства в нашей стране. Они считают, что партия должна была тогда уже устранить товарное производство. Они ссылаются при этом на Энгельса, который говорит:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями» (см. «Анти-Дюринг»).

Эти товарищи глубоко ошибаются.

Разберем формулу Энгельса. Формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной, так как в ней нет указания, идет ли речь о взятии во владение общества всех средств производства или только части средств производства, т.е.

все ли средства производства переданы в общенародное достояние или только часть средств производства. Значит, эту формулу Энгельса можно понять и так и эдак.

В другом месте «Анти-Дюринга» Энгельс говорит об овладении «всеми средствами производства», об овладении «всей совокупности средств производства». Значит, Энгельс в своей формуле имеет в виду национализацию не части средств производства, а всех средств производства, т.е. передачу в общенародное достояние средств производства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Из этого следует, что Энгельс имеет в виду такие страны, где капитализм и концентрация производства достаточно развиты не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве для того, чтобы экспроприировать все средства производства страны и передать их в общенародную собственность. Энгельс считает, следовательно, что в таких странах следовало бы наряду с обобществлением всех средств производства устранить товарное производство. И это, конечно, правильно.

Такой страной являлась в конце прошлого века, к моменту появления в свет «Анти-Дюринга», лишь одна страна — Англия, где развитие капитализма и концентрация производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве были доведены до такой точки, что была возможность в случае взятия власти пролетариатом передать все средства производства в стране в общенародное достояние и устранить из обихода товарное производство.

Я отвлекаюсь в данном случае от вопроса о значении для Англии внешней торговли с ее громадным удельным весом в народном хозяйстве Англии. Я думаю, что только по изучении этого вопроса можно было бы окончательно решить вопрос о судьбе товарного производства в Англии после взятия власти пролетариатом и национализации всех средств производства.

Впрочем, не только в конце прошлого столетия, но и в настоящее время ни одна страна еще не достигла той степени развития капитализма и концентрации производства в сельском хозяйстве, какую наблюдаем в Англии. Что касается остальных стран, то там, несмотря на развитие капитализма в деревне, имеется еще достаточно многочисленный класс мелких и средних собственников — производителей в деревне, судьбу которых следовало бы определить в случае взятия власти пролетариатом.

Но вот вопрос: как быть пролетариату и его партии, если в той или иной стране, в том числе в нашей стране, имеются благоприятные условия для взятия власти пролетариатом и ниспровержения капитализма, где капитализм в промышленности до того концентрировал средства производства, что можно их экспроприировать и передать во владение общества, но где сельское хозяйство, несмотря на рост капитализма, до того еще раздроблено между многочисленными мелкими и средними собственниками-производителями, что не представляется возможности ставить вопрос об экспроприации этих производителей?

На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Впрочем, она и не должна отвечать на этот вопрос, так как она возникла на базе другого вопроса, а именно — вопроса о том, какова должна быть судьба товарного производства после того, как обобществлены все средства производства.

Итак, как быть, если обобществлены не все средства производства, а только часть средств производства, а благоприятные условия для взятия власти пролетариатом имеются налицо, — следует ли взять власть пролетариату и нужно ли сразу после этого уничтожить товарное производство?

Нельзя, конечно, назвать ответом мнение некоторых горе — марксистов, которые считают, что при таких условиях следовало бы отказаться от взятия власти и ждать,

пока капитализм успеет разорить миллионы мелких и средних производителей, превратив их в батраков, и концентрировать средства производства в сельском хозяйстве, что только после этого можно было бы поставить вопрос о взятии власти пролетариатом и обобществлении всех средств производства. Понятно, что на такой «выход» не могут пойти марксисты, если они не хотят опозорить себя вконец. Нельзя также считать ответом мнение других горе-марксистов, которые считают, что следовало бы, пожалуй, взять власть и пойти на экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобществить их средства производства. На этот бессмысленный и преступный путь также не могут пойти марксисты, ибо такой путь подрывал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата.

Ответ на этот вопрос дал Ленин в своих трудах о «продналоге» и в своем знаменитом «кооперативном плане».

Ответ Ленина сводится коротко к следующему:

а) не упускать благоприятных условий для взятия власти, взять власть пролетариату, не дожидаясь того момента, пока капитализм сумеет разорить многомиллионное население мелких и средних индивидуальных производителей;

б) экспроприировать средства производства в промышленности и передать их в общенародное пользование;

в) что касается мелких и средних индивидуальных производителей, объединять их постепенно в производственные кооперативы, т.е. в крупные сельскохозяйственные предприятия, колхозы;

г) развивать всемерно индустрию и подвести под колхозы современную техническую базу крупного производства, причем не экспроприировать их, а, наоборот, усиленно снабжать их первоклассными тракторами и другими машинами;

д) для экономической же смычки города и деревни, промышленности и сельского хозяйства сохранить на известное время товарное производство (обмен через куплю-продажу), как единственно приемлемую для крестьян форму экономических связей с городом, и развернуть всю советскую торговлю, государственную и коллективно-колхозную, вытесняя из товарооборота всех и всяких капиталистов.

История нашего социалистического строительства показывает, что этот путь развития, начертанный Лениным, полностью оправдал себя.

Не может быть сомнения, что для всех капиталистических стран, имеющих более или менее многочисленный класс мелких и средних производителей, этот путь развития является единственно возможным и целесообразным для победы социализма.

Говорят, что товарное производство все же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно. Не всегда и не при всех условиях! Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства.

Ну а если нет этих условий в наличии, превращающих товарное производство в капиталистическое произ-

водство, если средства производства составляют уже не частную, а социалистическую собственность, если системы наемного труда не существует и рабочая сила не является больше товаром, если система эксплуатации давно уже ликвидирована, — как быть тогда: можно ли считать, что товарное производство все же приведет к капитализму? Нет, нельзя считать. А ведь наше общество является именно таким обществом, где частная собственность на средства производства, система наемного труда, система эксплуатации давно уже не существует.

Нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму. Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь в виду, что товарное производство не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?

Говорят, что после того, как установилось в нашей стране господство общественной собственности на средства производства, а система наемного труда и эксплуатация ликвидирована, существование товарного производства потеряло смысл, что следовало бы ввиду этого устранить товарное производство.

Это также неверно. В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная — общенародная и колхозная, которую нельзя назвать общенародной. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут ее продать, купить, сдать в аренду или заложить.

Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы. Но колхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют. Поэтому товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота.

Конечно, когда вместо двух основных производственных секторов, государственного и колхозного, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжаться всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его «денежным хозяйством» исчезнет как ненужный элемент народного хозяйства. Но пока этого нет, пока остаются два основных производственных сектора, товарное производство и товарное обраще-

ние должны остаться в силе, как необходимый и весьма полезный элемент в системе нашего народного хозяйства. Каким образом произойдет создание единого объединенного сектора, путем ли простого поглощения колхозного сектора государственным сектором, что мало вероятно (ибо это было бы воспринято как экспроприация колхозов), или путем организации единого общенародного органа (с представительством от госпромышленности и колхозов) с правом сначала учета потребительской продукции страны, а с течением времени — также распределения продукции в порядке, скажем, продуктообмена, — это вопрос особый, требующий отдельного обсуждения.

Следовательно, наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным сектором» дело развития и укрепления социалистического производства.

Поэтому совершенно не правы те товарищи, которые заявляют, что, поскольку социалистическое общество не ликвидирует товарные формы производства, у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму: рабочая сила как товар, прибавочная стоимость, капитал, прибыль на капитал, средняя норма прибыли и т.п. Эти товарищи смешивают товарное производство с капиталистическим производством и полагают, что раз есть товарное производство, то должно быть и капиталистическое производство. Они не понимают, что наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме.

Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как «необходимый» и «прибавочный» труд, «необходимый» и «прибавочный» продукт, «необходимое» и «прибавочное» рабочее время. Маркс анализировал капитализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость, и дать рабочему классу, лишенному средств производства, духовное оружие для свержения капитализма. Понятно, что Маркс пользуется при этом понятиями (категориями), вполне соответствующими капиталистическим отношениям. Но более чем странно пользоваться теперь этими понятиями, когда рабочий класс не только не лишен власти и средств производства, а наоборот, держит в своих руках власть и владеет средствами производства. Довольно абсурдно звучат теперь, при нашем строе, слова о рабочей силе как товаре и о «найме» рабочих: как будто рабочий класс, владеющий средствами производства, сам себе нанимается и сам себе продает свою рабочую силу. Столь же странно теперь говорить о «необходимом» и «прибавочном» труде: как будто труд в наших условиях, отданный обществу на расширение производства, развитие образования, здравоохранения, на организацию обороны и т.д., не является столь же необходимым для рабочего класса, стоящего ныне у власти, как и труд, затраченный на покрытие личных потребностей рабочего и его семьи.

Следует отметить, что Маркс в своем труде «Критика Готской программы», где он исследует уже не капитализм, а, между прочим, первую фазу коммунистического общества, признает труд, отданный обществу на расширение производства, на образование, здравоохранение, управленческие расходы, образование резервов и т.д., столь же

необходимым, как и труд, затраченный на покрытие потребительских нужд рабочего класса.

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению. Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие.

3. ВОПРОС О ЗАКОНЕ СТОИМОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Иногда спрашивают: существует ли и действует ли у нас, при нашем социалистическом строе, закон стоимости?

Да, существует и действует. Там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закон стоимости.

Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления. Здесь, в этой области, закон стоимости сохраняют за собой, конечно, в известных пределах роль регулятора.

Но действия закона стоимости не ограничиваются сферой товарного обращения. Они распространяются также на производство. Правда, закон стоимости не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве, но он все же воздействует на производство, и этого нельзя не учитывать при руководстве производством. Дело в том, что потребительские продукты, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости. Здесь именно и открывается воздействие закона стоимости на производство. В связи с этим на наших предприятиях имеют ак-

туальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т.п. Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости.

Хорошо ли это? Не плохо. При нынешних наших условиях это действительно не плохо, так как это обстоятельство воспитывает наших хозяйственников в духе рационального ведения производства и дисциплинирует их. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников считать производственные величины, считать их точно и так же точно учитывать реальные вещи в производстве, а не заниматься болтовней об «ориентировочных данных», взятых с потолка. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников искать, находить и использовать скрытые резервы, таящиеся в недрах производства, а не топтать их ногами. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников систематически улучшать методы производства, снижать себестоимость производства, осуществлять хозяйственный расчет и добиваться рентабельности предприятий. Это — хорошая практическая школа, которая ускоряет рост наших хозяйственных кадров и превращение их в настоящих руководителей социалистического производства на нынешнем этапе развития.

Беда не в том, что закон стоимости воздействует у нас на производство. Беда в том, что наши хозяйственники и плановики, за немногими исключениями, плохо знакомы с действиями закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим собственно и объясняется та неразбериха, которая все еще стоит у нас в вопросе о политике цен. Вот один из многочисленных примеров. Некоторое время тому назад было решено упорядочить в интересах хлопководства соотношение цен на хлопок и на зерно, уточнить цены на зерно, продаваемое хлопкоробам, и поднять цены на хлопок, сдаваемый го-

сударству. В связи с этим наши хозяйственники и плановики внесли предложение, которое не могло не изумить членов ЦК, так как по этому предложению цена на тонну зерна предлагалось почти такая же, как цена на тонну хлопка, при этом цена на тонну зерна была приравнена к цене на тонну печеного хлеба. На замечания членов ЦК о том, что цена на тонну печеного хлеба должна быть выше цены на тонну зерна ввиду добавочных расходов на помол и выпечку, что хлопок вообще стоит намного дороже, чем зерно, о чем свидетельствуют также мировые цены на хлопок и на зерно, авторы предложения не могли сказать ничего вразумительного. Ввиду этого ЦК пришлось взять в свои руки, снизить цены на зерно и поднять цены на хлопок. Что было бы, если бы предложение этих товарищей получило законную силу? Мы разорили бы хлопкоробов и остались бы без хлопка.

Значит ли, однако, все это, что действие закона стоимости имеет у нас такой же простор, как при капитализме, что закон стоимости является у нас регулятором производства? Нет, не значит. На самом деле сфера действия закона стоимости при нашем экономическом строе строго ограничено и поставлено в рамки. Уже было сказано, что сфера действия товарного производства при нашем строе ограничено и поставлено в рамки. То же самое надо сказать о сфере действия закона стоимости. Несомненно, что отсутствие частной собственности на средства производства и обобществление средств производства как в городе, так и в деревне не могут не ограничивать сферу действия закона стоимости и степень его воздействия на производство.

В том же направлении действует закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, заменивший собой закон конкуренции и анархии производства.

В том же направлении действуют наши годовые и пятилетние планы и вообще вся наша хозяйственная поли-

тика, опирающаяся на требования закона планомерного закона развития народного хозяйства.

Все это вместе ведет к тому, что сфера действия закона стоимости строго ограничена у нас и закон стоимости не может при нашем строе играть роль регулятора производства.

Этим, собственно, и объясняется тот «поразительный» факт, что, несмотря на непрерывный и бурный рост нашего социалистического производства, закон стоимости не ведет нас к кризисам перепроизводства, тогда как тот же закон стоимости, имеющий широкую сферу действия при капитализме, несмотря на низкие темпы роста производства в капиталистических странах, — ведет к периодическим кризисам перепроизводства.

Говорят, что закон стоимости является постоянным законом, обязательным для всех периодов исторического развития, что если закон стоимости и потеряет силу как регулятор меновых отношений в период второй фазы коммунистического общества, то он сохранит на этой фазе развития свою силу как регулятор отношений между различными отраслями производства, как регулятор распределения труда между отраслями производства.

Это совершенно неверно. Стоимость, как закон стоимости, есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами и закон стоимости.

На второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости ее форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно — количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов. Что же касается распределения труда, то распределение труда между отраслями производства будет регулироваться не законом стоимости, который по-

теряет силу к этому времени, а ростом потребностей общества в продуктах. Это будет общество, где производство будет регулироваться потребностями общества, а учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов.

Совершенно неправильно также утверждение, что при нашем нынешнем экономическом строе, на первой фазе развития коммунистического общества, закон стоимости регулирует будто бы «пропорции» распределения труда между различными отраслями производства.

Если бы это было верно, то непонятно, почему у нас не развивают всю легкую промышленность, как наиболее рентабельную, преимущественно перед тяжелой промышленностью, являющейся часто менее рентабельной, а иногда и вовсе нерентабельной?

Если бы это было верно, то непонятно, почему не закрывают у нас ряд пока еще нерентабельных предприятий тяжелой промышленности, где труд рабочих не дает «должного эффекта», и не открывают новых предприятий безусловно рентабельной легкой промышленности, где труд рабочих мог бы дать «большой эффект»?

Если бы это было верно, то непонятно, почему не перебрасывают у нас рабочих из малорентабельных предприятий, хотя и очень нужных для народного хозяйства, в предприятия более рентабельные, согласно закону стоимости, якобы регулирующему «пропорции» распределения труда между отраслями производства?

Очевидно, что, идя по стопам этих товарищей, нам пришлось бы отказаться от примата производства средств производства в пользу производства средств потребления. А что значит отказаться от примата средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства, ибо невозможно осуществлять непрерывный рост народного хозяйства, не осуществляя вместе с тем примата производства средств производства.

Эти товарищи забывают, что закон стоимости может быть регулятором производства лишь при капитализме, при наличии частной собственности на средства производства, при наличии конкуренции, анархии производства, кризисов перепроизводства. Они забывают, что сфера действия закона стоимости ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства, — следовательно, ограничена также нашими годовыми и пятилетними планами, являющимися приблизительным отражением требований этого закона.

Некоторые товарищи делают отсюда вывод, что закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно. Дело обстоит как раз наоборот. Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10-15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами.

Короче: не может быть сомнения, что при наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть «регулятором пропорций» в деле распределения труда между различными отраслями производства.

4. ВОПРОС ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ, МЕЖДУ УМСТВЕННЫМ И ФИЗИЧЕСКИМ ТРУДОМ, А ТАКЖЕ ВОПРОС О ЛИКВИДА- ЦИИ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ НИМИ

Заголовок этот затрагивает ряд проблем, существенно отличающихся друг от друга, однако я объединяю их в одной главе не для того, чтобы смешать их друг с другом, а исключительно для краткости изложения.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством представляет известную проблему, давно уже поставленную Марксом и Энгельсом. Экономической основой этой противоположности является эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы при капитализме. Поэтому противоположность между городом и деревней при капитализме нужно рассматривать как противоположность интересов. На этой почве возникло враждебное отношение деревни к городу и вообще к «городским людям».

Несомненно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране должна была исчезнуть и противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Оно так и произошло. Огромная помощь нашему крестьянству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства

в дружбу между ними. Конечно, рабочее и колхозное крестьянство составляет все те же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в какой мере не ослабляет их дружбу. Наоборот, их интересы лежат на одной общей линии, на одной линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма. Не удивительно поэтому, что от бывшего недоверия, а тем более ненависти деревни к городу не осталось и следа.

Все это означает, что почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним нашим социалистическим строем.

Это, конечно, не значит, что уничтожение противоположности между городом и деревней должно повести к «гибели больших городов» (см. «Анти-Дюринг» Энгельса). Большие города не только не погибнут, но появятся еще новые большие города как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и в деревне.

Аналогичное положение имеем мы с проблемой уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Эта проблема также является известной проблемой, давно поставленной Марксом и Энгельсом. Экономической основой противоположности между умственным и физическим трудом является эксплуатация людей физического труда со стороны представителей умственного труда. Всем известен разрыв, существовавший при капитализме между людьми физического труда предприятий и руководящим персоналом. Известно, что на базе этого развивалось враждебное отношение рабочих к директору, к мастеру, к инженеру и другим представи-

телям технического персонала как их врагам. Понятно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации должна была исчезнуть и противоположность интересов между физическим и умственным трудом. И она действительно исчезла при нашем современном социалистическом строе. Теперь люди физического труда и руководящий персонал являются не врагами, а товарищами-друзьями, членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства. От былой вражды между ними не осталось и следа.

Совершенно другой характер имеет проблема исчезновения различий между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством), между физическим и умственным трудом. Эта проблема не ставилась классиками марксизма. Это — новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства.

Не является ли эта проблема надуманной, имеет ли она для нас какое-либо практическое или теоретическое значение? Нет, эту проблему нельзя считать надуманной. Наоборот, она является для нас в высшей степени серьезной проблемой.

Если взять, например, различие между сельским хозяйством и промышленностью, то оно сводится у нас не только к тому, что условия труда в сельском хозяйстве отличаются от условий труда в промышленности, но, прежде всего и главным образом к тому, что в промышленности мы имеем общенародную собственность на средства производства и продукцию производства, тогда как в сельском хозяйстве имеем не общенародную, а групповую, колхозную собственность. Уже говорилось, что это обстоятельство ведет к сохранению товарного обращения, что только с исчезновением этого различия между промышленностью и сельским хозяйством может исчезнуть товарное производство с вытекающими отсюда последст-

виями. Следовательно, нельзя отрицать, что исчезновение этого существенного различия между сельским хозяйством и промышленностью должно иметь для нас первостепенное значение.

То же самое нужно сказать о проблеме уничтожения существенного различия между трудом умственным и трудом физическим. Эта проблема имеет для нас также первостепенное значение. До начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом, а многие товарищи ставили даже вопрос о замедлении темпов развития промышленности. Объясняется это главным образом тем, что культурно-технический уровень рабочих был слишком низок и далеко отставал от уровня технического персонала. Дело, однако, изменилось коренным образом после того, как соцсоревнование приняло у нас массовый характер. Именно после этого промышленность пошла вперед ускоренным темпом. Почему соцсоревнование приняло массовый характер? Потому, что среди рабочих нашлись целые группы товарищей, которые не только освоили технический минимум, но пошли дальше, стали в уровень с техническим персоналом, стали поправлять техников, инженеров, ломать существующие нормы как устаревшие, вводить новые, более современные нормы и т.п. Что было бы, если бы не отдельные группы рабочих, а большинство рабочих подняло свой культурно-технический уровень до уровня инженерно-технического персонала? Наша промышленность была бы поднята на высоту, недостижимую для промышленности других стран. Следовательно, нельзя отрицать, что уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом путем поднятия культурно-технического персонала до уровня технического персонала не может не иметь для нас первостепенного значения.

Некоторые товарищи утверждают, что со временем исчезнет не только существенное различие между промыш-

ленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, но исчезнет также всякое различие между ними. Это неверно. Уничтожение существенного различия между промышленностью и сельским хозяйством не может привести к уничтожению всякого различия между ними. Какое-то различие, хотя и несущественное, безусловно, останется ввиду различий в условиях работы в промышленности и в сельском хозяйстве. Даже в промышленности, если иметь в виду различные ее отрасли, условия работы не везде одинаковы: условия работы, например, шахтеров отличаются от условий работы рабочих механизированной обувной фабрики, условия работы рудокопов отличаются от условий работы машиностроительных рабочих. Если это верно, то тем более должно сохраниться известное различие между промышленностью и сельским хозяйством.

То же самое надо сказать насчет различия между трудом умственным и трудом физическим. Существенное различие между ними в смысле разрыва в культурно-техническом уровне безусловно исчезнет. Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих.

Товарищи, утверждающие обратное, опираются, должно быть, на известную формулировку в некоторых моих выступлениях, где говорится об уничтожении различия между промышленностью и сельским хозяйством, между умственным и физическим трудом, без оговорки о том, что речь идет об уничтожении существенного, а не всякого различия. Но это значит, что формулировка была не точная, неудовлетворительная. Ее нужно откинуть и заменить другой формулировкой, говорящей об уничтожении существенных различий и сохранении несущественных различий между умственным и физическим трудом.

5. ВОПРОС О РАСПАДЕ ЕДИНОГО МИРОВОГО РЫНКА И УГЛУБЛЕНИИ КРИЗИСА МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Наиболее важным экономическим результатом Второй мировой войны и ее хозяйственных последствий нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы.

Вторая мировая война сама была порождена этим кризисом. Каждая из двух капиталистических коалиций, вцепившихся друг в друга во время войны, рассчитывала разбить противника и добиться мирового господства. В этом они искали выход из кризиса. Соединенные Штаты Америки рассчитывали вывести из строя наиболее опасных своих конкурентов, Германию и Японию, захватить зарубежные рынки, мировые ресурсы сырья и добиться мирового господства.

Однако война не оправдала этих надежд. Правда, Германия и Япония были выведены из строя как конкуренты трех главных капиталистических стран: США, Англии, Франции. Но наряду с этим от капиталистической системы отпали Китай и другие народно-демократические страны в Европе, образовав вместе с Советским Союзом единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Экономическим результатом существования двух противоположных лагерей явилось то, что единый всеохватывающий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу.

Следует отметить, что США и Англия с Францией сами содействовали, конечно, помимо своей воли, образованию и укреплению нового параллельного мирового рынка. Они подвергли экономической блокаде СССР, Ки-

тай и европейские народно-демократические страны, не вошедшие в систему «плана Маршалла», думая этим ухудшить их. На деле же получилось не ухудшение, а укрепление нового мирового рынка. Все же основное в этом деле состоит, конечно, не в экономической блокаде, а в том, что за период после войны эти страны экономически сомкнулись и наладили экономическое сотрудничество и взаимопомощь. Опыт этого сотрудничества показывает, что ни одна капиталистическая страна не могла бы оказать такой действительной и технически квалифицированной помощи народно-демократическим странам, какую оказывает им Советский Союз. Дело не только в том, что помощь эта является максимально дешевой и технически первоклассной. Дело прежде всего в том, что в основе этого сотрудничества лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъема. В результате мы имеем высокие темпы развития промышленности в этих странах. Можно с уверенностью сказать, что при таких темпах развития промышленности скоро дело дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпускать на сторону избыточные товары своего производства.

Но из этого следует, что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка.

Это чувствуют сами капиталисты, ибо трудно не почувствовать потерю таких рынков, как СССР, Китай. Они стараются перекрыть эти трудности «планом Маршалла», войной в Корее, гонкой вооружения, милитаризацией про-

мышленности. Но это очень похоже на то, что утопающие хватаются за соломинку.

В связи с таким положением перед экономистами встали два вопроса:

А) Можно ли утверждать, что известный тезис Сталина об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до Второй мировой войны, — все еще остается в силе?

Б) Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», — все еще остается в силе?

Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со Второй мировой войной, оба тезиса нужно считать утратившими силу.

6. ВОПРОС О НЕИЗБЕЖНОСТИ ВОЙН МЕЖДУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Некоторые товарищи утверждают, что, в силу развития новых международных условий после Второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, что Соединенные Штаты Америки достаточно подчинили себе другие капиталистические страны для того, чтобы не дать им воевать между собой и ослаблять друг друга, что передовые люди капитализма достаточно научены опытом двух мировых войн, нанесших серьезный ущерб всему капиталистическому миру, чтобы позволить себе вновь втянуть капиталистические страны в войну между собой, — что ввиду всего этого войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными.

Эти товарищи ошибаются. Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые, хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий.

Внешне все будто бы обстоит «благополучно»: Соединенные Штаты Америки посадили на паек Западную Европу, Японию и другие капиталистические страны; Германия (Западная), Англия, Франция, Италия, Япония, попавшие в лапы США, послушно выполняют веления США. Но было бы нелепо думать, что это «благополучие» может сохраниться «на веки вечные», что эти страны будут без конца терпеть господство и гнет Соединенных Штатов Америки, что они не попытаются вырваться из американской неволи и стать на путь самостоятельного развития.

Возьмем прежде всего Англию и Францию. Несомненно, что эти страны являются империалистическими. Несомненно, что дешевое сырье и обеспеченные рынки сбыта имеют для них первостепенное значение. Можно ли полагать, что они будут без конца терпеть нынешнее положение, когда американцы под шумок «помощи» по линии «плана Маршалла» внедряются в экономику Англии и Франции, стараясь превратить ее в придаток экономики Соединенных Штатов Америки, когда американский капитал захватывает сырье и рынки сбыта в англо-французских колониях и готовят, таким образом, катастрофу для высоких прибылей англо-французских капиталистов? Не вернее ли будет сказать, что капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними для того, чтобы обеспечить себе самостоятельное положение и, конечно, высокие прибыли?

Перейдем к главным побежденным странам, к Германии (Западной), Японии. Эти страны влачат теперь жалкое существование под сапогом американского империализма. Их промышленность и сельское хозяйство, их торговля, их внешняя и внутренняя политика, весь их быт

скованы американским «режимом» оккупации. А ведь эти страны вчера еще были великими империалистическими державами, потрясавшими основы господства Англии, США, Франции в Европе, в Азии. Думать, что эти страны не попытаются вновь подняться на ноги, сломить «режим» США и вырваться на путь самостоятельного развития — значит верить в чудеса.

Говорят, что противоречия между капитализмом и социализмом сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами. Теоретически это, конечно, верно. Это верно не только теперь, в настоящее время, — это было верно также перед Второй мировой войной. И это более или менее понимали руководители капиталистических стран. И все же Вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами. Почему? Потому, во-первых, что война с СССР, как со страной социализма, опаснее для капитализма, чем война между капиталистическими странами, ибо если война между капиталистическими странами ставит вопрос только о преобладании таких-то капиталистических стран над другими капиталистическими странами, то война с СССР обязательно должна поставить вопрос о существовании самого капитализма. Потому, во-вторых, что капиталисты, хотя и шумят в целях «пропаганды» об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, так как они учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что Советский Союз сам не нападет на капиталистические страны.

После Первой мировой войны тоже считали, что Германия окончательно выведена из строя, так же как некоторые товарищи думают теперь, что Япония и Германия выведены из строя. То же говорили и шумели в прессе о том, что Соединенные Штаты Америки посадили Европу на паяк, что Германия не может больше встать на ноги, что отныне войны между капиталистическими странами не должно быть. Однако, несмотря на это, Германия

встала на ноги как великая держава через каких-либо 15-20 лет после своего поражения, вырвавшись из неволи и став на путь самостоятельного развития. При этом характерно, что не кто иной, как Англия и Соединенные Штаты Америки помогли Германии подняться экономически и поднять ее военно-экономический потенциал. Конечно, США и Англия, помогая Германии подняться экономически, имели при этом в виду направить поднявшуюся Германию против Советского Союза, использовать ее против страны социализма. Однако Германия направила свои силы в первую очередь против англо-франко-американского блока. И когда гитлеровская Германия объявила войну Советскому Союзу, то англо-франко-американский блок не только не присоединился к гитлеровской Германии, а, наоборот, был вынужден вступить в коалицию с СССР против гитлеровской Германии.

Следовательно, борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма.

Спрашивается, какая имеется гарантия, что Германия и Япония не поднимутся вновь на ноги, что они не попытаются вырваться из американской неволи и зажить своей самостоятельной жизнью? Я думаю, что таких гарантий нет. Но из этого следует, что неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе.

Говорят, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, против новой мировой войны. Это неверно.

Современное движение за мир имеет своей целью поднять народные массы на борьбу за сохранение мира, за предотвращение новой мировой войны. Следовательно, оно не преследует цели свержения капитализма, — оно ограничивается демократическими целями борьбы за сохра-

нение мира. В этом отношении современное движение за сохранение мира отличается от движения в период Первой мировой войны за превращение войны империалистической в гражданскую войну, так как это последнее движение шло дальше и преследовало социалистические цели.

Возможно, что при известном стечении обстоятельств, борьба за мир разовьется кое-где в борьбу за социализм, но это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма.

Вероятнее всего, что современное движение за мир, как движение за сохранение мира, в случае успеха приведет к предотвращению данной войны, к временной ее отсрочке, к временному сохранению данного мира, к отставке воинствующего правительства и замене его другим правительством, готовым временно сохранить мир. Это, конечно, хорошо. Даже очень хорошо. Но этого все же недостаточно для того, чтобы уничтожить неизбежность войн вообще между капиталистическими странами. Недостаточно, так как при всех этих успехах движения в защиту мира империализм все же сохраняется, остается в силе, — следовательно, остается в силе также неизбежность войн.

Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм.

7. ВОПРОС ОБ ОСНОВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА

Как известно, вопрос об основных экономических законах капитализма и социализма несколько раз выдвигался на дискуссии. Высказывались различные мнения на этот счет вплоть до самых фантастических. Правда, большинство участников дискуссии слабо реагировали на это дело, и никакого решения на этот счет не было намечено.

Однако никто из участников дискуссии не отрицал существования таких законов.

Существует ли основной экономический закон капитализма? Да, существует. Что это за закон, в чем состоят его характерные черты? Основной экономический закон капитализма — это такой закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития капиталистического производства, а все главные стороны и все главные процессы этого развития, — следовательно, определяет существо капиталистического производства, его сущность.

Не является ли закон стоимости основным экономическим законом капитализма? Нет. Закон стоимости есть прежде всего закон товарного производства. Он существовал до капитализма и продолжает существовать, как и товарное производство, после свержения капитализма, например, в нашей стране, правда, с ограниченной сферой действия. Конечно, закон стоимости, имеющий широкую сферу действия в условиях капитализма, играет большую роль в деле развития капиталистического производства, но он не только не определяет существования капиталистического производства и основ капиталистической прибыли, но даже не ставит таких проблем. Поэтому он не может быть основным экономическим законом современного капитализма.

По тем же соображениям не может быть основным экономическим законом капитализма закон конкуренции и анархии производства, или закон неравномерного развития капитализма в различных странах.

Говорят, что закон средней нормы прибыли является основным экономическим законом современного капитализма. Это неверно. Современный капитализм, монополистический капитализм, не может удовлетворяться средней прибылью, которая к тому же имеет тенденцию к снижению ввиду повышения органического состава капитала. Современный монополистический капитализм тре-

бует не средней прибыли, а максимума прибыли, необходимого для того, чтобы осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство.

Более всего подходит к понятию основного экономического закона капитализма закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания капиталистической прибыли. Он действительно предопределяет основные черты капиталистического производства. Но закон прибавочной стоимости является слишком общим законом, не затрагивающим проблемы высшей нормы прибыли, обеспечение которой является условием развития монополистического капитализма. Чтобы восполнить этот пробел, нужно конкретизировать закон прибавочной стоимости и развить его дальше применительно к условиям монополистического капитализма, учтя при этом, что монополистический капитализм требует не всякой прибыли, а именно максимальной прибыли. Это и будет основной экономической закон современного капитализма.

Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей.

Говорят, что среднюю прибыль все же можно бы считать вполне достаточной для капиталистического развития в современных условиях. Это неверно. Средняя прибыль есть низший предел рентабельности, ниже которого капиталистическое производство становится невозможным. Но было бы смешно думать, что воротилы современного монополистического капитализма, захватывая колонии, порабощая народы и затеявая войны, стараются обес-

печить себе всего лишь среднюю прибыль. Нет, не средняя прибыль и не сверхприбыль, представляющая, как правило, всего лишь некоторое превышение над средней прибылью, а именно максимальная прибыль является двигателем монополистического капитализма. Именно необходимость получения максимальных прибылей толкает монополистический капитализм на такие рискованные шаги, как закабаление и систематическое ограбление колоний и других отсталых стран, превращение их в зависимые страны, организация новых войн, являющихся для воротил современного капитализма лучшим «бизнесом» для извлечения максимальных прибылей, наконец, попытки завоевания мирового экономического господства.

Значение основного экономического закона капитализма состоит между прочим в том, что он, определяя все важнейшие явления в области развития капиталистического способа производства, его подъемы и кризисы, его победы и поражения, его достоинства и недостатки, — весь этот процесс его противоречивого развития, — дает возможность понять и объяснить их.

Вот один из многочисленных «поразительных» примеров.

Всем известны факты из истории и практики капитализма, демонстрирующие бурное развитие техники при капитализме, когда капиталисты выступают как знаменосцы передовой техники, как революционеры в области развития техники производства. Но известны также факты другого рода, демонстрирующие приостановку развития техники при капитализме, когда капиталисты выступают как реакционеры в области развития новой техники и переходят нередко на ручной труд.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Его можно объяснить лишь основным экономическим законом современного капитализма, то есть необходимостью получения максимальных прибылей. Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капи-

тализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей.

Так обстоит дело с основным экономическим законом современного капитализма. Существует ли основной экономический закон социализма? Да, существует. В чем состоят существенные черты и требования этого закона? Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Следовательно: вместо обеспечения максимальных прибылей, — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от подъема к кризису и от кризиса к подъему, — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники.

Говорят, что основным экономическим законом социализма является закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Это неверно. Планомерное развитие народного хозяйства, а значит, и планирование народного хозяйства, являющееся более или менее верным отражением этого закона, сами по себе ничего не могут дать, если неизвестно, во имя какой задачи совершается плановое развитие народного хозяйства или если задача не ясна. Закон планомерного развития народного хозяйства может дать должный эффект лишь в том случае, если имеется задача, во имя осуществления которой совершается плановое развитие народного

хозяйства. Эту задачу не может дать сам закон планомерного развития народного хозяйства. Ее тем более не может дать планирование народного хозяйства. Эта задача содержится в основном экономическом законе социализма в виде его требований, изложенных выше. Поэтому действия закона планомерного развития народного хозяйства могут получить полный простор лишь в том случае, если они опираются на основной экономический закон социализма.

Что касается планирования народного хозяйства, то оно может добиться положительных результатов лишь при соблюдении двух условий: а) если оно правильно отражает требования закона планомерного развития народного хозяйства, б) если оно соотносится во всем с требованиями основного экономического закона социализма.

8. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

1) Вопрос о внеэкономическом принуждении при феодализме.

Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю.

2) Вопрос о личной собственности колхозного двора.

Неправильно было бы сказать в проекте учебника, что «каждый колхозный двор имеет в личном пользовании корову, мелкий скот и птицу». На самом деле, как известно, корова, мелкий скот, птица и т.д. находятся не в личном пользовании, а в личной собственности колхозного двора. Выражение «в личном пользовании» взято, по-видимому, из Примерного устава сельскохозяйственной артели. Но в Примерном уставе сельскохозяйственной артели допущена ошибка. В Конституции СССР, которая разрабатывалась более тщательно, сказано другое, а именно:

«Каждый колхозный двор... имеет в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь».

Это, конечно, правильно.

Следовало бы, кроме того, поподробнее сказать, что каждый колхозник имеет в личной собственности от одной до столько-то коров, смотря по местным условиям, столько-то овец, коз, свиней (тоже от — до, смотря по местным условиям) и неограниченное количество домашней птицы (уток, гусей, кур, индюшек).

Эти подробности имеют большое значение для наших зарубежных товарищей, которые хотят знать точно, что же, собственно, осталось у колхозного двора в его личной собственности, после того как осуществлена у нас коллективизация сельского хозяйства.

3) Вопрос о стоимости арендной платы крестьян помещикам, а также о стоимости расходов на покупку земли.

В проекте учебника сказано, что в результате национализации земли «крестьянство освободилось от арендных платежей помещикам в сумме около 500 миллионов рублей ежегодно» (надо сказать «золотом»). Эту цифру следовало бы уточнить, так как она учитывает, как мне кажется, арендную плату не во всей России, а только в большинстве губерний России. Надо при этом иметь в виду, что в ряде окраин России арендная плата уплачивалась натурой, что, видимо, не учтено авторами учебника. Кроме того, нужно иметь в виду, что крестьянство освободилось не только от арендной платы, но и от ежегодных расходов на покупку земли. Учтено ли это в проекте учебника? Мне кажется, что не учтено, а следовало бы учесть.

4) Вопрос о сращивании монополий с государственным аппаратом.

Выражение «сращивание» не подходит. Это выражение поверхностно и описательно отмечает сближение мо-

нополий и государства, но не раскрывает экономического смысла этого сближения. Дело в том, что в процессе этого сближения происходит не просто сращивание, а подчинение государственного аппарата монополистам. Поэтому следовало бы выкинуть слово «сращивание» и заменить его словами «подчинение государственного аппарата монополиям».

5) Вопрос о применении машин в СССР.

В проекте учебника сказано, что «в СССР машины применяются во всех случаях, когда они сберегают труд обществу». Это не совсем то, что следовало бы сказать. Во-первых, машины в СССР всегда сберегают труд обществу, ввиду чего мы не знаем случаев, когда бы они в условиях СССР не сберегали труд обществу. Во-вторых, машины не только сберегают труд, но они вместе с тем облегчают труд работников, ввиду чего в наших условиях, в отличие от условий капитализма, рабочие с большой охотой используют машины в процессе труда.

Поэтому следовало бы сказать, что нигде так охотно не применяются машины, как в СССР, ибо машины сберегают труд обществу и облегчают труд рабочих, и, так как в СССР нет безработицы, рабочие с большой охотой используют машины в народном хозяйстве.

6) Вопрос о материальном положении рабочего класса в капиталистических странах.

Когда говорят о материальном положении рабочего класса, обычно имеют в виду занятых в производстве рабочих и не принимают в расчет материальное положение так называемой резервной армии безработных. Правильно ли такое отношение к вопросу о материальном положении рабочего класса? Я думаю, что неправильно. Если существует резервная армия безработных, членам которой нечем жить, кроме как продажей своей рабочей силы, то безработные не могут не входить в состав рабочего класса, но если они входят в состав рабочего класса, их ни-

щенское положение не может не влиять на материальное положение рабочих, занятых в производстве. Я думаю поэтому, что при характеристике материального положения рабочего класса в капиталистических странах следовало бы принять в расчет также положение резервной армии безработных рабочих.

7) Вопрос о национальном доходе.

Я думаю, что следовало бы безусловно включить в проект учебника новую главу о национальном доходе.

8) Вопрос о специальной главе в учебнике о Ленине и Сталине как о создателях политической экономии социализма.

Я думаю, что главу «Марксистское учение о социализме. Создание В.И.Лениным и И.В.Сталиным политической экономии социализма» следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника.

Что касается остальных вопросов, у меня нет каких-либо замечаний к «предложениям» товарищей Острови-
тянова, Леонтьева, Шепилова, Гатовского и других.

9. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО УЧЕБНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Я думаю, что товарищи не учитывают всего значения марксистского учебника политической экономии. Учебник нужен не только для нашей советской молодежи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам. Наши зарубежные товарищи хотят знать, каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недав-

но еще нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление средств производства, не уничтожаем товарного производства, денег, торговли и т.д. Они хотят знать все это и многое другое не для простого любопытства, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своей страны. Поэтому появление хорошего марксистского учебника политической экономии имеет не только внутриполитическое, но и большое международное значение.

Нужен, следовательно, учебник, который мог бы служить настольной книгой революционной молодежи не только внутри страны, но и за рубежом. Он не должен быть слишком объемистым, так как слишком объемистый учебник не может быть настольной книгой и его трудно будет освоить — одолеть. Но он должен содержать все основное, касающееся как экономики нашей страны, так и экономики капитализма и колониальной системы.

Некоторые товарищи предлагали во время дискуссии включить в учебник целый ряд новых глав, истории — по истории, политики — по политике, философы — по философии, экономисты — по экономике. Но это привело бы к тому, что учебник разросся бы до необъятных размеров. Этого, конечно, нельзя допустить. Учебник использует исторический метод для иллюстрации проблем политической экономии, но это еще не значит, что мы должны превратить учебник политической экономии в историю экономических отношений.

Нам нужен учебник в 500, максимум в 600 страниц, — не больше. Это будет настольная книга по марксистской политической экономии, — хороший подарок молодым коммунистам всех стран.

Впрочем, ввиду недостаточного уровня марксистского развития большинства компартий западных стран, такой учебник мог бы принести большую пользу также и не молодым кадровым коммунистам этих стран.

10. ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ ПРОЕКТА УЧЕБНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Некоторые товарищи во время дискуссии слишком усердно «разносили» проект учебника, ругали его авторов за ошибки и упущения, утверждали, что проект не удался. Это несправедливо. Конечно, ошибки и упущения имеются в учебнике, — они почти всегда бывают в большом деле. Но как бы там ни было, подавляющее число участников дискуссии все же признало, что проект учебника может служить основой будущего учебника и нуждается лишь в некоторых поправках и дополнениях.

Действительно, стоит только сравнить проект учебника с имеющимися в обращении учебниками политической экономии, чтобы прийти к выводу, что проект учебника стоит на целую голову выше существующих учебников. В том большая заслуга авторов проекта учебника.

Я думаю, что для улучшения проекта учебника следовало бы назначить немногочисленную комиссию со включением туда не только авторов учебника и не только сторонников большинства участников дискуссии, но и противников большинства, ярых критиков проекта учебника.

Хорошо было бы включить в комиссию также опытного статистика для проверки цифр и внесения в проект новых статистических материалов, а также опытного юриста для проверки точности формулировок.

Членов комиссии следовало бы освободить временно от всякой другой работы, обеспечив их полностью в материальном отношении, с тем чтобы они могли целиком отдаться работе над учебником.

Кроме того, следовало бы назначить редакционную комиссию, скажем, из трех человек для окончательной редакции учебника. Это необходимо также для того, что-

бы добиться единства стиля, которого нет, к сожалению, в проекте учебника.

Срок представления готового учебника в ЦК — 1 год.

И. СТАЛИН

1952 г. 1 февраля

ОТВЕТ Т-ЩУ НОТКИНУ АЛЕКСАНДРУ ИЛЬИЧУ

Товарищ Ноткин!

Я не торопился с ответом, так как поставленные Вами вопросы не считаю срочными. Тем более, что есть другие вопросы, имеющие срочный характер, которые, естественно, отвлекают внимание в сторону от вашего письма.

Отвечаю по пунктам.

По пункту первому.

В «Замечаниях» имеется известное положение о том, что общество не бессильно перед лицом законов науки, что люди могут, познав экономические законы, использовать их в интересах общества. Вы утверждаете, что это положение не может быть распространено на другие формации общества, что оно может иметь силу лишь при социализме и коммунизме, что стихийный характер экономических процессов, например, при капитализме не дает обществу возможности использовать экономические законы в интересах общества.

Это неверно. В эпоху буржуазной революции, например, во Франции буржуазия использовала против феодализма известный закон об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил, низвергла феодальные производственные отношения, создала новые, буржуазные производственные отношения и привела эти производственные отношения в соответствие с характером производительных сил, вырос-

ших в недрах феодального строя. Буржуазия сделала это не в силу особых своих способностей, а потому, что она кровно была заинтересована в этом. Феодалы сопротивлялись этому делу не в силу своей тупости, а потому, что они кровно были заинтересованы помешать осуществлению этого закона.

То же самое надо сказать о социалистической революции в нашей стране. Рабочий класс использовал закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, ниспроверг буржуазные производственные отношения, создал новые, социалистические производственные отношения и привел их в соответствие с характером производительных сил. Он мог это сделать не в силу своих способностей, а потому, что он кровно был заинтересован в этом деле. Буржуазия, которая из передовой силы на заре буржуазной революции успела уже превратиться в контрреволюционную силу, всячески сопротивлялась проведению этого закона в жизнь, — сопротивлялась не в силу своей неорганизованности и не потому, что стихийный характер экономических процессов толкал ее на сопротивление, а главным образом потому, что она была кровно заинтересована против проведения этого закона в жизнь.

Следовательно:

1. Использование экономических процессов, экономических законов в интересах общества происходит в той или иной мере не только при социализме и коммунизме, но и при других формациях;

2. Использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку, причем знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу.

Разница в этом деле между пролетариатом, с одной стороны, и другими классами, когда-либо совершившими

на протяжении истории перевороты в производственных отношениях, с другой стороны, состоит в том, что классовые интересы пролетариата сливаются с интересами подавляющего большинства общества, ибо революция пролетариата означает не уничтожение той или иной формы эксплуатации, а уничтожение всякой эксплуатации, тогда как революции других классов, уничтожая лишь ту или иную форму эксплуатации, ограничивались рамками их узкоклассовых интересов, находящихся в противоречии с интересами большинства общества.

В «Замечаниях» говорится о классовой подоплеке дела использования экономических законов в интересах общества. Там сказано, что «в отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона происходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживших сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил». Однако вы не обратили на это внимания.

По пункту второму.

Вы утверждаете, что полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил может быть достигнуто лишь при социализме и коммунизме, а при других формациях может быть осуществлено лишь неполное соответствие.

Это неверно. В эпоху после буржуазной революции, когда буржуазия разрушила феодальные производственные отношения и установила буржуазные производственные отношения, безусловно были периоды, когда буржуазные производственные отношения полностью соответствовали характеру производительных сил. В противном случае капитализм не мог бы развиваться с такой быстротой, с какой он развивался после буржуазной революции.

Далее, нельзя понимать в абсолютном смысле слова «полное соответствие». Их нельзя понимать так, что буд-

то бы при социализме не существует никакого отставания производственных отношений от роста производительных сил. Производительные силы являются наиболее подвижными и революционными силами производства. Они бесспорно идут впереди производственных отношений и при социализме. Производственные отношения спустя лишь некоторое время преобразуются применительно к характеру производительных сил.

Как же в таком случае понимать слова «полное соответствие»? Их следует понимать так, что при социализме дело обычно не доходит до конфликта между производственными отношениями и производительными силами, что общество имеет возможность своевременно привести в соответствие отстающие производственные отношения с характером производительных сил. Социалистическое общество имеет возможность сделать это, потому что оно не имеет в своем составе отживающих классов, могущих организовать сопротивление. Конечно, и при социализме будут отстающие инертные силы, не понимающие необходимости изменения в производственных отношениях, но их, конечно, не трудно будет преодолеть, не доводя дела до конфликта.

По пункту третьему.

Из Ваших рассуждений вытекает, что средства производства и прежде всего орудия производства, производимые нашими национализированными предприятиями, Вы рассматриваете как товар.

Можно ли рассматривать средства производства при нашем социалистическом строе как товар? По-моему, никак нельзя.

Товар есть такой продукт производства, который продается любому покупателю, причем при продаже товара товаровладелец теряет право собственности на него, а покупатель становится собственником товара, который может перепродать, заложить, сгноить его. Подходят ли

средства производства под такое определение? Ясно, что не подходят. Во-первых, средства производства «продаются» не всякому покупателю, они не «продаются» даже колхозам, они только распределяются государством среди своих предприятий. Во-вторых, владелец средств производства — государство при передаче их тому или иному предприятию ни в какой мере не теряет права собственности на средства производства, а, наоборот, полностью сохраняет его. В-третьих, директора предприятий, получившие от государства средства производства, не только не становятся их собственниками, а, наоборот, утверждают, как уполномоченные советского государства по использованию средств производства, согласно планам, преданным государством.

Как видно, средства производства при нашем строе нельзя подвести под категорию товаров.

Почему же в таком случае говорят о стоимости средств производства, об их себестоимости, об их цене и т.п.?

По двум причинам.

Во-первых, это необходимо для калькуляции, для расчетов, для определения доходности и убыточности предприятий, для проверки и контроля предприятий. Но это всего лишь формальная сторона дела.

Во-вторых, это необходимо для того, чтобы в интересах внешней торговли осуществить дело продажи средств производства иностранным государствам. Здесь, в области внешней торговли, но только в этой области, наши средства производства действительно являются товарами и они действительно продаются (без кавычек).

Выходит таким образом, что в области внешнеторгового оборота средства производства, производимые нашими предприятиями, сохраняют свойства товаров как по существу, так и формально, тогда как в области экономического оборота внутри страны средства производства теряют свойства товаров, перестают быть товарами и выходят за

пределы сферы действия закона стоимости, сохраняя лишь внешнюю оболочку товаров (калькуляция и пр.).

Чем объяснить это своеобразие?

Дело в том, что в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя его для развития нового. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем.

Если подойти к делу с точки зрения формальной, с точки зрения процессов, происходящих по поверхности явлений, можно прийти к неправильному выводу о том, что категории капитализма сохраняют будто бы силу в нашей экономике. Если же подойти к делу с марксистским анализом, делающим строгое различие между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, — то можно прийти к единственно правильному выводу о том, что от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства.

По пункту четвертому.

Вы утверждаете, что закон стоимости оказывает регулирующее воздействие на цены «средств производства», изготавливаемых в сельском хозяйстве и сдаваемых государству по заготовительным ценам. Вы имеете при этом в виду такие «средства производства», как сырье, например

хлопок. Вы могли бы добавить к этому также лен, шерсть и прочее сельскохозяйственное сырье.

Следует прежде всего отметить, что в данном случае сельское хозяйство производит не «средства производства», а одно из средств производства — сырье. Нельзя играть словами «средства производства». Когда марксисты говорят о производстве средств производства, они имеют в виду прежде всего производство орудий производства, — то, что Маркс называет «механическими средствами труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства», составляющей «характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства». Ставить на одну доску часть средств производства (сырье) и средства производства, в том числе орудия производства, — значит грешить против марксизма, ибо марксизм исходит из определенной роли орудий производства в сравнении со всеми другими средствами производства. Всякому известно, что сырье само по себе не может производить орудий производства, хотя некоторые виды сырья и необходимы как материал для производства орудий производства, тогда как никакое сырье не может быть произведено без орудий производства.

Далее. Является ли воздействие закона стоимости на цену сырья, производимого в сельском хозяйстве, регулирующим воздействием, как это утверждает Вы, товарищ Ноткин? Оно было бы регулирующим, если бы у нас существовала «свободная» игра цен на сельскохозяйственное сырье, если бы у нас действовал закон конкуренции и анархии производства, если бы у нас не было планового хозяйства, если бы производство сырья не регулировалось планом. Но так как все эти «если» отсутствуют в системе нашего народного хозяйства, то воздействие закона стоимости на цену сельскохозяйственного сырья никак не может быть регулирующим. Во-первых, цены у нас на сельскохозяйственное сырье твердые, установленные пла-

ном, а не «свободные». Во-вторых, размеры производства сельскохозяйственного сырья определяются не стихией и не какими-либо случайными элементами, а планом. В-третьих, орудия производств, необходимые для производства сельскохозяйственного сырья, сосредоточены не в руках отдельных лиц или групп лиц, а в руках государства. Что же остается после этого от регулирующей роли закона стоимости? Выходит, что сам закон стоимости регулируется указанными выше фактами, свойственными социалистическому производству.

Следовательно, нельзя отрицать того, что закон стоимости воздействует на образование цен сельскохозяйственного сырья, что он является одним из факторов этого дела. Но тем более нельзя отрицать и того, что это воздействие не является и не может быть регулирующим.

По пункту пятому.

Говоря о рентабельности социалистического народного хозяйства, я возражал в своих «Замечаниях» некоторым товарищам, которые утверждают, что, поскольку наше плановое народное хозяйство не дает большого предпочтения рентабельным предприятиям и допускает существование наряду с этими предприятиями также и нерентабельных предприятий, — оно убивает будто бы самый принцип рентабельности в хозяйстве. В «Замечаниях» сказано, что рентабельность с точки зрения отдельных предприятий и отраслей производства не идет ни в какое сравнение с той высшей рентабельностью, которую дает нам социалистическое производство, избавляя нас от кризисов перепроизводства и обеспечивая нам непрерывный рост производства.

Но было бы неправильно делать из этого вывод, что рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства не имеет особой ценности и не заслуживает того, чтобы обратить на нее серьезное внимание. Это, конечно, неверно. Рентабельность отдельных предприятий и отрас-

лей производства имеет громадное значение с точки зрения развития нашего производства. Она должна быть учитываема как при планировании строительства, так и при планировании производства. Это — азбука нашей хозяйственной деятельности на нынешнем этапе развития.

По пункту шестому.

Неясно, как нужно понимать Ваши слова, касающиеся капитализма: «расширенное производство в сильно деформированном виде». Нужно сказать, что таких производств, да еще расширенных, не бывает на свете.

Очевидно, что после того, как мировой рынок раскололся и сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам стала сокращаться, циклический характер развития капитализма — рост и сокращение производства — должен все же сохраниться. Однако рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться.

По пункту седьмому.

Общий кризис мировой капиталистической системы начался в период Первой мировой войны, особенно в результате отпадения Советского Союза от капиталистической системы. Это был первый этап общего кризиса. В период Второй мировой войны развернулся второй этап общего кризиса, особенно после отпадения от капиталистической системы народно-демократических стран в Европе и в Азии. Первый кризис в период Первой мировой войны и второй кризис во время Второй мировой войны нужно рассматривать не как отдельные, оторванные друг от друга самостоятельные кризисы, а как этапы развития общего кризиса мировой капиталистической системы.

Является ли общий кризис мирового капитализма только политическим или только экономическим кризисом? Ни то ни другое. Он является общим, т.е. всесторонним, кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику. При этом понятно,

что в основе его лежит все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демократических стран, с другой стороны.

И.СТАЛИН

21 апреля 1952 г.

ОБ ОШИБКАХ Т. ЯРОШЕНКО Л.Д.

Членам Политбюро ЦК ВКП(б) недавно было разослано товарищем Ярошенко письмо от 20 марта сего года по ряду экономических вопросов, обсуждавшихся на известной ноябрьской дискуссии. В письме имеется жалоба его автора на то, что в основных обобщающих документах по дискуссии, так же как и в «Замечаниях» товарища Сталина, «не нашла никакого отражения точка зрения» т. Ярошенко. В записке имеется, кроме того, предложение т. Ярошенко о том, чтобы разрешить ему составить «Политическую экономию социализма» в течение одного года или полутора лет, дав ему для этого двух помощников.

Я думаю, что придется рассмотреть по существу как жалобу т. Ярошенко, так и его предложение.

Начнем с жалобы.

Итак, в чем состоит «точка зрения» т. Ярошенко, которая не получила никакого отражения в названных выше документах.

1. ГЛАВНАЯ ОШИБКА т. ЯРОШЕНКО

Если охарактеризовать точку зрения т. Ярошенко в двух словах, то следует сказать, что она является немарксистской, — следовательно, глубоко ошибочной.

Главная ошибка т. Ярошенко состоит в том, что он отходит от марксизма в вопросе о роли производительных сил и производственных отношений в развитии общества, чрезмерно преувеличивает роль производительных сил, также чрезмерно преуменьшает роль производственных отношений и кончает дело тем, что объявляет производственные отношения частью производительных сил.

Тов. Ярошенко согласен признать некоторую роль за производственными отношениями в условиях «антагонистических классовых противоречий», поскольку здесь производственные отношения «противоречат развитию производительных сил». Но эту роль он ограничивает отрицательной ролью, ролью фактора, тормозящего развитие производительных сил, сковывающего их развитие. Других функций, каких-либо положительных функций производственных отношений т. Ярошенко не видит.

Что касается социалистического строя, где уже нет «антагонистических классовых противоречий» и где производственные отношения «больше не противоречат развитию производительных сил», — то т. Ярошенко считает, что здесь какая бы то ни было самостоятельная роль производственных отношений исчезает, производственные отношения перестают быть серьезным фактором развития и они поглощаются производительными силами, как часть целым. При социализме «производственные отношения людей, говорит т. Ярошенко, входят в организацию производительных сил, как средство, как момент этой организации» (см. письмо т. Ярошенко в Политбюро ЦК).

Какова же в таком случае главная задача Политической экономии социализма? Тов. Ярошенко отвечает: «Главная проблема Политической экономии социализма поэтому не в том, чтобы изучать производственные отношения людей социалистического общества, а в том, чтобы разрабатывать и развивать научную теорию организации производительных сил в общественном производ-

ве, теорию планирования развития народного хозяйства» (см. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Этим, собственно, и объясняется, что т. Ярошенко не интересуется такими экономическими вопросами социалистического строя, как наличие различных форм собственности в нашей экономике, товарное обращение, закон стоимости и проч., считая их второстепенными вопросами, вызывающими лишь схоластические споры. Он прямо заявляет, что в его Политической экономии социализма «споры о роли той или другой категории политической экономии социализма — стоимость, товар, деньги, кредит и др., — принимающие зачастую у нас схоластический характер, заменяются здравыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве, научном обосновании такой организации» (см. речь т. Ярошенко на Секции Пленума дискуссии).

Следовательно, политическая экономия без экономических проблем.

Тов. Ярошенко думает, что достаточно наладить «рациональную организацию производительных сил», чтобы переход от социализма к коммунизму произошел без особых трудностей. Он считает, что этого вполне достаточно для перехода к коммунизму. Он прямо заявляет, что «при социализме основная борьба за построение коммунистического общества сводится к борьбе за правильную организацию производительных сил и рациональное их использование в общественном производстве» (см. речь на Пленуме дискуссии). Тов. Ярошенко торжественно провозглашает, что «Коммунизм — это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Выходит, оказывается, что существо коммунистического строя исчерпывается «рациональной организацией производительных сил».

Из всего этого т. Ярошенко делает вывод, что не может быть единой Политической экономии для всех об-

ществленных формаций, что должны быть две политические экономии: одна — для досоциалистических общественных формаций, предметом которой является изучение производственных отношений людей, другая — для социалистического строя, предметом которой должно являться не изучение производственных, т.е. экономических, отношений, а изучение вопросов рациональной организации производительных сил.

Такова точка зрения т. Ярошенко.

Что можно сказать об этой точке зрения?

Неверно, во-первых, что роль производственных отношений в истории общества ограничивается ролью тормоза, сковывающего развитие производительных сил. Когда марксисты говорят о тормозящей роли производственных отношений, то они имеют в виду не всякие производственные отношения, а только старые производственные отношения, которые уже не соответствуют росту производительных сил и, следовательно, тормозят их развитие. Но кроме старых производственных отношений существуют, как известно, новые производственные отношения, заменяющие собой старые. Можно ли сказать, что роль новых производственных отношений сводится к роли тормоза производительных сил? Нет, нельзя. Наоборот, новые производственные отношения являются той главной и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашей советской промышленности в течение пятилеток. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили старые, капиталистические производственные отношения в октябре 1917 года новыми, социалистическими производственными отношениями. Без этого переворота в производственных, экономи-

ческих отношениях нашей страны производительные силы прозябали бы у нас так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20-25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Конечно, новые производственные отношения не могут остаться и не остаются вечно новыми, они начинают стареть и впадать в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил, они начинают терять роль главного двигателя производительных сил и превращаются в тормоз. Тогда на место таких производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил.

Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперед и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, — составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики. Это знают теперь все приготавлишки от марксизма. Этого не знает, оказывается, т. Ярошенко.

Неверно, во-вторых, что самостоятельная роль производственных, т.е. экономических, отношений исчезает при социализме, что производственные отношения поглощаются производительными силами, что общественное производство при социализме сводится к организации производительных сил. Марксизм рассматривает общественное

производство как целое, имеющее две неразрывные стороны: производительные силы общества (отношения общества к природным силам, в борьбе с которыми оно добывает необходимые материальные блага) и производственные отношения (отношения людей друг к другу в процессе производства). Это — две различные стороны общественного производства, хотя они связаны друг с другом неразрывно. И именно потому, что они являются различными сторонами общественного производства, они могут воздействовать друг на друга. Утверждать, что одна из этих сторон может быть поглощена другой и превращена в ее собственную часть, — значит серьезнейшим образом согрешить против марксизма.

Маркс говорит:

«В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. V, с. 429).

Следовательно, общественное производство состоит из двух сторон, которые при всем том, что они неразрывно связаны друг с другом, отражают все же два ряда различных отношений: отношения людей к природе (производительные силы) и отношения людей друг к другу в процессе производства (производственные отношения). Только наличие обеих сторон производства дает нам общественное производство, все равно, идет ли речь о социалистическом строе или о других общественных формациях.

Тов. Ярошенко, очевидно, не вполне согласен с Марксом. Он считает, что это положение Маркса не применимо к социалистическому строю. Именно поэтому он сводит проблему Политической экономии социализма к за-

даче рациональной организации производительных сил, отбрасывая прочь производственные, экономические отношения и отрывая от них производительные силы.

Следовательно, вместо марксистской Политической экономии у т. Ярошенко получается что-то вроде «Всеобщей организационной науки» Богданова.

Таким образом, взяв правильную мысль о том, что производительные силы являются наиболее подвижными и революционными силами производства, т. Ярошенко доводит эту мысль до абсурда, до отрицания роли производственных, экономических отношений при социализме, причем вместо полнокровного общественного производства у него получается однобокая и тощая технология производства, — что-то вроде Бухаринской «общественно-организационной техники».

Маркс говорит:

«В общественном производстве своей жизни (то есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей. — *И. Ст.*) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (см. предисловия «К критике политической экономии»).

Это значит, что каждая общественная формация, в том числе и социалистическое общество, имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей. Встает вопрос, как обстоит дело у т. Ярошенко с экономическим базисом социалистического строя? Как известно, т. Ярошенко уже ликвидировал производственные отношения при социализме, как более или менее самостоятельную область, включив

то малое, что осталось от них, в состав организации производительных сил. Спрашивается, имеет ли социалистический строй свой собственный экономический базис? Очевидно, что, поскольку производственные отношения исчезли при социализме, как более или менее самостоятельная сила, социалистический строй остается без своего экономического базиса.

Следовательно, социалистический строй без своего экономического базиса. Получается довольно веселая история...

Возможен ли вообще общественный строй без своего экономического базиса? Тов. Ярошенко, очевидно, считает, что возможен. Ну, а марксизм считает, что таких общественных строев не бывает на свете.

Неверно, наконец, что коммунизм есть рациональная организация производительных сил, что рациональная организация производительных сил исчерпывает существо коммунистического строя, что стоит рационально организовать производительные силы, чтобы перейти к коммунизму без особых трудностей. В нашей литературе имеется другое определение, другая формула коммунизма, а именно ленинская формула: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Тов-щу Ярошенко, очевидно, не нравится ленинская формула, и он заменяет ее своей собственной самодельной формулой: «Коммунизм — это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Во-первых, никому не известно, что из себя представляет эта, рекламируемая т-щем Ярошенко, «высшая научная» или «рациональная» организация производительных сил, каково ее конкретное содержание? Тов. Ярошенко десятки раз повторяет эту мифическую формулу в своих речах на Пленуме, секциях дискуссии, в своем письме на имя членов Политбюро, но он нигде ни единым словом не пытается разъяснить, как собственно следует понимать «рациональную организацию» производительных сил, кото-

рая якобы исчерпывает собой сущность коммунистического строя.

Во-вторых, если уж сделать выбор между двумя формулами, то следует отбросить не ленинскую формулу, являющуюся единственно правильной, а так называемую формулу тов. Ярошенко, явно надуманную и немарксистскую, взятую из богдановского арсенала — «Всеобщей организационной науки».

Тов. Ярошенко думает, что стоит добиться рациональной организации производительных сил, чтобы получить изобилие продуктов и перейти к коммунизму, перейти от формулы: «каждому по труду» к формуле: «каждому по потребностям». Это большое заблуждение, изобличающее полное непонимание законов экономического развития социализма. Тов. Ярошенко слишком просто, по-детски просто представляет условия перехода от социализма к коммунизму. Тов. Ярошенко не понимает, что нельзя добиться ни изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, ни перехода к формуле «каждому по потребностям», оставляя в силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т.п. Тов. Ярошенко не понимает, что раньше, чем перейти к формуле «каждому по потребностям», нужно пройти ряд этапов культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества.

Для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

1. Необходимо, во-первых, прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного про-

изводства с преимущественным ростом производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное производство.

2. Необходимо, во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путем постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества.

Тов. Ярошенко ошибается, утверждая, что при социализме нет никакого противоречия между производственными отношениями и производительными силами общества. Конечно, наши нынешние производственные отношения переживают тот период, когда они, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами. Но было бы неправильно успокаиваться на этом и думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную политику, вроде той, которую рекомендует т. Ярошенко. В этом случае конфликт

будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьезнейший тормоз дальнейшего развития производительных сил.

Поэтому задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и вовремя принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая — колхозная собственность, товарное обращение. Конечно, в настоящее время эти явления с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства, и они приносят нашему обществу несомненную пользу. Несомненно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем. Но было бы непростительной слепотой не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнения, что чем дальше, тем больше будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны. Следовательно, задача состоит в том, чтобы ликвидировать эти противоречия путем постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения продуктообмена — тоже в порядке постепенности — вместо товарного обращения.

3. Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу су-

существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии.

Что требуется для этого?

Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах членов общества из обузы «в первую жизненную необходимость» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс), что общественная собственность будет расцениваться всеми членами общества как незыблемая и неприкосновенная основа существования общества.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет перейти от социалистической формулы — «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле — «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Это будет коренной переход от одной экономики, от экономики социализма — к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма.

Как видно, дело с переходом от социализма к коммунизму обстоит не так просто, как это воображает т. Ярошенко.

Пытаться свести все это сложное и многообразное дело, требующее серьезнейших экономических изменений, к «рациональной организации производительных сил», как это делает т. Ярошенко, — значит подменить марксизм богдановщиной.

II. ДРУГИЕ ОШИБКИ ТОВ. ЯРОШЕНКО

1. Из своей неправильной точки зрения т. Ярошенко делает неправильные выводы о характере и предмете политической экономии.

Тов. Ярошенко отрицает необходимость единой политической экономии для всех общественных формаций, исходя из того, что каждая общественная формация имеет свои специфические законы. Но он совершенно неправ, и он расходится здесь с такими марксистами, как Энгельс, Ленин.

Энгельс говорит, что политическая экономия есть «наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, всякий раз происходит распределение продуктов» («Анти-Дюринг»). Следовательно, политическая экономия изучает законы экономического развития не одной какой-либо общественной формации, а различных общественных формаций.

С этим, как известно, вполне согласен Ленин, который в своих критических замечаниях по поводу книжки Бухарина «Экономика переходного периода» сказал, что Бухарин неправ, ограничивая сферу действия политиче-

ской экономии товарным и прежде всего капиталистическим производством, заметив при этом, что Бухарин делает здесь «шаг назад против Энгельса».

С этим вполне согласуется определение политической экономии, данное в проекте учебника политической экономии, где сказано, что политическая экономия есть наука, изучающая «законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества».

Оно и понятно. Различные общественные формации в своем экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, которые общи для всех формаций, например, таким законам, как закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами.

Энгельс был совершенно прав, когда он говорил:

«Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной политической экономии, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению те формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» («Анти-Дюринг»).

Очевидно, что здесь, в этом вопросе, т. Ярошенко перекликается с Бухариным.

Далее. Тов. Ярошенко утверждает, что в его «Политической экономии социализма» «категории политической экономии — стоимость, товар, деньги, кредит и др. — заменяются здравыми рассуждениями о рациональной ор-

ганизации производительных сил в общественном производстве», что, следовательно, предметом этой политической экономии являются не производственные отношения социализма, а «разработка и развитие научной теории организации производственных сил, теории планирования народного хозяйства и т.п.», что производственные отношения при социализме теряют свое самостоятельное значение и поглощаются производительными силами, как их составная часть.

Нужно сказать, что такой несусветной тарабарщины не разводил еще у нас ни один свихнувшийся «марксист». Ведь, что значит политическая экономия социализма без экономических, производственных проблем? Разве бывает на свете такая политическая экономия? Что значит заменить в политической экономии социализма экономические проблемы проблемами организации производительных сил? Это значит ликвидировать политическую экономия социализма. Тов. Ярошенко так именно и поступает, — он ликвидирует политическую экономия социализма. Здесь он полностью смыкается с Бухариным. Бухарин говорил, что с уничтожением капитализма должна уничтожиться политическая экономия. Тов. Ярошенко этого не говорит, но он это делает, ликвидируя политическую экономия социализма. Правда, при этом он делает вид, что не вполне согласен с Бухариным, но это — хитрость, притом хитрость копеечная. На самом деле он делает то, что проповедовал Бухарин и против чего выступал Ленин. Тов. Ярошенко плетется по стопам Бухарина.

Дальше. Тов. Ярошенко проблемы политической экономии социализма сводит к проблемам рациональной организации производительных сил, к проблемам планирования народного хозяйства и т.п. Но он глубоко заблуждается. Проблемы рациональной организации производительных сил, планирование народного хозяйства и т.п. являются не предметом политической экономии, а предметом хозяйственной политики руководящих ор-

ганов. Это две различные области, которых нельзя смешивать. Тов. Ярошенко спутал эти две различные вещи и попал впросак. Политическая экономия изучает законы о развитии производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики — значит загубить ее, как науку.

Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающее из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов. Все это вместе составляет предмет политической экономии.

В этом определении отсутствует слово «обмен», фигурирующее в определении Энгельса. Оно отсутствует потому, что «обмен» понимается многими обычно как обмен товаров, свойственный не всем, а лишь некоторым общественным формациям, что вызывает иногда недоразумение, хотя Энгельс под словом «обмен» понимал не только товарный обмен. Однако, как видно, то, что Энгельс понимал под словом «обмен», нашло свое место в упомянутом определении, как его составная часть. Следовательно, по своему содержанию это определение предмета политической экономии полностью совпадает с определением Энгельса.

2. Когда говорят об основном экономическом законе той или иной общественной формации, обычно исходят из того, что последняя не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь лишь один какой-либо основной экономический закон, именно как основной закон. В противном случае мы имели бы несколько основных экономических законов для каждой

общественной формации, что противоречит самому понятию об основном законе. Однако т. Ярошенко с этим не согласен. Он считает, что можно иметь не один, а несколько основных экономических законов социализма. Это невероятно, но это факт. В своей речи на Пленуме дискуссии он говорит:

«Величины и соотношения материальных фондов общественного производства и воспроизводства определяются наличием и перспективой роста рабочей силы, вовлекаемой в общественное производство. Это есть основной экономический закон социалистического общества, обуславливающий структуру социалистического общественного производства и воспроизводства».

Это первый основной экономический закон социализма.

В той же речи т. Ярошенко заявляет:

«Соотношения между I и II подразделениями обуславливаются в социалистическом обществе потребностью производства средств производства в размерах, необходимых для вовлечения в общественное производство всего работоспособного населения. Это основной экономический закон социализма и в то же время это требование нашей Конституции, вытекающее из права на труд советских людей».

Это, так сказать, второй основной экономический закон социализма.

Наконец, в своем письме на имя членов Политбюро т. Ярошенко заявляет:

«Исходя из этого, существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно сформулировать, мне кажется, примерно следующим образом: непрерывно растущее и совершенствующееся производство материальных и культурных условий жизни общества».

Это уже третий основной экономический закон социализма.

Все ли эти законы являются основными экономическими законами социализма или только один из них, а если только один из них, то какой именно, — на эти вопросы т. Ярошенко не дает ответа в своем последнем письме на имя членов Политбюро. Формулируя основной экономический закон социализма в своем письме на имя членов Политбюро, он, надо полагать, «забыл», что в своей речи на Пленуме дискуссии три месяца назад он уже сформулировал два других основных экономических закона социализма, видимо, полагая, что на эту более чем сомнительную комбинацию не обратят внимания. Но, как видно, его расчеты не оправдались.

Допустим, что первых двух основных экономических законов социализма, сформулированных тов-щем Ярошенко, не существует больше, что основным экономическим законом социализма т. Ярошенко отныне считает третью его формулировку, изложенную в письме на имя членов Политбюро. Обратимся к письму т. Ярошенко.

Тов. Ярошенко говорит в этом письме, что он не согласен с определением основного экономического закона социализма, данным в «Замечаниях» т. Сталина. Он говорит:

«Главным в этом определении является «обеспечение максимального удовлетворения... потребностей всего общества». Производство показано здесь как средство для достижения этой главной цели — удовлетворения потребностей. Такое определение дает основание полагать, что сформулированный Вами основной экономический закон социализма исходит не из примата производства, а из примата потребления».

Очевидно, что т. Ярошенко совершенно не понял существа проблемы и не видит того, что разговоры о примате потребления или производства совершенно не имеют отношения к делу. Когда говорят о примате тех или иных общественных процессов перед другими процессами, то исходят обычно из того, что оба эти процесса являются более или менее однородными. Можно и нужно говорить

о примате производства средств производства перед производством средств потребления, так как и в том и в другом случае мы имеем дело с производством, следовательно, они более или менее однородны. Но нельзя говорить, неправильно было бы говорить о примате потребления перед производством или производства перед потреблением, так как производство и потребление представляют две совершенно различные области, правда, связанные друг с другом, но все же различные области. Тов. Ярошенко очевидно не понимает, что речь идет здесь не о примате потребления или производства, а о том, какую цель ставит общество перед общественным производством, какой задаче подчиняет оно общественное производство, скажем, при социализме. Поэтому совершенно не относятся к делу также разговоры т. Ярошенко о том, что «основу жизни социалистического общества, как и всякого другого общества, составляет производство». Тов. Ярошенко забывает, что люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Он забывает, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет.

Можно ли вообще говорить о цели капиталистического или социалистического производства, о задачах, которым подчинено капиталистическое или социалистическое производство? Я думаю, что можно и должно.

Маркс говорит:

«Непосредственной целью капиталистического производства является производство не товаров, а прибавочной стоимости, или прибыли в ее развитой форме; не продукта, а прибавочного продукта. С этой точки зрения самый труд производителей лишь постольку, поскольку он создает прибыль или прибавочный продукт для капитала. Поскольку рабочий этого не создает, его труд не производителен. Масса примененного производительного труда, следовательно, представляет для капитала интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей — или соответствен-

но ей — растет количество прибавочного труда; лишь постольку необходимо то, что мы называем необходимым рабочим временем. Постольку труд не дает этого результата, он является излишним и должен быть прекращен.

Цель капиталистического производства всегда состоит в создании максимума прибавочной стоимости или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала; поскольку этот результат не достигается чрезмерным трудом рабочих, возникает тенденция капитала, состоящая в стремлении произвести данный продукт с возможно меньшей затратой, — в стремлении к сбережению рабочей силы и издержек...

Сами рабочие представляются при таком понимании тем, чем они действительно являются в капиталистическом производстве, — только средствами производства, а не самоцелью и не целью производства». (См. «Теории прибавочной стоимости», том II, часть 2).

Эти слова Маркса замечательны не только в том отношении, что они коротко и точно определяют цель капиталистического производства, но и в том отношении, что они намечают ту основную цель, ту главную задачу, которая должна быть поставлена перед социалистическим производством.

Следовательно, цель капиталистического производства — извлечение прибылей. Что касается потребления, оно нужно капитализму лишь постольку, поскольку оно обеспечивает задачу извлечения прибылей. Вне этого вопрос о потреблении теряет для капитализма смысл. Человек с его потребностями исчезает из поля зрения.

Какова же цель социалистического производства, какова та главная задача, выполнению которой должно быть подчинено общественное производство при социализме?

Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей. Цель социалистического производства, как говорится в «Замечаниях»

т. Сталина: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Тов. Ярошенко думает, что он имеет здесь дело с «приматом» потребления перед производством. Это, конечно, недомыслие. На самом деле мы имеем здесь дело не с приматом потребления, а с подчинением социалистического производства основной его цели обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Следовательно, обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, — это цель социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники, — это средство для достижения цели.

Таков основной экономический закон социализма.

Желая сохранить так называемый «примат» производства перед употреблением, т. Ярошенко утверждает, что «основной экономический закон социализма» состоит «в непрерывном росте и совершенствовании производства материальных и культурных условий общества». Это совершенно неверно. Тов. Ярошенко грубо извращает и портит формулу, изложенную в «Замечаниях» т. Сталина. У него производство из средства превращается в цель, а обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества — исключается. Получается рост производства для роста производства, производство, как самоцель, а человек с его потребностями исчезает из поля зрения тов-ща Ярошенко.

Поэтому неудивительно, что вместе с исчезновением человека как цели социалистического производства, исчезают в «концепции» тов-ща Ярошенко последние остатки марксизма.

Таким образом у т. Ярошенко получился не «примат» производства перед потреблением, а что-то вроде «примата» буржуазной идеологии перед идеологией марксистской.

3. Особо стоит вопрос о Марксовой теории воспроизводства. Тов. Ярошенко утверждает, что Марксова теория воспроизводства является теорией только лишь капиталистического воспроизводства, что она не содержит чего-либо такого, что могло бы иметь силу для других общественных формаций, в том числе для социалистической общественной формации. Он говорит:

«Перенесение схемы воспроизводства Маркса, разработанной им для капиталистического хозяйства, на социалистическое общественное производство является продуктом догматического понимания учения Маркса и противоречит сущности его учения». (см. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Он утверждает, далее, что «Схема воспроизводства Маркса не соответствует экономическим законам социалистического общества и не может служить основой для социалистического воспроизводства». (См. там же).

Касаясь Марксовой теории простого воспроизводства, где устанавливается определенное соотношение между производством средств производства (I подразделение) и производством средств потребления (II подразделение), т. Ярошенко говорит:

«Соотношение между первым и вторым подразделениями не обуславливается в социалистическом обществе формулой Маркса В+М первого подразделения и С второго подразделения. В условиях социализма указанная взаимосвязь в развитии между первым и вторым подразделениями не должна иметь места». (См. там же).

Он утверждает, что «Разработанная Марксом теория о соотношениях I и II подразделений неприемлема в наших социалистических условиях, так как в основе теории Мар-

кса лежит капиталистическое хозяйство с его законами». (См. письмо т. Ярошенко на имя членов Политбюро).

Так разносит т. Ярошенко Марксову теорию воспроизводства.

Конечно, Марксова теория воспроизводства, выработанная в результате изучения законов капиталистического производства, отражает специфику капиталистического производства и, естественно, облечена в форму товарно-капиталистических стоимостных отношений. Иначе и не могло быть. Но видеть в Марксовой теории воспроизводства только эту форму и не замечать ее основы, не замечать ее основного содержания, имеющего силу не только для капиталистической общественной формации, — значит ничего не понять в этой теории. Если бы т. Ярошенко понимал что-либо в этом деле, то он понял бы и ту очевидную истину, что Марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации. Такие основные положения Марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производство средств производства и производство средств потребления; положение о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве; положение о соотношении между I и II подразделениями; положение о прибавочном продукте, как единственном источнике накопления; положение об образовании и назначении общественных фондов; положение о накоплении как единственном источнике расширенного производства, — все эти основные положения Марксовой теории воспроизводства являются теми самыми положениями, которые имеют силу не только для капиталистической формации

и без применения которых не может обойтись ни одно социалистическое общество при планировании народного хозяйства. Характерно, что сам т. Ярошенко, так высокомерно фыркающий на Марксовы «схемы воспроизводства», вынужден сплошь и рядом прибегать к помощи этих «схем» при обсуждении вопросов социалистического воспроизводства.

А как смотрели на это дело Ленин, Маркс?

Всем известны критические замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В этих замечаниях Ленин, как известно, признал, что Марксова формула соотношения между I и II подразделениями, против которой ополчается т. Ярошенко, остается в силе как для социализма, так и для «чистого коммунизма», т.е. для второй фазы коммунизма.

Что касается Маркса, то он, как известно, не любил отвлекаться в сторону от изучения законов капиталистического производства и не занимался в своем «Капитале» вопросом о применимости его схем воспроизводства к социализму. Однако в 20 главе II тома «Капитала» в рубрике «постоянный капитал подразделения I», где он трактует об обмене продуктов I подразделения внутри этого подразделения, Маркс как бы мимоходом замечает, что обмен продуктов в этом подразделении протекал бы при социализме с таким же постоянством, как при капиталистическом производстве. Маркс говорит:

«Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения I в целях воспроизводства не с меньшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно осталась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различными местами производства этого подраз-

деления установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях» (см.: *К. Маркс. Капитал. Т. 2. Изд. 8-е. С. 307*).

Следовательно, Маркс вовсе не считал, что его теория воспроизводства имеет силу только лишь для капиталистического производства, хотя он и занимался исследованием законов капиталистического производства. Наоборот, он, как видно, исходил из того, что его теория воспроизводства может иметь силу и для социалистического производства.

Следует отметить, что Маркс в «Критике Готской программы» при анализе экономики социализма и переходного периода к коммунизму исходит из основных положений своей теории воспроизводства, считая их очевидно обязательными для коммунистического строя.

Следует также отметить, что Энгельс в своем «Анти-Дюринге», критикуя «социалистическую систему» Дюринга и характеризуя экономику социалистического строя, также исходит из основных положений теории воспроизводства Маркса, считая их обязательными для коммунистического строя.

Таковы факты.

Выходит, что и здесь, в вопросе о воспроизводстве, т. Ярошенко, несмотря на его развязный тон в отношении «схем» Маркса, оказался вновь на мели.

4. Свое письмо на имя членов Политбюро т. Ярошенко кончает предложением — поручить ему составить «Политическую экономию социализма». Он пишет:

«Исходя из изложенного мною на пленарном заседании, секции и в настоящем письме определения предмета науки политической экономии социализма, используя марксистский диалектический метод, я могу в течение года, не более полтора года, при помощи двух человек, разработать теоретические решения основных вопросов политической экономии социализма; изложить марксистскую,

ленинско-сталинскую теорию политической экономии социализма, теорию, которая превратит эту науку в действенное орудие борьбы народа за коммунизм».

Нельзя не признать, что т. Ярошенко не страдает скромностью. Более того, пользуясь стилем некоторых литераторов, можно сказать: «даже совсем наоборот».

Выше уже говорилось, что т. Ярошенко смешивает политическую экономию социализма с хозяйственной политикой руководящих органов. То, что он считает предметом политической экономии социализма — рациональная организация производительных сил, планирование народного хозяйства, образование общественных фондов и т.д. — является не предметом политической экономии социализма, а предметом хозяйственной политики руководящих органов.

Я уже не говорю о том, что серьезные ошибки, допущенные т. Ярошенко, и его немарксистская «точка зрения» не располагают к тому, чтобы дать т. Ярошенко такое поручение.

* * *

Выводы:

1) Жалоба т. Ярошенко на руководителей дискуссии лишена смысла, так как руководители дискуссии, будучи марксистами, не могли отразить в своих обобщающих документах немарксистскую «точку зрения» т. Ярошенко;

2) просьбу т. Ярошенко поручить ему написать Политическую экономию социализма — нельзя считать серьезной, хотя бы потому, что от нее разит хлестаковщиной.

И. СТАЛИН

22 мая 1952 г.

ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ САНИНОЙ А.В. И ВЕНЖЕРУ В.Г.

Я получил ваши письма. Как видно, авторы этих писем глубоко и серьезно изучают проблемы экономики нашей страны. В письмах имеется немало правильных формулировок и интересных соображений. Однако наряду с этим там имеются и некоторые серьезные теоретические ошибки. В настоящем ответе я думаю остановиться на этих именно ошибках.

1. ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

Т.т. Санина и Венжер утверждают, что «только благодаря сознательному действию советских людей, занятых материальным производством, и возникают экономические законы социализма». Это положение совершенно неправильно.

Существуют ли закономерности экономического развития объективно, вне нас, независимо от воли и сознания людей? Марксизм отвечает на этот вопрос положительно. Марксизм считает, что законы политической экономики социализма являются отражением в головах людей объективных закономерностей, существующих вне нас. Но формула т.т. Саниной и Венжера отвечает на этот вопрос отрицательно. Это значит, что эти товарищи становятся на точку зрения неправильной теории, утверждающей, что законы экономического развития при социализме «создаются», «преобразуются» руководящими органами общества. Иначе говоря, они рвут с марксизмом и становятся на путь субъективного идеализма.

Конечно, люди могут открыть эти объективные закономерности, познать их и, опираясь на них, использовать

их в интересах общества. Но они не могут ни «создавать» их, ни «преобразовывать».

Допустим, что мы стали на минутку на точку зрения неправильной теории, отрицающей существование объективных закономерностей в экономической жизни при социализме и провозглашающей возможность «создания» экономических законов, «преобразования» экономических законов. К чему это привело бы? Это привело бы к тому, что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы лишили бы себя возможности не то, что понять, а просто разобратся в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к тому, что мы ликвидировали бы политическую экономию как науку, ибо наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей. Ликвидировав же науку, мы лишили бы себя возможности предвидеть ход событий в экономической жизни страны, то есть мы лишили бы себя возможности наладить хотя бы самое элементарное экономическое руководство.

В конечном счете мы оказались бы во власти произвола «экономических» авантюристов, готовых «уничтожить» законы экономического развития и «создать» новые законы без понимания и учета объективных закономерностей.

Всем известна классическая формулировка марксистской позиции по этому вопросу, данная Энгельсом в его «Анти-Дюринге»:

«Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся пони-

мать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощенном электричестве в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службу человеку. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной наконец природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению».

2. ВОПРОС О МЕРАХ ПОВЫШЕНИЯ КОЛХОЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДО УРОВНЯ ОБЩЕНАРОДНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Какие мероприятия необходимы для того, чтобы поднять колхозную собственность, которая является, конечно, не общенародной собственностью, до уровня общенародной («национальной») собственности?

Некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной собственностью, по примеру того, как это было сделано в свое время с капиталистической собственностью. Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо. Колхозная собственность есть социалистическая собственность, и мы никак не можем обращаться с ней, как с капиталистической собственностью. Из того, что колхозная собственность является не общенародной собственностью, ни в коем случае не следует, что колхозная собственность не является социалистической собственностью.

Эти товарищи полагают, что передача собственности отдельных лиц и групп в собственность государства является единственной или во всяком случае лучшей формой национализации. Это неверно. На самом деле передача в собственность государства является не единственной и даже не лучшей формой национализации, а первоначальной формой национализации, как правильно говорит об этом Энгельс в «Анти-Дюринге». Безусловно, что, пока существует государство, передача в собственность государства является наиболее понятной первоначальной формой национализации. Но государство будет существовать не на веки вечные. С расширением сферы действия социализма в большинстве стран мира государство будет отмирать и, конечно, в связи с этим отпадет вопрос о передаче имущества отдельных лиц и групп в собственность государства. Государство отомрет, а общество останется. Следовательно, в качестве преемника общенародной собственности будет выступать уже не государство, которое отомрет, а само общество в лице его центрального, руководящего экономического органа.

Что же в таком случае нужно предпринять, чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности?

В качестве основного мероприятия для такого повышения колхозной собственности т.т. Санина и Венжер предлагают: продать в собственность колхозам основные орудия производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях, разгрузить таким образом государство от капитальных вложений в сельское хозяйство и добиться того, чтобы сами колхозы несли на себе ответственность за поддержание и развитие машинно-тракторных станций. Они говорят:

«Было бы неправильно полагать, что колхозные вложения должны будут главным образом направляться на нужды культуры колхозной деревни, а на нужды сельскохозяйственного производства по-прежнему основную массу вложений должно будет производить государство. А не верней ли будет освободить государство от этого бремени, ввиду полной способности колхозов принять это бремя всецело на себя. У государства найдется немало дел для вложения своих средств в целях создания в стране изобилия предметов потребления»

Для обоснования этого предложения авторы предложения выдвигают несколько доводов.

Во-первых. Ссылаясь на слова Сталина о том, что средства производства не продаются даже колхозам, авторы предложения подвергают сомнению это положения Сталина, заявляя, что государство все же продает средства производства колхозам, такие средства производства, как мелкий инвентарь, вроде кос и серпов, мелких двигателей и т.д. Они считают, что если государство продает колхозам эти средства производства, то оно могло бы продать и все другие средства производства вроде машин МТС.

Этот довод несостоятелен. Конечно, государство продает колхозам мелкий инвентарь, как это полагается по Уставу сельскохозяйственной артели и по Конституции. Но можно ли ставить на одну доску мелкий инвентарь и такие основные средства производства в сельском хозяйстве, как машины МТС, или, скажем, земля, которая тоже

ведь является одним из основных средств производства в сельском хозяйстве. Ясно, что нельзя. Нельзя, так как мелкий инвентарь ни в какой степени не решает судьбу колхозного производства, тогда как такие средства производства, как машины МТС и земля, всецело решают судьбу сельского хозяйства в наших современных условиях.

Нетрудно понять, что, когда Сталин говорил о том, что средства производства не продаются колхозам, он имел в виду не мелкий инвентарь, а основные средства сельскохозяйственного производства: машины МТС, земля. Авторы играют словами «средства производства» и смешивают две различные вещи, не замечая, что они попадают впросак.

Во-вторых. Т.т. Санина и Венжер ссылаются далее на то, что в период массового колхозного движения — в конце 1929 и в начале 1930 годов ЦК ВКП(б) сам стоял за то, чтобы передать в собственность колхозам машинно-тракторные станции, требуя от колхозов погасить стоимость машинно-тракторных станций в течение трех лет. Они считают, что хотя тогда это дело и провалилось «ввиду бедности» колхозов, но теперь, когда колхозы стали богатыми, можно было бы вернуться к этой политике — продать даже колхозам МТС.

Этот довод также несостоятелен. В ЦК ВКП(б) действительно было принято решение о продаже МТС колхозам в начале 1930 года. Решение это было принято по предложению группы ударников-колхозников в виде опыта, в виде пробы, с тем чтобы в ближайшее время вернуться к этому вопросу и вновь его рассмотреть. Однако первая же проверка показала нецелесообразность этого решения, и через несколько месяцев, а именно в конце 1930 года, решение было отменено.

Дальнейший рост колхозного движения и развитие колхозного строительства окончательно убедили как колхозников, так и руководящих работников, что сосредоточение основных орудий сельскохозяйственного производства в руках государства, в руках машинно-тракторных

станций, является единственным средством обеспечения высоких темпов роста колхозного производства.

Мы все радуемся колоссальному росту сельскохозяйственного производства нашей страны, росту зернового производства, производства хлопка, льна, свеклы и т.д. Где источник этого роста? Источник этого роста в современной технике, в многочисленных современных машинах, обслуживающих все эти отрасли производства. Дело тут не только в технике вообще, а в том, что техника не может стоять на одном месте, она должна все время совершенствоваться, что старая техника должна выводиться из строя и заменяться новой, а новая — новейшей. Без этого немыслим поступательный ход нашего социалистического земледелия, немыслимы ни большие урожаи, ни изобилие сельскохозяйственных продуктов. Но что значит вывести из строя сотни тысяч колесных тракторов и заменить их гусеничными, заменить десятки тысяч устаревших комбайнов новыми, создать новые машины, скажем, для технических культур? Это значит нести миллиардные расходы, которые могут окупиться лишь через 6-8 лет. Могут ли поднять эти расходы наши колхозы, если даже они являются миллионерами? Нет, не могут, так как они не в состоянии принять на себя миллиардные расходы, которые могут окупиться лишь через 6-8 лет. Эти расходы может взять на себя только государство, ибо оно и только оно в состоянии принять на себя убытки от вывода из строя старых машин и замены их новыми, ибо оно и только оно в состоянии терпеть эти убытки в течение 6-8 лет с тем, чтобы по истечении этого срока возместить произведенные расходы.

Что значит после всего этого требовать продажи МТС в собственность колхозам? Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства.

Отсюда вывод: предлагая продажу МТС в собственность колхозам, тт. Санина и Венжер делают шаг назад

в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории.

Допустим на минутку, что мы приняли предложение т.т. Саниной и Венжера и стали продавать в собственность колхозам основные орудия производства, машинно-тракторные станции. Что из этого получилось бы?

Из этого получилось бы, во-первых, что колхозы стали бы собственниками основных орудий производства, то есть они попали бы в исключительное положение, какого не имеет в нашей стране ни одно предприятие, ибо, как известно, даже национализированные предприятия не являются у нас собственниками орудий производства. Чем можно обосновать это исключительное положение колхозов, какими соображениями прогресса, продвижения вперед? Можно ли сказать, что такое положение способствовало бы повышению колхозной собственности до уровня общенародной собственности, что оно ускорило бы переход нашего общества от социализма к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что такое положение могло бы лишить отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а наоборот, к удалению от него?

Из этого получилось бы, во-вторых, расширение сферы действия товарного обращения, ибо колоссальное количество орудий сельскохозяйственного производства попало бы в орбиту товарного обращения. Как думают т.т. Санина и Венжер, может ли способствовать расширение сферы товарного обращения нашему продвижению к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что оно может лишь затормозить наше продвижение к коммунизму?

Основная ошибка т.т. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к комму-

низму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубоко заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма.

Критикуя «хозяйственную коммуну» Дюринга, действующую в условиях товарного обращения, Энгельс в своем «Анти-Дюринге» убедительно доказал, что наличие товарного обращения неминуемо должно привести так называемые «хозяйственные коммуны» Дюринга к возрождению капитализма. Т.т. Санина и Венжер, видимо, не согласны с этим. Тем хуже для них. Ну, а мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения о том, что переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения продуктов по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость. Так обстоит дело с предложением и доводами т.т. Саниной и Венжера.

Что же в конце концов следует предпринять, чтобы повысить колхозную собственность до уровня общенародной собственности?

Конечно, есть предприятие необычное. Колхоз работает на земле и обрабатывает землю, которая давно уже является не колхозной, а общенародной собственностью. Следовательно, колхоз не является собственником обрабатываемой земли.

Далее. Колхоз работает при помощи основных орудий производства, представляющих не колхозную, а общенародную собственность. Следовательно, колхоз не является собственником основных орудий производства.

Далее. Колхоз — предприятие кооперативное, он пользуется трудом своих членов и распределяет доходы среди членов по трудодням, причем у колхоза есть свои семена, которые ежегодно возобновляются и идут в производство.

Спрашивается: Чем же собственно владеет колхоз, где та колхозная собственность, которой он может распоря-

жаться вполне свободно, по собственному усмотрению? Такой собственностью является продукция колхоза, продукция колхозного производства: зерно, мясо, масло, овощи, хлопок, свекла, лен и т.д., не считая построек и личного хозяйства колхозников на усадьбе. Дело в том, что значительная часть этой продукции, излишки колхозного производства поступают на рынок и включаются таким образом в систему товарного обращения. Это именно обстоятельство и мешает сейчас поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности. Поэтому именно с этого конца и нужно развернуть работу по повышению колхозной собственности до уровня общенародной. Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть.

У нас нет еще развитой системы продуктообмена, но есть зачатки продуктообмена в виде «отоваривания» сельскохозяйственных продуктов. Как известно, продукция хлопководческих, льноводческих, свекловичных и других колхозов уже давно «отоваривается», правда, «отоваривается» не полностью, частично, но все же «отоваривается». Заметим мимоходом, что слово «отоваривание» неудачное слово, его следовало бы заменить продуктообменом. Задача состоит в том, чтобы эти зачатки продуктообмена организовать во всех отраслях сельского хозяйства и развить их в широкую систему продуктообмена с тем, чтобы колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а главным образом необходимые изделия. Такая система потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне, поэтому ее придется вводить без особой торопливости, по мере накопления городских изделий. Но вводить ее нужно неуклонно, без колебаний, шаг

за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена.

Такая система, сокращая сферу действия товарного обращения, облегчит переход от социализма к коммунизму. Кроме того, она даст возможность включить основную собственность колхозов, продукцию колхозного производства в общую систему общенародного планирования.

Это и будет реальным и решающим средством для повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности при наших современных условиях.

Выгодна ли такая система для колхозного крестьянства? Безусловно выгодна. Выгодна, так как колхозное крестьянство будет получать от государства гораздо больше продукции и по более дешевым ценам, чем при товарном обращении. Всем известно, что колхозы, имеющие с правительством договора о продуктообмене («отоваривания»), получают несравненно больше выгод, чем колхозы, не имеющие таких договоров. Если систему продуктообмена распространить на все колхозы в стране, то эти выгоды станут достоянием всего нашего колхозного крестьянства.

И. СТАЛИН

1952 г. 28 сентября

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Странное сочинение вождя	9
Глава 2. Проблемы с экономикой	35
Глава 3. Наследство	56
Глава 4. Конец великой эпохи	96
Глава 5. Антисталинизм	139
Заключение	151
Приложения	186

Баландия Рудольф Константинович

ЗАВЕЩАНИЕ СТАЛИНА

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *С. В. Курбатов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип pocket» E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket»
Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzkaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-ssle.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ-Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Подписано в печать 25.12.2008.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 4000 экз. Заказ № 4902079

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.